

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1906.

№ 12.

ІЮНЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Патріаршій судъ въ древне-русской Церкви. (Историческая справка о нашемъ высшемъ церковномъ управленіи). <i>И. Ансеровъ</i>	593—606
Христосъ въ современной духовной жизни. (Christus im modernen Geistesleben). <i>Е. Пфеннигсдорфа</i> . (Переводъ съ нѣмецкаго). <i>Н. Н.</i>	607—639
Любовь къ Богу и ближнимъ въ жизни первыхъ христіанъ по свидѣтельству исторіи Церкви. (Окончаніе). <i>А. Вертеловскаго</i>	640—664
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
„Основы психологіи религіи“. (Взглядъ проф. <i>Т. Платона</i>). (Окончаніе). <i>В. Д-ва</i>	492—524
Ученіе Гартмана о трехъ стадіяхъ иллюзіи. (Окончаніе). <i>Константино Сильченкова</i>	
III. ВѢСТІИ ПО ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.	
Содержаніе. I. Епархіальныя извѣщенія.—Разрѣшительный списокъ воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи, составленный по окончаніи 1905—1906 учебнаго года.—Отъ Пріиженія Харьковской Духовной Семинаріи.—Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго Именскаго Училища.—Отъ Правленія Эмеритальной кассы.—Отъ Совѣта Братства Оверянской Божіей Матери. II. Нелюбезныя. <i>А.</i> —Изъ залы собраній харьковскаго духовенства. <i>Слащевника И. Лискаго</i> .—Изъ вопросу о преобразованіи учебныхъ курсовъ въ нашихъ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ. (Окончаніе) <i>Слащевника И. Волосенскаго</i> .—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.
1906.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входятъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ релігіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко въ природѣ челоука и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Извѣстія по Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень гонимыхъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Повровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія лавы, въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени». Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 р. за 1890—1896 г. по 8 р. за 1897—1901 годы. За 1902 г.—9 р. и 1903 г. 10 рублей. Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 135 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перекладъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождественна. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. БЕСВѢДЫ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. Благочинными Харьковской епархіи. 1903 г. Цѣна 25 к. съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Върою разумъваемъ.

Евр. XI.

ПАТРИАРШІЙ СУДЪ ВЪ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

(Историческая справка о нашемъ высшемъ церковномъ управленіи).

Въ основу русскаго патриаршаго суда положены были юридическія нормы и судебная практика древне-византійской Церкви,—но, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ особенностей русской церковной жизни и порядка управленія, патриаршій судъ явился у насъ въ значительно измѣненномъ—по сравненію съ Византіей—видѣ.

Въ древне-византійской Церкви, соотвѣтственно тремъ составнымъ органическимъ частямъ патриархата (*Парохіа*, *ἐπαρχία*, *διοίκησις*), патриаршій судъ былъ судомъ трехъ инстанцій. Какъ *первая инстанція*, этотъ судъ дѣйствовалъ по всѣмъ жалобамъ на митрополитовъ даннаго патриархата;—затѣмъ, по дѣламъ между митрополитами и жалобамъ митрополита на клиръ или епархіальныхъ епископовъ,—и, наконецъ, когда являлась необходимость судить патриарха. Какъ *вторая инстанція*, патриаршій судъ дѣйствовалъ по жалобамъ на приговоры митрополичьихъ судовъ,—а какъ *третья и послѣдняя инстанція*, постановлялъ окончательное рѣшеніе по всѣмъ вопросамъ, разбиравшимся въ низшихъ судахъ и переданныхъ на его окончательное разрѣшеніе ¹⁾. Этотъ судъ былъ соборнымъ, причемъ во всѣхъ указанныхъ случаяхъ значеніе предсѣдательствующаго на соборѣ патриарха простиралось немногимъ далѣе, чѣмъ права cadaго члена—епископа,—ровно настолько, насколько больше вліянія на поставленіе собора могъ оказывать его предсѣдатель по сравненію съ рядовымъ членомъ. Практикой византійской Церкви патриарху предоставлено было

¹⁾ *Номок. Фот.* IX тит., гл. 6, *Никодимъ.* „Прав. церк. право“, стр. 476.

лишь право опредѣлять и предлагать на утвержденіе собора степень наказанія, которому надлежало подвергнуть митрополита или епископа за какое-нибудь преступленіе ¹⁾. Все же остальное, какъ то: производство слѣдствія и суда, допросъ и разборъ судебныхъ доказательствъ, оправданіе или осужденіе обвиняемаго—все это принадлежало лишь собору въ цѣломъ,—патріархъ же наравнѣ съ другими членами участвовалъ только въ подачѣ голоса.

Въ русской Церкви патріаршій судъ явился съ нѣкоторыми значительными особенностями.—Прежде всего, при отсутствіи у насъ окружнаго управленія, при которомъ посредствующей инстанціей между патріархомъ и всѣми архіереями являются областные митрополиты, патріаршій судъ у насъ могъ быть лишь судомъ двухъ инстанцій—1) какъ судъ надъ всѣми безъ исключенія лицами—духовными и ведуховными въ церковныхъ дѣлахъ по жалобамъ на епископскій судъ—и 2) какъ судъ надъ архіереями по жалобамъ—или за переходеніе ими предѣловъ своей компетенціи.

Въ первомъ отношеніи патріаршій судъ согласно каноническимъ опредѣленіямъ простирался на всѣхъ ивоепархіальныхъ лишь въ случаѣ апелляціи къ нему на судъ епископскій,—не нарушая правъ епархіальныхъ архіереевъ отправлять судъ въ своихъ епархіяхъ. Въ допатріаршее время—въ XIV—XV вв. исключеніе изъ этого общаго правила составляло только правотакъ называемаго „мѣсячнаго суда“. Подъ послѣднимъ разумѣлось право въѣзда митрополита въ подчиненную ему епархію для производства суда—въ цѣляхъ полученія судебныхъ пошлинъ, или денежныхъ доходовъ, вытекавшихъ изъ права суда. Но это явленіе, имѣвшее мѣсто, быть можетъ, даже въ одной Новгородской области ²⁾, въ патріаршій періодъ совершенно не встрѣчается. Зато въ это время мы находимъ слѣды уклоненій патріаршаго суда отъ каноническихъ нормъ—въ другой формѣ—именно—въ обычаѣ давать такъ называемыя „завыв-

¹⁾ *Никодимъ*. Цит. 334 стр.

²⁾ Такъ не безъ основанія полагаетъ *пр. Суворовъ* (курсъ церк. права, т. I, стр. 134, прим. 21),—хотя другіе (какъ, напр. *пр. Макарій*) утверждаютъ, что всероссійскіе митрополиты право мѣсячнаго суда применяли и въ другихъ епархіяхъ (V т. 89 стр.).

ныя“ грамоты ¹⁾. Фактъ существованія этихъ грамотъ говоритъ за то, что патріархи не особенно стѣснялись рамками, какія отводились для нихъ церковными законами въ сферѣ суда. Впрочемъ, это вторженіе патріарховъ въ область вѣдѣнія епархіальныхъ епископовъ считалось всегда незаконнымъ и со стороны самихъ патріарховъ и со стороны епархіальныхъ архіереевъ, а соборомъ 1675 года самый обычай давать зазывныя грамоты былъ осужденъ и отмѣненъ ²⁾.

Главное же отличіе русскаго патріаршаго суда отъ древне-греческаго заключается во второмъ отношеніи, въ отношеніи къ самимъ подвѣдомымъ архіереямъ. Самую характерную особенность нашего суда составляло то, что онъ у насъ являлся въ собственномъ смыслѣ „патріаршимъ“ судомъ патріарха, гораздо болѣе заслуживая этого названія, чѣмъ древне-византійскій, который долженъ быть названъ вѣрнѣе судомъ патріаршаго синода. Впрочемъ, это не значитъ, чтобы у насъ судъ надъ епископомъ производился патріархами единолично. Единоличная власть патріарха для суда надъ архіереями у насъ всегда признавалась некомпетентною и нуждалась въ согласіи собора ³⁾. Намъ извѣстны лишь два случая единоличнаго суда надъ епископами, и эти оба случая тогда же были осуждены, какъ антиканоническіе. Первый случай имѣлъ мѣсто въ 1616 году во время междупатріаршества, предъ вступленіемъ на патріаршій престолъ Филарета, когда мѣстоблюстителемъ митр. Іона Крутицкій. Последній, получивъ доносъ на Нектарія, архіеп. Вологодскаго, не произвелъ никакого разслѣдованія дѣла, въ которомъ тотъ обвинялся, и прямо,

¹⁾ „Зазывныя“ грамоты выдавались боярамъ, думнымъ и всякаго рода московскимъ людямъ—въ тѣхъ случаяхъ, когда они подавали патріарху челобитныя на архимандритовъ, строителей и людей священнаго чина въ другихъ епархіяхъ.— Образецъ такой „зазывной“ грамоты сохранился въ „Актахъ, относ. до юрид. быта др. Россіи“, т. I, № 45.

²⁾ *Акты Археогр. Эксп.* т. IV, № 204.

³⁾ По постановленію *Стоглаваго собора*, судъ надъ епископомъ долженъ былъ производиться *соборомъ епископовъ* подъ предсѣдательствомъ Крутицкаго митрополита (по изд. Кожанчикова, гл. 68, стр. 209). Дѣятельности послѣдняго, впрочемъ, въ указанномъ отношеніи—въ патріаршій періодъ мы не видимъ почти совершенно, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда этотъ митрополитъ дѣйствовалъ во время междупатріаршества въ качествѣ мѣстоблюстителя.

„безъ сыску и неповинно“, осудилъ Нектарія, лишилъ его архіерейскаго сана и сослалъ на заточеніе въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь простымъ чернецомъ ¹⁾. Но въ послѣдствіи, при вступленіи на патр. престолъ Филарета, такой поступокъ Іоны нашелъ себѣ полное осужденіе. Дѣло это разбиралось на соборѣ, которымъ Нектарій оправданъ, а Іона долженъ былъ просить прощенія и у патриарха и у обиженнаго имъ Нектарія ²⁾.—Другой случай—это единоличный судъ патр. Никона надъ Павломъ Коломенскимъ. Но этотъ случай, поразившій всѣхъ неслыханною жестокостью, нашелъ себѣ полное осужденіе и со стороны русскихъ архіереевъ и со стороны вост. патриарховъ, выставившихъ его какъ одну изъ главныхъ судебныхъ уликъ противъ Никона ³⁾.—Для суда надъ епископомъ у насъ даже болѣе чувствовалась необходимость въ соборѣ, чѣмъ при рѣшеніи различныхъ административнаго характера вопросовъ, относящихся до общецерковнаго управленія.

Одного какого-либо опредѣленнаго порядка, которому бы подчинялось всякое производство суда надъ архіереями, у насъ не было выработано. Каждый случай суда представляетъ свои особенности, обуславливаясь различными обстоятельствами. Болѣе общій *порядокъ соборнаго судопроизводства* представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Если дѣло требовало разслѣдованія на мѣстѣ, то для производства предварительнаго слѣдствія наряжалась патриархомъ особая коммиссія, въ составъ которой обязательно входилъ одинъ архіерей и вмѣстѣ съ нимъ архимандриты и дьяки. Эта коммиссія производила слѣдствіе, допрашивала свидѣтелей и изъ добытыхъ свидѣтельскими показаніями свѣдѣній составляла судебный протоколъ, который представляла затѣмъ на разсмотрѣніе и повѣрку собору. Такъ, напр., дѣло обстояло въ 1660 и 1663 г.г., при производствѣ суда надъ Стефаномъ, архіепископомъ Суздальскимъ, два раза судимымъ,—для пред-

¹⁾ Мухоморовъ. „Исторія Русской Церкви“. X т. 172—173 стр.

²⁾ См. грамоту п. Филарета о разрѣшеніи Нектарія въ „*Ист. Общ. Ист. и Древн.*“ 1866 г. кн. III, отд. V, стр. 8—10.

³⁾ См. обвинит. приговоръ соб. 1667 г. въ „*Древней Россійской Вивліовикѣ*“. III т., № 48, стр. 406.

варительнаго слѣдствія надъ которымъ дважды наряжалась комиссія. Отъ послѣдней представлены были собору „обыскныя рѣчи“ съ изложеніемъ пунктовъ („статей“), въ которыхъ обвинялся архіепископъ ¹⁾. Если же обвиняемый епископъ жилъ въ Москвѣ, то патріархъ призывалъ его къ себѣ и дѣло предварительнаго слѣдствія велъ самъ. Онъ келейно разбиралъ съ нимъ его вины, допрашивалъ свидѣтелей, выслушивалъ отъ него оправданія и, если находилъ его виновнымъ, убѣждалъ его исправиться въ своемъ поведеніи. Такъ, напр., когда обнаружена была предъ патр. Филаретомъ неправильность (по тогдашнимъ понятіямъ) мнѣнія митр. Іоны по вопросу о способѣ принатія латинянъ, то патріархъ призвалъ къ себѣ Іону вмѣстѣ съ тѣми священниками, отъ которыхъ шелъ доносъ, убѣждалъ его измѣнить свои взгляды и доказывалъ ихъ неправильность ²⁾. Если патріархъ обнаруживалъ виновность обвиняемаго и не замѣчалъ съ его стороны раскаянія въ своихъ возрѣніяхъ и поступкахъ, то откладывалъ это дѣло до соборнаго разсужденія о немъ,—а пока самъ—своею властью запрещалъ ему, какъ находящемуся подъ судомъ и слѣдствіемъ, отправленіе священнослуженія ³⁾. Иногда, если преступленіе было не тяжкимъ, и обвиняемый обнаруживалъ раскаяніе,—предварительнымъ слѣдствіемъ со стороны патріарха и ограничивался весь судъ. Въ такихъ случаяхъ патріархъ отъ себя назначалъ какое-либо легкое наказаніе—выговоръ ⁴⁾—или запрещеніе священнослуженія на извѣстное время ⁵⁾. Но въ другихъ случаяхъ оставить дѣло безъ разсмотрѣнія его соборомъ было невозможно;—тогда патріархъ докладывалъ его собору. Какъ мы видѣли выше, патріархъ на предварительномъ слѣдствіи знакомился вполнѣ съ сущію дѣла, опредѣлялъ сте-

1) „Ут. Общ. Ист. и Древн.“ 1876 г. кн. 1, отд. V, 222—225 стр.; *Иоасафа* „Церк.-истор. описаніе сузд. достопамятностей“, стр. 32—33, прим. 82.

2) *Макарія* „Ист. русск. церкви“, т. XI, стр. 23—25; *Омирнова* „Патріархъ Филаретъ“, стр. 57—59.

3) *Ibid.*

4) Напр., *Киприану Тобольскому*—отъ патр. Филарета за небреженіе о своей паствѣ. (*Собр. Гос. Гр. и Дош. III*, № 60, стр. 245—253.)

5) Напр. *Стрѣоному, архіеп. Сибирскому*—патр. Никономъ на одинъ годъ за несправедливое, кажется, проклятiе одного изъ льяковъ своихъ. (*Др. Росс. Вивл. III*, стр. 189; *Макарія* „Ист. русск. церкви“ XII, стр. 300.)

пень виновности обвиняемаго епископа и предрѣшалъ уже дѣло до собора, который по докладѣ лишь утверждалъ его. Но иногда патріархъ затруднялся одинъ придти къ опредѣленному рѣшенію. Въ такихъ случаяхъ мы видимъ обращеніе его до соборнаго суда къ нѣкоторымъ (вѣроятно, болѣе авторитетнымъ) архіереямъ съ запросомъ объ ихъ мнѣніи по какому-либо дѣлу. Съ такимъ запросомъ обращался, напр., патріархъ Іоакимъ къ Рязанскому митрополиту Іосифу по дѣлу Іосифа Коломенскаго ¹⁾. Когда дѣло, стоящее на очереди, окончательно выяснилось для патріарха, тогда онъ докладывалъ его на разсмотрѣніе собору. Такъ какъ патріархъ лучше всѣхъ знакомъ былъ съ обстоятельствами дѣла, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ быть, даже только и одинъ, за исключеніемъ развѣ слѣдователей, если таковые назначались, то онъ и руководилъ соборными разсужденіями. Оффиціальнымъ актомъ по дѣлу Стефана Суздальскаго дѣло, правда, представляется такъ, какъ будто всѣ члены собора тщательно провѣряли всѣ статьи судебного протокола и требовали на нихъ отвѣтовъ со стороны обвиняемаго,—вообще, активно участвовали въ производствѣ суда надъ нимъ ²⁾,—но такой порядокъ соборнаго разслѣдованія, если онъ не имѣлъ мѣста только въ оффиціальной бумагѣ, не можетъ быть признанъ явленіемъ рядовымъ. Это было время междупатріаршества, когда незадолго предъ тѣмъ палъ Никонъ, злоупотребленія котораго своей властью пробудили въ архіереяхъ дремавшее до того сознаніе своихъ правъ и заставили ихъ стать на стражѣ этихъ правъ. Болѣе обычный порядокъ представляетъ, думается намъ, судъ надъ митрополитомъ Іоной при патріархѣ Филаретѣ. Этотъ судъ происходитъ такимъ образомъ. Когда были вызваны на соборъ обвиняемый Іона, его обвинители и свидѣтели, патріархъ открылъ засѣданіе обширной рѣчью, въ которой изложилъ суть дѣла, обличалъ „зломудрствованія“ Іоны и приводилъ доказательства противъ нихъ. Затѣмъ велѣлъ читать обвинительный актъ и, по прочтеніи его, сталъ производить допросъ Іонѣ, изобличая его при записательствѣ лич-

¹⁾ Отвѣтная грамота *Іосифа Рязанскаго* патріарху помѣщена въ „Церковн.-Истор. опис. Сузд. дѣст. *Іоасафа*—стр. 33—33, прим. 82.

²⁾ Цит. соч. *Іоасафа*. Ibid.

ными показаніями свидѣтелей, поставленныхъ съ очей на очи, до тѣхъ поръ, пока онъ не признался во всемъ и не сталъ молить соборъ о прощеніи. Тогда отцы занялись составленіемъ судебного рѣшенія ¹⁾. Подобнымъ образомъ происходила и другія судебныя разбирательства, какъ, напр., судъ надъ тѣмъ же Іоной за незаконное осужденіе имъ Нектарія и др. ²⁾. Не всегда, однако, происходилъ на соборѣ личный допросъ обвиняемаго. Иногда послѣдній еще до соборнаго приговора подвергался наказанію и ссылался въ какой-нибудь монастырь. Соборный судъ въ подобныхъ случаяхъ происходилъ заочно. Такъ, напр., было поступлено по отношенію къ Суздальскому архіепископу Іосифу Курцевичу при патриархѣ Іоасафѣ I въ 1634 году. Сначала этотъ Іосифъ „за его безчинство (за то), что онъ живетъ не по святительскому чину, дѣлаетъ многія непристойныя дѣла“, по царскому указу, былъ сосланъ въ сійскій монастырь подъ крѣпкое начало, но при этомъ онъ не лишенъ былъ архіерейства, и въ монастырѣ велѣно было ему „быти во властинскомъ чину съ панагѣею“;—запрещено лишь было пускать его въ церковь до полученія указа ³⁾. Вслѣдъ за тѣмъ въ Москвѣ состоялся заочный судъ, прибавившій къ назначенному наказанію еще лишеніе сана,—каковой приговоръ, по патриаршему указу, и должно было привести въ исполненіе въ томъ же монастырѣ ⁴⁾. Такой судъ имѣлъ мѣсто, кажется, только въ тѣхъ случаяхъ, когда не могло быть никакихъ сомнѣній въ виновности обвиняемаго и когда его вопіющіе проступки дѣлали необходимымъ немедленное лишеніе его кафедры и возможно скорѣйшее понесеніе имъ наказанія. Послѣднимъ актомъ соборнаго суда было постановленіе судебного рѣшенія. Опредѣляясь главнымъ образомъ предложеніемъ патриарха, хотя и не безъ совѣта собора, оно приводилось въ исполненіе распоряженіями патриарха, который издавалъ указы объ исполненіи соборныхъ постановленій ⁵⁾.

¹⁾ Смирнова „Патр. Филаретъ“, 59—65 и 67 стр.; Макарія „Ист. Русск. Церкви“ XI т. 25—30 стр. ²⁾ Макарія „И. Р. Ц.“ XI т. 41—43 стр.

³⁾ *Акты Археогр. Эксп.* III т. № 249, стр. 380—381.

⁴⁾ „Русская Ист. Библиотека“ II т., № 160, стр. 551—555.

⁵⁾ См. напр., грамоту патр. Филарета о разрѣшеніи Нектарія въ *Ут. Общ. Ист. и Древн.* 1866 г. кн. III, отд. V, стр. 8—10; грамоту Іоасафа I о лишеніи сана Іосифа Курцевича въ *Р. И. Библ.* II т. № 160 и др.

Въ такомъ видѣ представляется болѣе общій порядокъ соборнаго суда надъ обвиняемыми епископами.

Какъ уже можно видѣть и изъ сказаннаго, въ отличіе отъ практики древневизантійской церкви—нашъ патріархъ занималъ въ немъ главную руководящую роль,—опредѣляя ходъ дѣла и давая ему рѣшеніе по своему личному усмотрѣнію. Въ этомъ отношеніи власть константинопольскихъ патріарховъ не могла идти и въ сравненіе съ властью древнихъ московскихъ первосвятителей. Такая власть досталась нашимъ патріархамъ еще по наслѣдству отъ всероссійскихъ митрополитовъ. Такъ еще въ XII вѣкѣ митр. Іоаннъ въ своемъ 31 правилѣ признаетъ лично за митрополитомъ право „епископовъ, иже не послушаютъ его (звавшаго ихъ на соборъ), или зло творящихъ—поучити (насварити) ему отецкимъ наказаніемъ“¹⁾. Впослѣдствіи—въ XVI и XVII в.в. это право отеческаго наказанія наши первосвятители стали примѣнять уже въ широкихъ размѣрахъ. Мы видѣли примѣры такого широкаго примѣненія права наказанія въ административномъ порядкѣ безъ соборнаго суда—по отношенію къ Кипріану и Сумеону Тобольскимъ и Іовѣ Крутицкому. Въ вѣкоторыхъ случаяхъ патріархи не стѣсняются единолично налагать самыя тяжелыя наказанія, какъ лишеніе кафедры и снятіе сана. Такъ, напр., Іосифъ Курцевичъ лишенъ былъ кафедры и отправленъ въ монастырь до соборнаго суда—единоличнымъ распоряженіемъ патріарха. Еще здѣсь, впрочемъ, всетаки отправленъ былъ Соборный судъ, хотя уже и по назначеніи наказанія,—но встрѣчаются случаи, когда патріархи (или исправляющіе ихъ обязанности—мѣстоблюстители) совсѣмъ не прибѣгали къ помощи Собора въ дѣлѣ суда надъ епископами и назначали для послѣднихъ самыя суровыя мѣры наказанія, какъ снятіе сана и тѣлесныя наказанія. Таковы, какъ мы видѣли, были примѣры суда надъ Нектаріемъ Вологодскимъ и Павломъ Коломенскимъ. Правда оба эти факта возбудили противъ себя протестъ, какъ незаконные, такъ что они, казалось бы, должны быть всецѣло отнесены къ злоупотребленіямъ патріаршей властью и, повидимому, ничего не говорятъ объ обычномъ порядкѣ отправленія суда. Даже наоборотъ,—фактъ

¹⁾ „Русск. Ист. Библ.“ VI т., № 1, пр. 31 ст. 18.

протестовъ какъ будто указываетъ на то, что обычнымъ порядкомъ всѣми признавался лишь тотъ, по которому дѣло суда принадлежало епископату въ цѣломъ, а не патриарху, который не имѣлъ права проявлять въ этомъ дѣлѣ своей власти. Но относясь къ злоупотребленіямъ патриаршей власти, эти факты заключаютъ тѣмъ не менѣе ясныя указанія на то, что многое въ этихъ злоупотребленіяхъ признавалось тогда обычнымъ порядкомъ. Такъ, мы знаемъ, что дѣло единоличнаго осужденія Нектарія мѣстоблюстителемъ на пр. престола Іовой было пересмотрѣно на соборѣ, и Іона былъ признанъ виновнымъ, но при этомъ характернымъ является то, что Іона обвиняется не за превышеніе предѣловъ своей компетенціи, а за то, что „отлучилъ его отъ архіепископства *безъ сыску, не по дѣлу*“¹⁾. О незаконности же самого порядка судопроизводства нѣтъ и намека. Это, конечно, не говоритъ за то, что таковой порядокъ признавался всѣми канонически законнымъ. Нѣтъ, мы видѣмъ, что Никона обвиняютъ именно за единоличность осужденія Павла и при этомъ припоминаютъ каноническія правила, которыми регулируется дѣло епископскаго суда и по которымъ это дѣло подлежитъ лишь компетенціи собора въ составѣ не менѣе 12 епископовъ²⁾. Но указаннымъ фактомъ по дѣлу Іоны, намъ кажется, ясно обрисовывается рѣшающее значеніе патр. власти въ судопроизводствѣ на соборѣ,—какое явленіе было настолько, повидимому, обычнымъ, что считалось нормальнымъ. Этимъ только и можно объяснить то, что фактъ единоличности суда надъ Нектаріемъ не обратилъ на себя особеннаго вниманія. Очевидно, предсѣдатель собора, какъ распорядитель его дѣйствій въ томъ или иномъ случаѣ, т. е., единолично или въ соборныхъ засѣданіяхъ—преимущественно предъ всѣми считался компетентнымъ въ дѣлѣ суда и имѣлъ рѣшающее значеніе,—почему и вопросъ о томъ, единолично ли онъ осудилъ или съ согласія собора, считался вопросомъ не первой важности, въ какомъ значеніи казался всѣмъ лишь вопросъ о справедливости суда. Архіереямъ, конечно, не могло только нравиться, если патри-

¹⁾ *Цт. Общ. Ист. и Древн.* 1886 г. кн. III, отд. V, стр. 8.

²⁾ *Др. Росс. Визл.* т. III, № 49, стр. 406.

архъ въ такихъ случаяхъ совершенно отстранялъ ихъ отъ всякаго участія и не спрашивалъ у нихъ совѣта.

При изложеніи Никона мы, правда, видимъ протестъ, заявленный довольно опредѣленно противъ самого факта единоличности патріаршаго суда. Но при этомъ не будемъ забывать, что протестъ этотъ впервые былъ выраженъ на соборѣ 1666—1667 г.г. подъ несомнѣннымъ вліяніемъ восточныхъ патріарховъ, а до того времени въ продолженіи 12 лѣтъ (Павель былъ осужденъ и лишенъ сана въ 1654 году) никто не однимъ словомъ не упоминалъ объ этомъ, хотя по паденіи Никона жалобы на него сыпались отовсюду. Такъ Александръ Вятскій—старый его врагъ—въ своей челобитной указываетъ лишь на то, что Никонъ Павла Коломенскаго „по многихъ томленіяхъ и несказанныхъ ругательствъ до смерти довелъ муча ¹⁾“. Въ вопросахъ Стрѣшнева, не смотря на болѣе чѣмъ вѣроятное вліяніе въ ихъ составленіи грека Паисія Лигарида, спрашивается лишь только: „подобаетъ ли архіерею драться и въ ссылку ссылать“ ²⁾

Значить до встрѣчи и сношеній по этому поводу съ восточными патріархами преобладающее значеніе патріарха въ дѣлѣ судопроизводства надъ епископами было признаваемо явленіемъ нормальнаго порядка, если даже единоличный судъ патріарха, безъ всякаго участія собора, не возбуждалъ противъ себя протеста.

Такимъ образомъ въ области суда, какъ и въ другихъ областяхъ высшаго церковнаго управленія—административной и экономической—патріархъ являлся у насъ по отношенію къ собору начальникомъ, а соборъ въ отношеніи къ нему былъ лишь его совѣтомъ съ правомъ подачи особыхъ мнѣній, опроверженія несогласныхъ, но безъ права отмѣны патріаршихъ рѣшеній. Это выражалось и оффиціально, когда соборъ формировалъ судебное рѣшеніе отъ лица предсѣдателя—патріарха такимъ образомъ: *мы, великій господинъ, святѣйшій патріархъ N, советовавъ съ сынови своими и сослужебники нашего смиренія, съ митрополиты, архіепископы и епископы и со всѣмъ*

¹⁾ Ст. Кантерева „Судл. Б.-Моск. соб. 1666—1667 г. о власти царской и патріаршей“ въ *Бог. Вѣстн.* 1892 г. ч. III, стр. 180.

²⁾ *Гиббелетъ* „Дѣло патріарха Никона“ II ч. стр. 226.

освященнымъ соборомъ—за тѣ его (виновнаго епископа) измѣнныя дѣла *указали* съ него святительскій санъ и панагію снати“ и т. п. ¹⁾ Въ этомъ бюрократизмѣ устройства нашего высшаго церковнаго суда заключается коренное отличіе его отъ древне-византійскаго. Тамъ этотъ судъ былъ въ сторогомъ смыслѣ соборнымъ, подчинявшимъ себѣ даже и патріарха, который попадалъ суду того же собора. У насъ же высшій судъ былъ судомъ патріаршимъ, въ которомъ центральное мѣсто занималъ патріархъ, соборъ же занималъ по отношенію къ нему лишь служебное положеніе.

Такой соборъ у насъ, конечно, не могъ судить патріарха. Нашъ соборъ даже оффиціально признавался некомпетентнымъ для суда надъ патріархомъ. Правда, мы видимъ случай суда надъ патр. Игнатіемъ, каковой судъ произведенъ былъ соборомъ однихъ русскихъ святителей, и при этомъ ни во время суда, ни послѣ его никогда не заявлялось о его незаконности. Но этотъ случай имѣлъ мѣсто въ самомъ началѣ патріаршаго періода, когда свѣжи были еще въ памяти частныя изложе-нія предшественниковъ патріаршихъ по каедрѣ, во времена Грознаго и Василя III, и когда патріаршая власть, не возвышаясь ничѣмъ сначала надъ митрополичью, не успѣла еще подняться на ту высоту, какой она достигла впоследствии. Къ половинѣ же XVII вѣка, благодаря различнымъ счастливымъ обстоятельствамъ, она поднялась настолько, что Уложеніе самый важный законодательный памятникъ того времени—совсѣмъ не упоминаетъ о судѣ надъ патріархомъ, какъ будто послѣдній стоялъ выше всякаго суда.—Такъ, дѣйствительно, и думали въ это время—самъ патріархъ и всѣ подчиненные ему епископы.

Никонъ посвятилъ разрѣшенію этого вопроса—въ смыслѣ неподсудности патріарха собору помѣстной Церкви—даже особенное вниманіе. Такъ, прежде всего, церковными правилами онъ обосновывалъ то положеніе, что „епископамъ нѣсть достойно о себѣ собора творити внѣ сущаго въ митрополіи епископа, рекше митрополита“,—тѣмъ болѣе безъ вѣдома па-

¹⁾ См. напр., *Русск. Ист. Библ.* II т. № 160 стр. 554; см. *Ут. Общ. Ист. и Дрсовн.* 1866 г. кн. 3 стр. 8—10.

тріарха ¹⁾. Не имѣя же возможности собраться на соборъ безъ вѣдома патріарха, епископы, конечно, не имѣютъ никакой возможности и судить его. „Въ правилѣхъ святыхъ апостоль, — говоритъ Никонъ, — нигдѣ же есть, ни въ семи вселенскихъ написаво, еже бы своего митрополита свои епископы судили, (тѣмъ болѣе) патріарха. Четвертаго же вселенскаго собора 9-е правило не оставляетъ ни митрополитомъ митрополита судити, развѣ своего патріарха или константинопольскаго“ . — „Самъ Господь говоритъ: аще нога твоя или рука твоя соблазняетъ тя, отсѣци ю и верзи отъ себе. Смотри правосудіе Божіе, — выясняетъ онъ, — яко кромѣ инѣхъ удовъ возможно жити человѣку, а безъ главы не есть лѣѣ“ (такъ какъ Христосъ не говоритъ: отсѣки голову). „Тѣмъ же невозможно инѣмъ удомъ отсѣщи и тако всѣмъ живымъ и дѣйствуемымъ быти“ ²⁾. „Митрополитъ, — говоритъ еще онъ, — судитъ епископа со епископы, а митрополита патріархъ, подъ нимъ же есть епархіа митрополичья, или цареградскій патріархъ... А о патріархахъ нигдѣ не говорится, чтобы они отъ своихъ епископовъ судимы были“ ³⁾. Кто же въ такомъ случаѣ, по мнѣнію Никона, можетъ произнести надъ патріархомъ компетентный приговоръ? — Когда Никона на соборѣ спросили: „сколько епископовъ судятъ епископа и сколько патріарха“? — онъ отвѣчалъ: „епископа судятъ 12 епископовъ, а патріарха вся вселенная“ ⁴⁾. Это значитъ, что вполне компетентный судъ надъ патріархомъ, по его мнѣнію, можетъ быть произнесенъ лишь соборомъ всѣхъ вселенскихъ патріарховъ, какъ представителей голоса всей православной церкви. „Такое дѣло (судъ надъ мной), — пишетъ онъ, — вамъ, патріархамъ, знати“. Только соборъ всѣхъ ихъ и компетентенъ для произнесенія приговора надъ патріархомъ, по и такой даже приговоръ будетъ истиненъ лишь въ случаѣ полного согласія его съ канонами церкви. Въ противномъ случаѣ и онъ можетъ быть оспариваемъ. Въ

¹⁾ Ст. К—ва „Взглядъ Никона на значеніе патріаршей власти“ въ *Ж. М. Н. Пр.* ч. 212, стр. 237.

²⁾ *Гиббенетъ*. „Дѣло патр. Никона“, ч. II, стр. 218; *Ж. М. Н. Пр.* 212 ч., стр. 237—238.

³⁾ *Гиббенетъ*. 193—194 стр.

⁴⁾ *Гиббенетъ*. Стр. 357—358.

примѣръ этого Никонъ приводитъ проклятіе седьмымъ Вселенскимъ соборомъ одного изъ предшествовавшихъ соборовъ ¹⁾.

Противъ таковаго взгляда Никона возражали восточные патріархи. Такъ Іерусалимскій патріархъ Нектарій по этому вопросу говоритъ: „аще патріархъ нѣкто сый сопротивенъ явится симъ (призываніемъ на соборъ), глаголяй: яко не судимъ и не управляемъ есмь епископами и митрополитами, зане превышаетъ ихъ саномъ;—да познаеть сицевъ мужъ (Никонъ), яко и митрополитъ судить и низлагаетъ патріарха, собирающъ и прочихъ архіереевъ, еликимъ мощно прибыти. Акратій бо митрополитъ Кесаріи низложи Македонія, конст. патріарха, яко глаголетъ Сократъ въ повѣсти церковнѣй,—и восточные епископы низложиша Юлія папу“ ²⁾.

Но наши русскіе епископы вполнѣ раздѣляли относительно этого вопроса взглядъ Никона, несмотря на всю враждебность къ нему. Извѣстно, что, когда послѣ удаленія Никона съ престола созваны были на соборъ всѣ наши архіереи и нѣкоторые изъ восточныхъ, случайно находившіеся у насъ, то лишь послѣдніе высказывались за то, чтобы Никонъ лишенъ былъ архіерейства и даже священства. Всѣ же русскіе святители, вполнѣ соглашаясь съ необходимостью избрать преемника на вдовствующую каедрѣ, не сочли себя въ правѣ своею властью подвергнуть Никона суду. Вотъ что говоритъ, напр., на соборѣ вліятельный въ то время архимандритъ Полоцкаго монастыря Игнатій Іевлевичъ: „аще безо всякаго прекословія меньшій отъ большаго благословляется,—отецъ отъ сыновъ, пастырь верховнѣйшій отъ словесныхъ овецъ, кромѣ ереси, не токмо судимъ не бываетъ,—но аще бы и нѣкое поползновеніе его намъ явственнѣе было,—отъ общенія съ нимъ отступить и зане Бога не молити—не подобаетъ,—не подобаетъ прежде увѣдѣнія всѣхъ епископовъ тоя области;—судилища же совершеннаго о немъ разрѣшити правильно, мню, отнюдь невозможно, развѣ по согласію съ большимъ соборомъ церкви великія константинопольскія и со вселенскимъ патріархомъ“ ¹⁾. „Я готовъ,—высказывалъ свое мнѣніе царю въ

¹⁾ Ж. М. II. Пр. 212 ч., стр. 298.

²⁾ Собр. Гос. Гр. и Дел. IV т. № 27, стр. 117.

особой запискѣ извѣстный Епифаній Славянецкій, — исполнить повелѣніе вашего величества и составить соборное опредѣленіе объ избраніи и постановленіи новаго патріарха: это согласно съ правилами; но о низверженіи Никона писать не дерзаю, потому что не нашель такого правила“²⁾. И соборное дѣяніе изложено имъ дѣйствительно такимъ образомъ, что туда вошли лишь тѣ разсужденія собора, которыя касались вопроса объ избраніи новаго патріарха, и обойдены молчаніемъ всѣ тѣ, которыя касались вопроса о низложеніи Никона³⁾. Соборный же судъ надъ послѣднимъ, какъ мы знаемъ, произведенъ былъ именно такъ, какъ Никонъ самъ того требовалъ и какъ хотѣли русскіе святители т. е. общимъ голосомъ всей православной церкви, выраженнымъ высшими ея представителями — вселенскими патріархами⁴⁾.

Такой взглядъ на неподсудность патріарха собору епископовъ явился у насъ, конечно, прямымъ слѣдствіемъ тѣхъ начальственныхъ отношеній, въ какія сталъ патріархъ къ собору. Соборъ не былъ у насъ въ строгомъ смыслѣ высшимъ судебнымъ учрежденіемъ церкви. Способъ обсужденія и рѣшенія здѣсь былъ, какъ мы видѣли, не таковъ, какъ въ константинопольскомъ синодѣ или, вообще, тамъ, гдѣ господствуетъ коллегіальный порядокъ и гдѣ первенствующій членъ имѣетъ голосъ наравнѣ съ другими. Патріархъ у насъ занималъ въ немъ главенствующее положеніе, — и потому высшимъ представителемъ церковнаго суда у насъ былъ собственно не соборъ святителей помѣстной церкви, — а патріархъ — при условіи единенія его съ подчиненными епископами. Соборъ былъ лишь совѣтомъ патріарха, представляя собой такое же вспомогательное по отношенію къ патріарху учрежденіе, какимъ была Боярская Дума въ отношеніи къ царю. Это — была Дума патріарха, съ которой онъ совѣщался, но въ которой имѣлъ рѣшающую голосъ.

II. Ансероу.

¹⁾ Др. Росс. Вивл. т. III, № 40, стр. 381—382.

²⁾ Макарій. „Ист. р. Церкви“, т. XII, стр. 363.

³⁾ Макарій. „И. Р. Ц.“ XII, стр. 364.

⁴⁾ На соборѣ 1667 г. были, правда, лишь два патріарха, но они имѣли съ собою полномочія отъ другихъ двухъ.

ХРИСТОСЪ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ.

(Christus im modernen Geistesleben).

Е. ПФЕННИГСДОРФА. (Переводъ съ нѣмецкаго).

ХРИСТОСЪ, ДОБРЫЕ ЛЮДИ и СВЕРХЧЕЛОВѢКИ.

Къ счастію человѣчества, число простыхъ душъ не ничтожно, которые никогда не слыхали о Кантѣ, Шопенгауерѣ, Дарвинѣ или Нитчше, но слѣдуютъ влеченію своего сердца и исполняютъ свои обязанности. И образованный руководится въ жизни гораздо чаще своимъ непосредственнымъ нравственнымъ чувствомъ, поскольку оно въ немъ развилось, чѣмъ морально-философскими рефлексіями. Счастливъ, если онъ это дѣлаетъ. Ибо по отношенію къ нравственнымъ предметамъ говорить, какъ уже Гете замѣтилъ, непосредственное чувство гораздо рѣшительнѣе и яснѣе, чѣмъ любая теорія. Безъ преувеличенія можно утверждать, что этическія „воззрѣнія“ въ большинствѣ случаевъ впервые возникали, чтобы объяснить вышеупомянутое непосредственное чувство „ты долженъ“ или же отвергнуть его. Такимъ образомъ они производятъ не только нравственно просвѣщающее и нравственно бодрящее, но и нравственно путающее и тормозящее дѣйствіе. Потому-то именно образованный человѣкъ вынуждается научиться различать ихъ и образовать себѣ собственное убѣжденіе о свойствѣхъ и корняхъ нравственности. Если онъ при этомъ руководствуется неложнымъ голосомъ своей совѣсти, то онъ безъ труда можетъ найтись.

Натуралистическое воззрѣніе на нравственную жизнь.

1. *Возникновеніе нравственной жизни.* Вполнѣ естественно, что Дарвинистическая идея развитія была примѣнена къ нравственной жизни человѣка. Ибо не только каждый человѣкъ переживаетъ нравственное развитіе, но также каждый народъ, даже все человѣчество. Это развитіе теперь идетъ то вверхъ, то внизъ. Отчего это зависитъ? Надъ этимъ вопросомъ, на который можно отвѣчать только на основаніи нашихъ собственныхъ нравственныхъ опытовъ, Дарвинистъ не задумывается, но сильнымъ скачкомъ перескакиваетъ чрезъ нравственное развитіе историческаго человѣчества къ „доисторическому человѣку“, котораго онъ не знаетъ, но котораго воображаетъ возможно близко похожимъ на обезьяну!

Человѣкъ разсматривается здѣсь, какъ „общественное животное“, *zoon politikon*, сказалъ бы Аристотель. Первочеловѣкъ или дилювіальный человѣкъ обезьяна жилъ прежде всего только для себя. „Единственною побудительною причиною его дѣйствій были его инстинкты, его стремленія. Никакое общественное или государственное принужденіе не связывало его. Онъ не зналъ никакихъ обязанностей къ другимъ. Голое себялюбіе въ его самомъ дурномъ видѣ было основнымъ мотивомъ (*Leitmotiv*) его жизни, и если онъ не имѣлъ случая достать себѣ вождѣлѣннаго мяса на охотѣ, то пожиралъ себѣ подобныхъ“ (*Nordheim*). Симпатическія движенія онъ хранилъ только по отношенію къ своей семьѣ. Чувство самосохраненія вынуждало тогда отдѣльныя семьи жить вмѣстѣ, такъ какъ этимъ путемъ было легче отражать нападенія враждебныхъ силъ и совершать успѣшно воровскіе набѣги. Такъ возникли постепенно въ безконечныхъ генерацияхъ тѣ соціальныя инстинкты, какъ справедливость, любовь, уваженіе, удивленіе и т. д., которые нынѣ охраняютъ государства и общество. Они возникли, какъ каждый видитъ, потому, что отдѣльный человѣкъ самъ по себѣ былъ слабъ—поддержать свое существованіе и благополучно развиваться. Отсюда эгоизмъ, себялюбіе—корень той преданности обществу, которую обозначаютъ какъ альтруизмъ ¹⁾).

¹⁾ Альтруизмъ—отъ *alter*—поставляетъ высшаго цѣлью для себя—благо другаго“. Противоположность—эгоизмъ.

Человѣкъ дѣйствуетъ нравственно „изъ хорошо соображенныхъ интересовъ“. Онъ говоритъ себѣ: если ты приносишь пользу обществу, то ты приносишь пользу самому себѣ; если ты вредишь ему, то вредишь самому себѣ. Безъ общества не было бы ни культуры, ни образованія, ни нравственности; отсюда преданность общественности или обществу есть самая первая обязанность, самая высокая нравственность

Таково натуралистическое пониманіе нравственности, защитники котораго хвалятся, что цѣлую нравственную жизнь они впервые обосновываютъ біологически или антропологически и возводятъ къ ея естественному корню.

2. *Нравственно или донравственно (untersittlich)?* Оставимъ въ сторонѣ на этотъ разъ правильность лежащей въ основѣ этого взгляда идеи развитія и спросимъ просто, проповѣдуемая здѣсь нравственность заслуживаетъ-ли вообще быть названа „нравственною“? Дѣйствіе „изъ хорошо соображенныхъ интересовъ“ или собственной пользы есть-ли дѣйствительно добрый поступокъ? Мы доселѣ учили: „любовь не ищетъ своего“. Теперь намъ говорятъ: „глупость! пусть никто не забываетъ: истинная любовь ищетъ своего“. Человѣкъ, который, слѣдуя только влеченію своего добраго сердца, безъ всякихъ побочных намѣреній, жертвуетъ въ благородной дѣятельности своею жизнію, не нравствененъ; напротивъ, герой добродѣтели, кто въ своихъ добрыхъ дѣлахъ не опускаетъ изъ вниманія собственнаго интереса и всѣ благородныя движенія и дѣйствія своего сердца умѣетъ такъ направить, что они вмѣстѣ служатъ къ его собственной пользѣ или по крайней мѣрѣ къ чести и удивленію.

Какое непониманіе всего нравственнаго! Такое поведеніе можетъ быть легальнымъ, полезнымъ и практическимъ, но не нравственно-добрымъ, потому что возникаетъ не изъ чистаго неэгоистическаго настроенія. Но какая жертва заключается въ дѣйствіи на благо другаго, если оно имѣетъ результатъ въ собственномъ интересѣ, и что пріобрѣтаетъ настроеніе человѣка, если онъ является достаточно умнымъ, чтобы пожертвованіемъ прямыми выгодами въ пользу непрямыхъ, достигнуть яко бы наилучшаго дѣла? Добрый человѣкъ низводится здѣсь

на степень хитреца и дѣльца, который умѣетъ постоянно имѣть въ виду свою выгоду. Но нравственный герой и мученикъ, которые ради своего убѣжденія, не ради даже общества, а часто въ борьбѣ противъ него жертвуютъ своею жизнію, для натуралистовъ совершенно непонятныя явленія, если они не предпочитаютъ считать ихъ за глупцовъ и вмѣстѣ весьма ясно обнаружить свое собственное филистерство и нравственную тупость.

Натурализмъ не можетъ объяснить возникновенія нравственной жизни, не можетъ понять ея свойства и существа и потому предъ высочайшимъ явленіемъ—нравственности необходимо долженъ признать свою недостаточность. Самъ Дарвинъ дѣлаегь такое признаніе: „за зло платить добромъ, любить врага—столь высокая нравственная точка зрѣнія, что сомнительно, могли—ли общественные инстинкты сами по себѣ привести насъ къ ней. Соединенные съ симпатіей, эти инстинкты съ помощью разума, обученія и *любви къ Богу* или *страха предъ Нимъ* необходимо должны были высоко культивироваться и расширяться прежде чѣмъ такое золотое правило могло быть придумано или исполнено“. Что нравственность, какъ все въ мірѣ, развивалась, ни одинъ разумный человекъ не будетъ отрицать; только значило бы быть пораженнымъ слѣпотою, если силу вліянія религіозной вѣры въ дѣлѣ развитія нравственной жизни думаютъ совсѣмъ опустить изъ вниманія (срав. Kidd, Soziale evolution).

Почему же должно быть нравственнымъ? Съ точки зрѣнія натуралистовъ нравственность совершенно теряетъ свое достоинство. Натурализму можетъ быть противопоставленъ простой вопросъ: зачѣмъ же должны мы жить именно нравственно, зачѣмъ не должны мы оставаться равнодушными къ различію между добромъ и зломъ? Ради общества, ради общественности, говоритъ натуралистъ. Посмотримъ же на это общество съ натуралистической точки зрѣнія! Изъ кого оно состоитъ? Изъ своеобразныхъ случайныхъ существъ, называемыхъ „людьми“.

Если человекъ не есть болѣе конечная цѣль творенія, но есть ичѣто случайное, тогда также и нравственная жизнь—ичѣто случайное, простой побочный результатъ развитія;

тогда и нравственный законъ неизбежно выступаетъ вмѣстѣ съ извѣстными, низшими, чисто жестокими инстинктами само-сохраненія и продолженія рода, какъ простое средство сохраненія рода въ борьбѣ за существованіе. На дѣлѣ нѣкоторые дарвинисты уже извлекли эти слѣдствія. Такъ Спенсеръ въ введеніи къ своей социологій объясняетъ: „тѣ, кто предпринимаютъ защищать неспособныхъ, совершаютъ безспорно нѣчто злое; такъ какъ они задерживаютъ *работу естественнаго отбора*, чрезъ которую общество само постоянно очищается“. Здѣсь цѣлью болѣе не является гармоническая совмѣстная жизнь цѣлаго, но физическая сила и здоровье его. Отсюда и Дарвинъ однажды объявилъ обычай нѣкоторыхъ народовъ умерщвлять слабыхъ дѣтей отнюдь не за дурной, и этика болѣе новаго приверженца его ученія—Тилля, въ качествѣ первой и высшей заповѣди, выдвигаетъ такую: ты не долженъ жениться на чахоточной, такъ какъ чрезъ это портится раса. Здѣсь мы стоимъ въ концѣ всякой этики и альтруизмъ разбирается о жестокой варваризмъ: общество здоровыхъ и сильныхъ не имѣетъ задачи ухаживать и благопоспѣшествовать нездоровымъ, неразвившимся или слабымъ членамъ; оно—молохъ, которому они должны быть принесены въ жертву. Въ самомъ дѣлѣ, образъ дѣйствія очень простой. Но нравствененъ-ли онъ, это можетъ быть предоставлено рѣшенію здороваго чувства каждаго.

4. *Общество не имѣетъ никакой нравственной цѣли.* Цѣль здѣсь, повидимому, освящаетъ средства. Если бы хоть общество и его благосостояніе представляли сколько-нибудь достойную цѣль, къ которой стоило бы стремиться! Но эта цѣль съ натуралистической точки зрѣнія совершенно ничтожна. Мы оглядываемся на прошедшее и видимъ, что исторія человѣчества полна крови и слезъ, дикаго возмущенія, тупой покорности, непоправимыхъ ошибокъ и бесплодныхъ, пустыхъ домогательствъ и стремленій. Испытующе мы обращаемся къ будущему и узнаемъ, что послѣ періода, который по сравненію съ открытыми нашему опыту пространствами времени—не длиненъ, наша міровая система распадется, и неподвижная и застывшая земля далѣе не терпитъ тѣхъ существъ, кои на

мгновеніе нарушили ея уединеніе. Человѣкъ, дитя капризнаго случая, больше не будетъ существовать, и всѣ его мысли погибнуть вмѣстѣ съ нимъ; также и нравственный законъ, съ которымъ,—онъ думалъ,—необходимо должно сообразоваться, исчезнетъ вмѣстѣ со всѣмъ ощущаемымъ міромъ; и будетъ то, „какъ будто ничего и не было“ ¹⁾.

При такомъ возрѣніи человѣческое общество теряетъ всю свою цѣнность и нравственный законъ—свое достоинство. Ибо оно—общество ничтожества. Долженъ-ли кто много стараться для него? Какой разумный человѣкъ будетъ жертвовать собою, употреблять усилія или только налагать на себя нѣкоторыя ограниченія ради блага общества, которое состоитъ изъ стада усовершенствованныхъ животныхъ и въ концѣ концовъ исчезаетъ безслѣдно?

5. *Конецъ всякой нравственности.* Поэтому не бываетъ натуралистической нравственности и не можетъ быть. Но если ученые, которые учатъ ей, ведутъ жизнь нравственно добрую, тогда они сами лучше, чѣмъ ихъ теоріи, и не отдають себѣ отчета въ томъ, откуда притекають имъ силы къ нравственной жизни. Ибо натурализмъ не способенъ ни объяснить ея возникновенія, ни сохранить ей достоинство и возвышенность. Съ точки зрѣнія эволюціи мы вынуждены самыя грубыя похоти, самое жестокое самолюбіе и самое искреннее состраданіе считать одинаково цѣнными, достойными въ интересахъ борьбы за существованіе. Мы едва-ли смѣемъ сомнѣваться, что возвышенныя нравственныя чувства, вызывающія насъ на жертвы, геройское чувство, суть ничто иное, какъ хитрое изобрѣтеніе природы, чтобы увлечь насъ къ альтруистическому поведенію. Кантъ сравнивалъ нравственный законъ со звѣзднымъ небомъ и находилъ оба возвышеннѣйшими. Съ натуралистической точки зрѣнія было бы болѣе подходящимъ сравнить его съ покрываломъ на спинѣ жука и оба признать остроумными. (Бальфуръ).

Если это нравственное ученіе пустить корни въ сердце, тогда всякое нравственное воодушевленіе и готовность къ

¹⁾ Срав. Бальфуръ, основанія вѣры, стр. 15 и слѣд. (Есть въ рус. перев., заглавіе то же. Переводч.).

жертвѣ должны исчезнуть, и эта пошлая мораль, которая почитается, поскольку она полезна и пріятна, которая дѣлаетъ жизнь привлекательною, насколько только возможно,—была бы единственно разумною, но для всякаго нравственнаго чело-вѣка она была бы концемъ всякой морали.

Сверхчеловѣкъ и нѣмецкій мечтатель.

Случайность ли? Въ наше время появился мыслитель, который вывелъ совершенно по другой сторонѣ слѣдствія изъ дарвинистическаго ученія о развитіи, чѣмъ это дѣлали доселѣ натуралисты. Этотъ мыслитель—Фридрихъ Нитчше.

1. *Сверхчеловѣкъ или нечеловѣкъ (Übermensch)*? Натуралистическія боевыя слова: „чувство общественности“, „альтруизмъ“, „общественное благо“, онъ устраняетъ просто, какъ дѣтскую болтовню. Если доселѣ проповѣдывали: „человѣкъ существуетъ ради общества“, то онъ перевернулъ конье и сказалъ: „общество существуетъ ради чело-вѣка и именно сверхчеловѣка“, „вародъ только окольная дорога природы, чтобы произвести пять или шесть великихъ людей“! Очевидно, этотъ выводъ могъ быть сдѣланъ изъ натурализма. Онъ гармонируетъ вполне съ дарвинистическою идеею развитія. Ибо мы видимъ, какъ въ природѣ сильныя индивидуумы съ безпощадною жестокостію давили и уничтожали своихъ болѣе слабыхъ соперниковъ. Признанія этой „сверхжизни наиспособнѣйшаго“ Нитчше теперь хочетъ добиться и по отношенію къ міру чело-вѣческому. Цѣль міра и задача чело-вѣчества не есть идиллическое всеобщее благополучіе, но порожденіе знамени-тыхъ мужей. Они поднимаются изъ народа или „стада“, какъ горы изъ равнины. *Они суть сильныя, превосходныя, счастливыя и потому также добрыя.* Ибо добро—все то, что увеличиваетъ силу чело-вѣка, дурно—все, что возникаетъ изъ слабости. Господствующее нравственное ученіе—любви къ ближнимъ и самоотверженія—жизневраждебно и противоестественно; это—„мораль рабовъ“, которая дѣлаетъ людей не мужественными и малыми и убиваетъ героя въ нашей душѣ. Сверхчеловѣкъ выбивается изъ прискорбной морали и „живетъ

по ту сторону добра и зла". Онъ слѣдуетъ только своимъ стремленіямъ и инстинктамъ. Половое стремленіе онъ удовлетворяетъ въ конкубинатѣ, который, къ сожалѣнію, извращается чрезъ бракъ. Чужое страданіе доставляетъ ему удовольствіе, а причиненіе страданій—еще бѣльшее удовольствіе. Высочайшую добродѣтель онъ видитъ въ развитіи воли до степени могучей силы посредствомъ жесткости, притѣсненія и жестокости. Цезарь Борджіа, родившій въ прелюбодѣянніи сына Александра VI, убійца своего брата и шурина и многихъ другихъ, этотъ злодѣй, запятанный ложью, клятвопреступленіемъ и прелюбодѣяніемъ—по Нитчше идеаль, сверхчеловѣкъ.

Такъ какъ въ новое время, къ его огорченію, такъ мало подобнаго рода идеальныхъ людей, то онъ охотно обращается—въ этомъ заключается романическій элементъ его философіи—къ дикимъ первобытнымъ временамъ. Аріицы, эти сверхчеловѣки первобытныхъ временъ, эти великолѣпные, жадные къ войнѣ и добычѣ, бродячіе „блѣднолицые звѣри“, были настоящіе люди. Однако-же и въ настоящее время еще выплываютъ великіе люди изъ толпы, напр. Наполеонъ, затѣмъ естественно самъ Нитчше; свою книгу „Заратустра“ онъ объявляетъ за самую глубокую книгу, какою владѣетъ человѣчество и называетъ ее „книгою столь глубокою, столь удивительною, что кто выразумѣлъ шесть положеній изъ нея, т. е. пережилъ, тотъ переходитъ въ высшій разрядъ смертныхъ“. Да, во всемъ процессѣ природы онъ признаетъ только стремленіе ея къ его собственной личности. Такъ это міровоззрѣніе кончается очевиднымъ самообожествленіемъ, а проповѣдникъ его—въ ночи безумія. Страшная судьба! Такъ умираетъ „гордый человѣкъ“, „который умерщвляетъ Бога“!

Кто познакомится съ жизнію этого несчастнаго человѣка, тому явится многое яснымъ, также его фанатическая вражда. „Кто знаетъ, справедливо говоритъ философъ Фалкенбергъ—какія превращенія, отреченія и побѣды надъ собою прервала трагическая судьба этого высокоодареннаго мужа! Онъ былъ безпокойнымъ, круто перескакивающимъ отъ обожествленія къ ненависти и прозрѣнію духомъ. Онъ жаловался самъ: „я дважды пережилъ себя“. Можетъ быть, онъ пережилъ бы себя

и въ третій разъ. Ибо онъ жилъ не по своей философіи: между его мыслию и его жизнію была пропасть. Онъ осуждаетъ сочувствіе и никто не былъ съ такимъ пѣжнымъ чувствомъ, какъ онъ. Онъ превозноситъ хищническіе звѣряныя инстинкты и пишетъ книги! Онъ преклоняется предъ жестокими людьми — насильниками и находитъ удовольствіе въ чувствительныхъ афоризмахъ.

При всемъ этомъ, его ученіе произвело глубокое вліяніе на новѣйшую литературу. Самъ болѣе художникъ, чѣмъ мыслитель, онъ повліялъ именно на многихъ художниковъ и увлекъ на свой путь. Этимъ дѣйствіемъ онъ обязанъ прежде всего своей блестящей, богатой образами, афористической манерѣ писательства, которая отвѣчала вкусу времени. Но также и его защита права индивидуума, непосредственнаго ощущенія и т. д. носитъ въ себѣ зерно истины.

2. *Индивидуумъ и общество.* Если альтруисты и социалисты требуютъ, чтобы индивидуумъ исчезалъ въ обществѣ, то Нитчше осмѣливался указывать на неотъемлемое право индивидуума — развиваться по собственному закону и не признавать никакого высшаго судьи надъ собою, кромѣ голоса его внутренняго существа. Вся культура — нестерпима, если она не признаетъ болѣе индивидуума и его тайны. Человѣкъ не есть только часть массы, продуктъ культуры или природы, но нѣчто собственное и своеобразное, что не отчуждимо и не должно быть умерщвляемо ради формы и шаблона. Только истина этой идеи у него извращена въ уродливую каррикатуру сверхчеловѣка. Такъ какъ онъ былъ натуралистъ, то для него тѣлесная сила и здоровье были идеаломъ и жизнь по природнымъ стремленіямъ и инстинктамъ — единственно истинною. Такъ онъ дошелъ до прославленія „звѣря“ въ человѣкѣ, чтобы каждому, кто желаетъ еще видѣть, открыть глаза на то, чего стоитъ міровоззрѣніе, изъ котораго могутъ извлечены такого рода слѣдствія. Нитчше — катастрофа натурализма; онъ открываетъ банкротство этого міровоззрѣнія.

Индивидуумъ и общество стоятъ здѣсь какъ враги другъ противъ друга. Или общество, или великіе сильные индивидуумы — цѣль развитія. Но невозможно-ли примирить обѣ

части? Не можетъ-ли быть приписано высочайшее достоинство индивидууму безъ вреда для его обязанностей въ отношеніи къ обществу? Это разрѣшеніе давнымъ давно дано въ христіанствѣ. Если наша культура страдаетъ стадообразностью, шаблонностью, этимъ она обязана не христіанству, скорѣе это—отпаденіе отъ христіанства. Ибо христіанство не есть какая-либо формула, но новая жизнь, которая не погашаетъ индивидуальныя предрасположенія и силы, но проникаетъ, освящаетъ, преобразуетъ и дѣлаетъ способными служить великимъ дѣламъ. Потому нигдѣ въ цѣлой исторіи нѣтъ такого бьющаго ключомъ богатства своеобразныхъ характеровъ, какъ на почвѣ христіанства. Богъ первоисточникъ всякой личной жизни, есть врагъ всякаго шаблона. Онъ не хочетъ людей массы и космополитовъ. Его взоръ покоится на отдѣльномъ человѣкѣ: „ты—мужъ“ (Малл). Таковъ языкъ религіи. И кто этому языку открываетъ свое сердце, тотъ чрезъ это выступаетъ изъ стаднаго существованія, тотъ застрахованъ противъ модныхъ сужденій массы и дня, тотъ чрезъ это впервые достигаетъ сознанія собственнаго достоинства.

Человѣкъ, созданный по образу Божію, призванъ быть сыномъ Божіимъ и предназначенъ къ безконечному развитію въ царствѣ Божіемъ. Кто это сознаніе имѣетъ, тому свойственно чувство величія—быть человѣкомъ, тому знакомо болѣе возвышенное самосознаніе, чѣмъ манія величія сверхчеловѣка. Этого послѣдняго гонитъ возвеличеніе къ презрѣнію своихъ ближнихъ. Если бы онъ не могъ гордо смотрѣть сверху внизъ на „стадо“, тогда пришелъ бы конецъ „сверхъ“ у сверхчеловѣка. Наоборотъ, познаніе своего высокаго достоинства ведетъ христіанина прямо къ любви къ своимъ ближнимъ, которые суть дѣти той же самой божественной любви, которой онъ самъ обязанъ всѣмъ. Такъ самолюбіе здѣсь не запрещается, но умѣряется и ограничивается чрезъ любовь къ ближнимъ: „возлюбиши ближняго твоего, какъ самого себя“. Въ этомъ простомъ положеніи заключается болѣе истины, чѣмъ въ альтруизмѣ или культѣ сверхчеловѣка; и человѣчество, какъ замѣчаетъ Кантъ, не превзойдетъ его (это положеніе).

3. *Чистый теотонизмъ, или чистый Руссизмъ?* Ничше ви-

дѣль цѣль исторіи человѣчества въ отдѣльныхъ сильныхъ индивидуумахъ къ какой бы націи они ни принадлежали. Но въ лиѣ возможно было примѣнить идею развитія къ определенной націи и нѣкоторымъ образомъ видѣть идеаль нравственности, напр., въ „чистомъ тевтонствѣ“, какъ это дѣлаетъ Фридрихъ Ланге. Нѣмецъ, по Ланге, отъ роду ангель. Если онъ нынѣ не таковъ, какимъ онъ долженъ быть, то это зависитъ отъ чуждаго, именно іудейскаго вліянія, которое извратило его здравую натуру. Также и христіанство для него сомнительнаго достоинства, такъ какъ оно возникло изъ основъ іудейства и страдаетъ восточнымъ духомъ раболѣпства. Поэтому христіанство необходимо должно быть препобѣждено „тевтонствомъ“.

Но что такое собственно этотъ знаменитый тевтонизмъ? На это мы получаемъ очень неопредѣленный отвѣтъ. Нѣмецъ—это прямая, свободная и искренняя личность. Законы тевтонизма, по удостовѣренію Ланге, непреложно написаны и въ чувствѣ и совѣсти каждаго нѣмца. Верховная заповѣдь тевтонизма гласитъ: „ради истины пусть каждый ищетъ своего спасенія въ собственной вѣрѣ, однако же мы должны всѣ вмѣстѣ стремиться къ наслѣдію отцевъ“. Разумѣется ли здѣсь та нравственность, которую наши отцы черпали изъ Библіи и десяти заповѣдей? Отнюдь нѣтъ! Какая же? Можетъ быть, нравственность рыцарей—хищниковъ кровавыхъ междоусобій, или же—бѣлокурыхъ звѣрей??

Также и здѣсь обнаруживается неспособность натурализма ближайшимъ образомъ опредѣлить то, что такое нравственное. „Нравственно доброе есть все то, что соотвѣтствуетъ чистой нѣмецкой природѣ“. Гдѣ же мы найдемъ этотъ чистый тевтонизмъ? Нигдѣ, кромѣ головы господина Ланге и другихъ мечтателей. Пусть они только сперва докажутъ, что они сами—„чистые“ нѣмцы, какъ Лютеръ, Е. М. Арндтъ, Штейнъ, Бисмаркъ или императоръ Вильгельмъ I-й. Эти нѣмецкіе герои были всѣ добрые христіане и признавали съ радостью, что своими лучшими силами они обязаны именно христіанству ¹⁾).

¹⁾ См. превосходную работу Е. Фюрстера (Fürster): „Das Christentum des Zeitgenossen“ 1899.

Чистый тевтонизмъ, напротивъ, доселѣ еще не явилъ намъ ни одного представителя, который хотя отчасти могъ быть поставленъ на одной линіи съ тѣми мужами. Не показываетъ ли это, что этотъ „чистый тевтонизмъ“ самъ есть нѣчто безсильное, не нѣмецкое, даже просто воображаемое?

4. *Вавилонское смѣшеніе языковъ.* Если есть чистый „тевто-визмъ“ или „германизмъ“, то есть также „чистый галлпканизмъ“, „чистый руссизмъ“, и каждый самостоятельный народъ имѣлъ бы обязанность обоготворять свое собственное отображеніе и поклоняться, какъ воплощенію единственно истинной нравственности.—Этимъ было бы создано моральное смѣшеніе языковъ, которое было бы хуже, чѣмъ вавилонское. Нѣмецъ, французъ, русскій, каждый имѣлъ бы свою нравственность для себя. Каждый не только могъ бы, но необходимо долженъ былъ бы къ принадлежащимъ къ другимъ народамъ относиться съ высокоуміемъ и презрѣніемъ. Совмѣстная работа ради общихъ задачъ культуры, обмѣнъ матеріальныхъ и духовныхъ благъ ради взаимнаго процвѣтанія, коротко—культурная жизнь, какую нынѣ ведутъ образованные народы, была бы невозможна, если бы не было общихъ моральныхъ законовъ и возрѣній, достоинство которыхъ признавалось бы всѣми. Поэтому мы радуемся, что народы нашей планеты съ богатымъ будущимъ преклоняются предъ моральною силою христіанства; пусть конкуренція между ними неизбежна, она можетъ оказывать только благодѣтельные результаты, если она удерживается въ законныхъ границахъ и не подрываетъ тѣхъ мирныхъ отношеній между ними въ искусствѣ и наукѣ, въ поэзіи и религіи, которыя подобно золотымъ нитямъ связываютъ сердца народовъ.

Въ 18 столѣтіи много говорили о всеобщей любви къ людямъ и понимали подъ нею большею частію любовь къ одинаково образованнымъ. Нынѣ исполняется предсказаніе Шиллера: „всѣ люди становятся братьями“, но не чрезъ этическое или эстетическое или чисто-нѣмецкое воспитаніе человѣческаго рода,—тогда намъ пришлось бы поистинѣ долго ожидать этого.—но только чрезъ евангеліе, которое научаетъ признавать божественную искру и въ неразвитыхъ неграхъ и заброшенныхъ паріяхъ. Эта обвиняющая мѣра христіанская вѣра со-

единена какъ съ дружбою, съ супружескою любовью, такъ и съ любовью къ отечеству. Да она собственно и составляетъ ихъ силу. Это доказываетъ не только ежедневная жизнь, но каждый листъ нашей нѣмецкой исторіи, начиная съ Лютера, „величайшаго народнаго вождя и популярнѣйшаго характера, какой только—по выраженію Деллингера—когда либо видѣла нѣмецкая страна“, до героевъ освободительной войны. Поэтому мы можемъ смѣло утверждать: чѣмъ болѣе кто становится христіаниномъ, тѣмъ лучшій онъ другъ и патріотъ!

Философское ученіе о нравственности и „этическое общество“.

1. *Автономная мораль Канта.* Ни одинъ изъ новѣйшихъ философовъ не обнаруживалъ столь глубокаго пониманія нравственной жизни и не производилъ столь продолжительнаго вліянія на нравственныя воззрѣнія образованнаго міра, какъ Кантъ. Отсюда мы вынуждаемся посвятить наше вниманіе нравственному ученію Канта.

Канту принадлежитъ историческая заслуга въ томъ, что онъ преобѣдилъ поверхностную мораль пользы просвѣтителей 18-го столѣтія и вкоренилъ въ сознаніе современной образованности благоговѣніе предъ нравственнымъ долгомъ. Когда ему приходится говорить о достоинствѣ долга, тогда его сухой философскій трактатъ получаетъ возвышенный, идеальный полетъ. Долгъ, это „высокое и великое имя“ наполняетъ его „удивленіемъ и благоговѣніемъ“. Долгъ говоритъ: ты долженъ дѣлать добро ради добра, безъ отношенія къ собственной выгодѣ или пользѣ общества. Взгляды людей на то, что полезно или вредно, измѣнчивы. Нравственный же законъ имѣетъ безусловное значеніе, или иначе, является „категорическимъ императивомъ“. Онъ можетъ быть только заповѣдію автономнаго, т. е. себѣ самому дающаго законы разума. Высочайшее правило поведенія, какое разумъ, по Канту, находитъ въ себѣ самомъ, гласитъ такъ: „дѣйствуй такъ, чтобы правило твоего поведенія могло стать общимъ закономъ для всѣхъ людей“. Единственнымъ побужденіемъ къ исполненію велѣній долга служитъ „уваженіе“ къ нравственному закону.

Кантъ не признаетъ—никакой любви къ добру, такъ какъ человекъ, по его взгляду, по природѣ „радикально грѣховенъ“ (radical böse). Онъ держится мрачнаго ригористическаго взгляда, что долгъ всегда исполняется только наперекоръ природнымъ расположеніямъ (widerströben), даже необходимо долженъ такъ исполняться. Если же онъ исполняется изъ „склонности“, то поступокъ становится нечистымъ. Противъ этого преувеличенія направляется подарокъ другу (Хеніе) Шиллера, который, при всемъ своемъ преклоненіи предъ Кантомъ, ясно сознавалъ слабость его нравственнаго ученія. Онъ возбуждаетъ такое сомнѣніе совѣсти:

„Радъ всѣмъ друзьямъ я служить, но, къ несчастію, во мнѣ
это—склонность;

Точитъ мнѣ сердце, какъ червь—мысль; добродѣтель-ли это?
И разрѣшаетъ это сомнѣніе въ духѣ Канта:

„Тутъ есть одинъ лишь совѣтъ, нельзя-ли презирать ихъ,
Чтобы съ отвращеньемъ потомъ дѣлать,—что долгъ по-
велитъ“¹⁾.

Съ своею моралью долга Кантъ стоитъ на ветхозавѣтной точкѣ зрѣнія Моисея, на которой нисколько не предчувствовали еще о „славной побѣдѣ дѣтей Божіихъ“²⁾. То жребій спасеннаго человека—повиноваться закону, какъ жестокому воспитателю, неохотно, по-рабски, между тѣмъ какъ спасенный чрезъ любовь Отца, которая излилась въ его сердце, становится сыномъ и съ радостію исполняетъ волю отца. Кто изъ двоихъ стоитъ нравственно выше, сынъ, который только неохотно, по обязанности, или тотъ, который изъ любви и благодарности слѣдуетъ повелѣніямъ Отца?

Такимъ образомъ Кантовская мораль не есть высочайшая; она также не автономна. Внимательно рассматриваемое Кантовское высшее правило поведенія совершенно *неудобопримтно* къ *дѣйствительной жизни*. Дитя попадаетъ въ воду. Первое движеніе твоего сердца—спасти ребенка. И такъ, скорѣй на помощь! Но стой! Такой образъ дѣйствій былъ бы не философскимъ и поспѣшнымъ. Что, однако, повелѣваетъ нравственный законъ, которымъ я долженъ провѣрять всякій

¹⁾ Пол. собр. сочин. Шиллера въ русс. перев. т. 1-й. Переводч.

мой поступокъ? „Дѣйствуй такъ, чтобы правило твоего поведенія“ и т. д. Если я дѣйствительно признаю себя обязаннымъ, согласно этого правила, къ этому дѣлу спасенія ребенка, то могу-ли я желать, чтобы *вся люди* въ моемъ положеніи совершали то же самое? Долженъ-ли и отецъ, имѣющій десять живыхъ собственныхъ дѣтей, рисковать своею жизнью за чужого ребенка? Между тѣмъ ребенокъ могъ уже утонуть; но ты можешь направиться домой съ возвышеннымъ сознаніемъ, что ты поступилъ согласно съ своею обязанностью. Ибо если твои сомнѣнія были бы и неосновательными, ты все же смѣлъ своею обязанностію твое предполагаемое дѣйствіе провѣрить на основаніи выше указаннаго правила. Фактически означенная формула совершенно не выражаетъ нравственнаго закона. Она говоритъ только: „поступай по разумному, всѣми принимаемому закону“. Но если мы спросимъ, что такое этотъ нравственный законъ, то мы останемся совершенно безъ отвѣта.

Эта мораль, какъ видно, при всей своей силѣ и строгости, носить въ себѣ нѣчто филистерское, педантическое. Но бодрый солдатскій духъ, который проникаетъ ее, для сентиментальныхъ душъ прошедшаго вѣка былъ превосходною школою для нравственнаго укрѣпленія.

2. *Этическое общество*. Представители этического общества обнаруживаютъ иногда великое нравственное воодушевленіе, которое напоминаетъ Кантовское преклоненіе предъ долгомъ и въ состояніи привлекать болѣе возвышенно настроенныхъ людей.

Этическое общество—англійское или американское порожденіе. Основатель перваго Society for Ethical Culture—докторъ Феликсъ Адлеръ, сынъ раввина въ первой синагогѣ Нью-Йорка. Къ его общинѣ принадлежали сначала только іудеи реформаторскаго направленія, но мало по малу она приобрѣтала приверженцевъ также и изъ другихъ круговъ и распространилась даже по странамъ Европы. Въ 1892 году было основано нѣмецкое общество für ethische Cultur, которое считаетъ среди своихъ приверженцевъ знаменитыхъ ученыхъ, какъ Лазарусъ, Брентано, Паульсенъ, Юдль. Противъ раздѣляющихъ особенностей партій и исповѣданій общество стре-

митя выдвинуть „объединяющія“ нравственныя идеи и такимъ образомъ воздѣйствовать примиряюще и просвѣщающе на культурную жизнь настоящаго времени. Кто не хотѣлъ бы сочувствовать отъ всего сердца этой благородной цѣли? Только мы должны усомниться въ томъ, можетъ ли когда либо подобное общество произвести значительные результаты. Самою цѣлю его требуемое индифферентное отношеніе къ религіи осуждаетъ общество на ту же незначительность и безсиліе, какія свойственны „ложамъ“ масонскимъ и англійскому секуляризму, несмотря на то, что вице-президентами ихъ были Пастёръ и Ренанъ, а Викторъ Гюго—почетнымъ членомъ.

Этическія общества восприняли изъ Кантовскаго нравственнаго ученія только ту мысль, что нравственность самостоятельна въ отношеніи къ религіи, что добро должно существовать ради долга или ради добра. Но для глубокаго взгляда Канта не было сокрытымъ, что нравственность, безъ ущерба для своей самостоятельности, стоитъ во внутренней нерасторжимой связи съ религіею. Какъ можно выдвигать абсолютное нравственное повелѣніе, если нѣтъ абсолютнаго, нѣтъ Бога? Возможно ли требовать точнаго исполненія обязанностей, если добро въ концѣ концовъ постигаетъ одинаковая участь со зломъ? Не благопріятствуетъ-ли здѣсь, на землѣ, счастье гораздо болѣе злему, чѣмъ доброму и, вопреки этому, можетъ-ли сохраниться убѣжденіе, что добро необходимо одержитъ побѣду и получить вѣнецъ? Такія соображенія привели Канта къ „постулату“ или требованію безсмертія души, которое ручается намъ за поступательное движеніе къ идеалу. Они вынудили его также къ требованію вѣры въ Бога, отъ Котораго только и можно ждать праведнаго раздаянія награды и наказанія. Кто желаетъ жить и дѣйствовать нравственно, тотъ необходимо вѣритъ въ Бога и безсмертіе, такъ какъ безъ этого нравственный идеалъ являлся бы недостижимымъ, нравственное стремленіе безцѣльнымъ и бесплоднымъ.

Представители „этическихъ обществъ“ отвергаютъ эту внутреннюю связь нравственной и религіозной жизни, или же игнорируютъ ее. Они хотятъ сохранить древо нравственной жизни—и подрубаютъ подъ нимъ корень. Они подобны дѣтямъ,

которыя, какъ выразился однажды Толстой, въ грядѣ сажаютъ сорванные цвѣты и затѣмъ удивляются, что они не растутъ. Но въ самомъ-ли дѣлѣ вѣра должна быть разсматриваема, какъ корень нравственности, или бываетъ безрелигіозная нравственность?

Бываетъ-ли безрелигіозная нравственность?

1. *Ни одного нравственнаго дѣла не совершается безъ вѣры.* На первый взглядъ кажется, что возможна нравственность безъ религіи. Въ жизни нерѣдко мы встрѣчаемъ людей, кои чужды всякихъ религіозныхъ вопросовъ, но нравственное направленіе коихъ никто не осмѣливается подвергать сомнѣнію. Можетъ быть, они даже далеко возвышаются надъ среднимъ уровнемъ тѣхъ, которые называютъ себя „вѣрующими христианами“. Правдивостію, строгостію къ себѣ, милосердіемъ и самоотверженіемъ они доказываютъ искренность своего настроенія и чистоту своего характера. Религіозные мотивы дѣйствія, кажется, у нихъ совершенно исключены. Итакъ вотъ безрелигіозная нравственность! Повидимому, это—такъ, но на дѣлѣ—нѣтъ. Не желая обидѣть такихъ лицъ и превознести себя, мы рѣшаемся сказать имъ: вы не знаете самихъ себя! Рѣшительно ни одинъ изъ вашихъ благородныхъ поступковъ не совершается безъ вѣры. И вы совершаете „службу невѣдомому Богу“. (Дѣян. XVII, 24).

Кто поступаетъ дѣйствительно нравственно, тотъ признаетъ безусловное значеніе нравственной заповѣди. Онъ подчиняется нѣкоторой духовной силѣ, которая возвышается надъ его отдѣльнымъ бытіемъ. Онъ чувствуетъ себя въ своей совѣсти связаннымъ ею и отъ нея зависимымъ. Это уже религіозная вѣра. Но безусловное значеніе нравственный законъ можетъ имѣть для меня только въ томъ случаѣ, если онъ имѣетъ всеобщее значеніе. Доколѣ я сознаю: это—твоя охота такъ дѣйствовать, но ты могъ бы также и иначе дѣйствовать, доколѣ я поступаю не нравственно. Только если я сознаю: ты долженъ такъ поступать и каждый другой въ твоемъ положеніи такъ же долженъ былъ бы дѣйствовать, только въ этомъ случаѣ мое дѣло можетъ быть названо нравственнымъ. Но кто же

миѣ скажетъ, есть-ли дѣйствительно такой имѣющей всеобщее значеніе высочайшій законъ? Кто скажетъ миѣ, что я не предаюсь здѣсь иллюзіи? Кто скажетъ миѣ, что въ этомъ мірѣ я дѣйствительно могу послѣдовать вышеозначенному требованію? Ни что иное, какъ вѣра, какъ непосредственная увѣренность въ томъ, что назначеніе всякаго бытія есть добро. Коль скоро мы вычеркнемъ эту вѣру, нравственность будетъ лишена жизни. Если добро не есть высочайшая сила въ мірѣ, если твореніе, я самъ не предназначены къ добру, то выше упоминаемое совѣстное требованіе есть простая видимость, которая, будучи созвана, необходимо теряетъ всякое достоинство. Если, не смотря на всѣ невыгодныя послѣдствія, я слѣдую голосу моей совѣсти, тогда этимъ самымъ я утверждаю: есть нравственный міропорядокъ! „Живъ Богъ и Святая воля“! Но чѣмъ живѣе и могущественнѣе излучается это убѣжденіе, тѣмъ лучше для нравственной дѣятельной силы; чѣмъ живѣе и совершеннѣе религія, тѣмъ чище я могущественнѣе нравственность!

2. *Что Богъ соединитъ, человекъ да не разлучаетъ!* Итакъ нравственность и религія связаны другъ съ другомъ, какъ свѣтъ и теплота въ солнечномъ лучѣ. Однако онѣ не одно и то же. Въ религіи дѣло идетъ объ отношеніи человѣка къ Богу, въ нравственности — объ отношеніи къ людямъ. Обѣ соотвѣтствуютъ двойному теченію жизни въ естественномъ организмѣ. Религіозная жизнь подобна венамъ, которыя доставляютъ кровь къ сердцу, нравственная жизнь — артеріямъ, которыя отъ сердца струящуюся, въ легкихъ подкрѣпленную кровь — распространяютъ по тѣлу въ цѣляхъ созиданія жизни. Та и другая, слѣдовательно, суть двѣ нераздѣльныя стороны одной и той же духовной жизни. Какъ здоровое растеніе почти одновременно растетъ вверхъ и внизъ, такъ и человѣкъ нуждается въ идущемъ въ глубину религіозномъ корнѣ, если его нравственность должна развиться въ могучую многолиственную прекрасную крону. Въ совершенномъ единствѣ и гармоніи обѣихъ сторонъ покоится духовное здоровье человѣка. „Мораль говоритъ: ты долженъ! Религія: и только я даю тебѣ силу къ исполненію того, что ты долженъ, ибо единственно я разрушаю себялюбіе. Къ этому она прибавляетъ: и я утѣшаю тебя,

когда ты желалъ честно и, однакожь, провинился. Мораль есть предписаніе, религія—источникъ исполненія, утѣшаетъ и исцѣляетъ“. Такъ говоритъ современный мыслитель, эстетикъ Фр. Теод. Фишеръ въ своихъ „Kritischen Gängen“ (11, 6 Hett, 6. 210). Не правъ-ли онъ? „Что Ботъ сочеталъ, чело-вѣкъ да не разлучаетъ“.

3. *Свидѣтельство исторіи.* Безспорно, религіи нерѣдко болѣе тормазили нравственный прогрессъ, чѣмъ содѣйствовали ему. Какъ много во имя религіи совершалось мерзостей, которыя возмущаютъ нравственное сознаніе! Даже въ границахъ христіанской церкви и ея исторіи мы встрѣчаемся съ потоками несправедливости, фанатизма и жестокости. Но кто захотѣлъ бы сдѣлать отвѣтственнымъ за это христіанство, а не скорѣе его часто-ограниченныхъ и неискреннихъ предста-вителей, которые такими дѣлами прямо таки отвергали духъ христіанства? Или не совершались-ли также самыя безстыдныя мерзости во имя „нравственности“, порядка и справедливости? Тысячи были умерщвлены только чрезъ гильотину во имя „свободы, равенства и братства“!

Нѣтъ, исторія яснѣйшимъ образомъ свидѣтельствуется, что съ исчезновеніемъ страха Божія—непремѣнно исчезаетъ также и нравственность. Вскормленные грабежомъ со всего міра, погрязшіе въ наслажденіяхъ римляне однажды рукоплескали въ амфитеатрѣ, когда актеръ воскликнулъ: „послѣ смерти ничего нѣтъ! Самая смерть: ничто!“ Но провинціи, благодаря зернамъ и работѣ которыхъ они жили, почитали еще божества, а когда и у нихъ исчезла вѣра, тогда вмѣстѣ съ этимъ разрушилось и міровое государство, подъ ударами варваровъ, тѣхъ именно вандаловъ, король которыхъ Гейзерихъ своему кормчему на вопросъ: куда? отвѣтилъ: „веди меня къ народамъ, на которыхъ прогнѣвался Богъ“ (Bettex.). Подобное же мы видимъ во французской революціи. Сперва въ парижскихъ салонахъ упражнялись въ насмѣнкахъ и острогахъ относительно Бога и міра въ то время, какъ милліоны въ потѣ и слезахъ влчили свое жалкое существованіе; но за тѣмъ разразилась буря, которая развѣяла испорченное общество по всѣмъ четыремъ сторонамъ. Масса освободилась отъ Бога и

проявила въ такой дикой формѣ послѣдствія своего невѣрія, что самому Робеспьеру и его единомышленникамъ стало страшно. Страхъ предъ послѣдствіями своей собственной мудрости—такова Божественная иронія!—по необходимости привелъ великую націю къ такому концу: „нація вспомнила о высшемъ Существовѣ!“

Какъ нравственность разрушается, когда разрывается ея связь съ религіею, такъ она также обновляется, если изъ религіи къ ней начинаютъ притекать новыя жизненныя силы. Оставленіе вѣры въ Иегову во Израилѣ всегда было связано съ погруженіемъ его въ языческое служеніе плоти и наоборотъ. пророческое воздѣйствіе изъ состоянія нравственнаго разложенія всегда приводило народъ снова къ могучему развитію нравственной жизни. Такимъ образомъ исторія этого народа является идеальнымъ типомъ нерасторжимой связи вѣры и нравственности.

Въ виду всего изложеннаго противъ нравственнаго одичанія нашихъ дней, „этическія“ наставленія, какъ бы благонамѣренны они ни были, не могутъ быть полезны. Руссо, проповѣдникъ „естественной“ морали, умѣвшій такъ превосходно говорить объ обязанностяхъ отцевъ и матерей, своихъ собственныхъ дѣтей одного за другимъ отправилъ въ пріютъ, чтобы сберечь трудъ и расходы по ихъ воспитанію.

Какое явное противорѣчіе между мыслию и дѣломъ! Дѣйствительно, въ нравственной области знать истину еще далеко не значитъ имѣть силу поступать сообразно съ нею. Единственное благородное дѣло жертвы гораздо болѣе достойно, чѣмъ всѣ прекрасныя рѣчи, какія могутъ вестися о немъ. Потому пусть пощадятъ насъ отъ шума этическихъ назиданій! „Дайте намъ силы къ добру! Дайте намъ живыхъ стремленій, которыя бы вывели наше сердце изъ состоянія вялости, которыя сдѣлали бы его способнымъ—добро, которое мы знаемъ давнымъ-давно, превратить въ дѣло. Помогите намъ препобѣдить несчастное раздвоеніе между желаніемъ и исполненіемъ! Это вопль всякаго работающаго надъ своимъ нравственнымъ улучшеніемъ человѣка; и кто внимаетъ этой потребности своего

внутренняго человѣка, тотъ находитъ въ христіанской вѣрѣ силы, которыя для него спасительныѣ, чѣмъ всѣ эгическія георіи.

Христіанская нравственность.

1. *Христіанская вѣра, какъ высшая нравственная сила.* Никто не можетъ отрицать, что въ немъ есть склонность ко грѣху, которая постоянно все снова и снова проявляется. Ни одинъ законъ не въ состояніи вырвать ее; наоборотъ, онъ вынаруживасть ее, возбуждаетъ къ противорѣчію: мы всегда стремимся къ запрещенному и желаемъ того, въ чемъ намъ отказываютъ! Почему нравственно-злое у насъ развивается само собою, между тѣмъ какъ нравственно-доброе необходимо должно достигаться съ трудомъ, въ непрерывной борьбѣ? Чѣмъ болѣе мы размышляемъ объ этомъ, тѣмъ съ большею ясностью выступаетъ для насъ истина библейскаго изреченія: „рожденное отъ плоти плоть есть“, чтобы тѣмъ очевиднѣе стало глубокое противорѣчіе между волею и силою къ исполненію, которое проходитъ красной нитью чрезъ всю нашу жизнь.

Отсюда христіанинъ признаетъ всю важность нравственной задачи. Онъ далекъ отъ того, чтобы съ поверхностнымъ и потому безсильнымъ энтузіазмомъ хвататься за „идеалы“ по части своего усовершенствованія. Онъ знаетъ, что это требуетъ борьбы, непрестаннаго самовоспитанія, искорененія глубоко-проникшихъ сердце склонностей и потребностей. Но кто серьезно намѣревается не только дѣлать доброе, но стать добрымъ, того внутреннее влеченіе нудитъ прибѣгнуть ко Христу, который сильнѣе, чѣмъ все что могло бы быть преткновеніемъ для него. Все болѣе возвышается уваженіе и почитаніе Его образа. Здѣсь Нѣкто единый, Кому всѣ искушенія міра не могли ничего приразитъ,—борецъ, Который побѣдилъ и теперь твердо и безопасно шествуетъ чрезъ полный скорби міръ, ни въ чемъ не погрѣшая. Назови мнѣ нравственный законъ, который столь необманчиво говоритъ къ тебѣ какъ Христосъ къ твоей душѣ. Онъ есть по истинѣ путь, истина и жизнь.

Потому то вѣра свидѣтельствуетъ о Немъ не просто только, какъ идеалъ. Недостаточно, чтобы передъ нашими взорами данъ былъ отвѣтъ высокій образецъ. Такой образецъ, чѣмъ возвышеннѣе онъ, тѣмъ болѣе показывалъ бы намъ только нашу слабость и бѣдственность. Онъ можетъ дѣйствовать столь-же подавляюще, какъ и воспламеняюще. Что пользы больному, если ему указываютъ на совершенно здороваго человѣка и говорятъ: „ты долженъ быть такимъ же“? Благодаря этому противоположенію человѣкъ только яснѣе сознаетъ о достойномъ сожалѣніи своемъ собственномъ состояніи. И нравственно несовершенный и слабый также нуждается во большемъ, чѣмъ только образцѣ. Онъ нуждается въ новой силѣ и въ новомъ духѣ. Необходимо должны быть всаждены сила божественной жизни, духъ препобѣждающей любви. Бывшія прегрѣшенія необходимо должны быть прощены божественною благодатію, чтобы они не возвышали своего обвиняющаго голоса противъ человѣка и не отнимали у него радости нравственнаго стремленія. Но это все исполняется черезъ вѣру въ любовь Божію, явленную во Іисусѣ Христѣ. Никто не вскрываетъ этого пункта столь твердо, никто не опровергаетъ столь побѣдоносно всѣ тайныя оговорки противъ серьезности божественныхъ заповѣдей, никто не разрушаетъ столь основательно всякую гордость и всякую самоправедность, какъ Распятый. И кто остается твердымъ, тотъ начинаетъ видѣть въ Немъ великаго помощника, Который даетъ силу безсильному и робкому мужество—впередъ идти путемъ узкимъ и прискорбнымъ.

Какъ легко даже на нравственно высоко-стоящихъ людей можетъ напасть уныніе! Ибо чѣмъ болѣе мы приближаемся къ идеалу, тѣмъ острѣе ощущаемъ различіе между имъ и нами. Чѣмъ болѣе мы вырастаемъ нравственно, тѣмъ большія требованія налагаемъ на себя. Итакъ нравственная работа не является-ли безнадежною борьбою, бесплодною сизифовою работою? Позволь только закрасться этому невѣрію въ сердце твое, и оно разрушитъ корень твоей нравственной жизненной силы. Благодаря именно ему вырвались у молодого страстнаго поэта такія дикія слова:

Нѣтъ, прочь суровый долгъ! Зачѣмъ мнѣ сердце гложешь?
Не требуй жертвъ напрасныхъ отъ меня,
Когда ужъ погасить въ груди моей не можешь
Ее палящаго огня!

Я клялся, да, я клялся мощной воли
Признать надъ сердцемъ власть.

Теперь... вотъ твой вѣнокъ... онъ мнѣ не нуженъ болѣ
Возьми его и дай мнѣ пасть ¹⁾!

Не всегда отказъ отъ послушанія нравственному долгу является столь страстнымъ образомъ; гораздо чаще нравственная энергія ослабляется постепенно: человѣкъ падаетъ глубже и глубже со ступени на ступень, пока, лишенный всякаго высшаго стремленія, онъ не начинаетъ довольствоваться тѣмъ, что онъ идетъ „широкимъ путемъ“ гражданской честности. Здѣсь, какъ и тамъ, сомнѣніе въ нравственномъ назначеніи человѣка составляетъ глубочайшую основу нравственнаго ниспаденія. Невѣріе говоритъ: „ты не достигнешь его, хотя бы не зналъ утомленія въ нравственномъ дѣланіи; нравственный идеалъ, какъ блуждающій огонекъ, который тѣмъ далѣе убѣгаетъ, чѣмъ ближе ты къ нему подходишь. Не будь глупцомъ и изъ-за своихъ благородныхъ призраковъ не прозѣвай наслажденія жизнью и міромъ“! Горе тому, кому въ такомъ страшномъ искушеніи не придетъ на помощь христіанская вѣра, какъ спасительная сила. Одно только способно въ этотъ моментъ удержать насъ: благоговѣніе предъ Христомъ, Его жизнью, страданіемъ и смертію. Если здѣсь нѣтъ истины, тогда вообще нѣтъ ея, и жизнь превращается въ пустой призракъ. Способенъ-ли нравственный человѣкъ, предоставленный самому себѣ, вопреки этимъ отравляющимъ его сомнѣніямъ, сохранить радость нравственнаго дѣйствованія? Если же, что мы называемъ „долгомъ“, „обязанностью“ есть не божественный посланникъ и руководитель, но ложное, земное, образовавшееся благодаря пожеланіямъ и страху, подъ вліяніемъ вистѣлицы и пытки, созданіе фантазіи, то Карлейль правъ, когда онъ вызываетъ къ намъ: „не на нравственности, но на поваренномъ искусствѣ пусть воздвигаются наши твердыни; здѣсь мы хотимъ какъ

¹⁾ Полн. собр. соч. Шаллера въ русс. перев., т. 1-й, стихотв. „Борьба“.

кадиломъ махать нашими сковородами и приносить дѣволу сладкое благовоніе и жить въ удовольствіяхъ отъ тѣхъ лакомыхъ кусковъ, которые онъ приготовилъ своимъ избраннымъ“. И теперь, рядомъ съ изображенными сомнѣніями, всплываютъ еще другія: есть ли вообще нравственный міропорядокъ? Не разбиваются-ли такъ часто самыя благородныя стремленія о жестокою дѣйствительностью, не подвергаются-ли пренебреженію, осмѣянію, распинанію самыя лучшіе люди, между тѣмъ какъ нечистымъ или обыкновеннымъ тварямъ выпадаетъ полная доля земного счастія? И, наконецъ, по отношенію къ великому „уравнителю“, смерти, не безразлично-ли совершенно, какъ человѣкъ жилъ?

Позволь этимъ мыслямъ во всемъ ихъ значеніи дѣйствовать на тебя, и ты долженъ будешь сказать, что при нихъ невозможно сохранить вполне радость и энергію нравственнаго стремленія. Но христіанская вѣра дѣйствительно можетъ устранить всѣ эти сомнѣнія, и даже въ этомъ она заявляетъ себя, какъ Божественную силу: она можетъ превратить ихъ въ разнообразныя побужденія къ добру.

Вѣра христіанская говоритъ тебѣ, что ты созданъ по образу Божію и потому призванъ къ святой, божественной жизни, что также говоритъ и міръ. Пусть ежедневно мы испытываемъ, что наши нравственныя силы недостаточны для достиженія идеала, но и это значеніе должно служить къ нашему же благу. Оно предохраняетъ насъ отъ того фарисейскаго превозношенія добродѣтели, которое находятъ у всѣхъ, кои полагаются на свои нравственныя силы. Благодаря ей нашъ взоръ тѣмъ вождельнѣе направляется къ Тому, чья сила является могучею даже въ слабыхъ и изъ благодатнаго общенія съ чѣмъ всѣ нравственные герои, по ихъ собственному признанію, почерпали свои лучшія силы. Христіанская вѣра, наконецъ, устраняетъ возраженія, вытекающія изъ кажущейся несправедливости міроваго порядка, и открываетъ намъ въ страданіяхъ и нуждахъ лишь „испытаніе“, т. е. воспитательное средство для нашей нравственной воли, такъ какъ принимаемая съ истинно-христіанскимъ упованіемъ, они производятъ, укрѣпляютъ и закаляютъ добродѣтели кротости, терпѣ-

нія, любви и самообладанія. Распятый учитъ насъ, что въ покорности заключается побѣда, что добрый не погибаетъ, но долженъ будетъ торжествовать свое воскресеніе и быть прославленнымъ въ царствѣ Его Отца. Отсюда мысль о нашемъ концѣ не подавляетъ насъ, но укрѣпляетъ наше нравственное стремленіе, увѣщаетъ не безплодно проводить время и исполняетъ насъ самыми возвышенными надеждами. Земная жизнь есть предверіе потусторонней жизни, всякое доброе дѣло—сѣмя для вѣчности, которое для развитія человѣка на всю вѣчность имѣетъ значеніе.

Такимъ образомъ вышеуказанныя потрясающія недоумѣнія совѣсти здѣсь находятъ свое разрѣшеніе, которое все снова и снова вызываетъ благородное стремленіе человѣка и пронизываетъ торжествующею радостію. Не должны-ли мы съ полнымъ правомъ прославлять эту вѣру, какъ высочайшую нравственную силу?

2. *Награда.* Нельзя отвергать того, что съ надеждою на вѣчное „спасеніе“ (блаженство) у нѣкоторыхъ соединяется также ожиданіе чувственныхъ радостей. Ради нихъ они совершаютъ здѣсь, на землѣ „добрія дѣла“, которыхъ они безъ этого не стали бы совершать. Въ этомъ случаѣ говорятъ объ „исканіи награды“, которое разрушаетъ чистоту нравственнаго дѣйствія. Эти люди поступаютъ какъ рабы, а не какъ дѣти, изъ корысти, а не изъ любви и благодарности. Но виновата-ли въ такомъ извращенномъ настроеніи именно христіанская вѣра и не учитъ-ли прямо Христось, что „дурное древо“ не можетъ приносить добрыхъ плодовъ?

Христіанинъ дѣйствуетъ нравственно-хорошо не изъ-за награды, но также и не безъ награды. Награда есть ничто иное, какъ богоустановленное слѣдствіе его жизни. Ни одинъ разумный человѣкъ ничего не совершаетъ безъ вниманія къ результату дѣла. Конечно, не состроятъ дома тѣ, кто только можетъ вывести его едва выше фундамента, такъ и человѣкъ не можетъ дѣйствовать съ охотою и радостію, если онъ не увѣренъ, что добро имѣетъ смыслъ и сопровождается опредѣленнымъ результатомъ; онъ не могъ бы работать надъ своимъ

усовершеніемъ, если бы зналъ, что никогда не переступить жалкихъ начатковъ. Поэтому мысль о результатѣ неотъемлема также и отъ нравственнаго поступка, и чѣмъ яснѣе предносится намъ послѣдняя цѣль, тѣмъ болѣе это воодушевляетъ насъ въ нашихъ благородныхъ стремленіяхъ. „Награда“ для христіанина состоитъ прежде всего въ духовно-нравственномъ совершенствѣ, и „наградой“ она является только для тѣхъ, — кои въ духовно-нравственной жизни уже нашли свой центръ тяжести, для настроенныхъ же „плотски“ она является скорѣе противоположностію.

3. *Совершенная нравственность.* Вѣрующій христіанинъ не можетъ поступать иначе, какъ нравственно, доколѣ имъ владѣетъ вѣра. „Доброе дерево не можетъ приносить дурныхъ плодовъ“. Кто предалъ себя Святому Богу, тотъ добръ въ глубочайшемъ корнѣ своей жизни. Онъ дѣйствуетъ нравственно изъ любви къ Богу, виновнику всего добраго. Только онъ способенъ исполнить высочайшую заповѣдь нравственности — *любить* ближняго, какъ самого себя. Но любовь не можетъ быть повелѣна или вынуждена. Самоотверженная любовь къ ближнему, какъ она находитъ свое высочайшее выраженіе въ дружественной любви, возможна только для того, чье себялюбіе совершенно расплавлено любовію милосердаго Бога и кто теперь и въ своемъ ближнемъ признаетъ „брата“ и дитя своего Небеснаго Отца.

Нравственно доброе поведеніе возбуждается не отъ вѣ, чрезъ повелѣніе холоднаго закона, но происходитъ изъ исполненнаго истинною любовью къ Богу сердца, которое, не раздумывая много — повинуется просто Божественному вліанію (*Drang*) своего внутренняго существа. Отсюда вѣра не уничтожаетъ индивидуальности, но возвышаетъ и преобразуетъ ее. Такъ объясняется удивительное разнообразіе христіанскихъ личностей отъ дней Апостоловъ до настоящаго времени. До какой степени даже пылкій и страстный темпераментъ преобразуется Духомъ Христовымъ, несравненнымъ свидѣтелемъ за это является ап. Павелъ. Мы удивляемся его искренности, его вѣрности, его поставившей все на карту честности. Но на ряду

съ этими сильными, величественными свойствами онъ обладалъ, какъ показываетъ именно 2-е посланіе къ Коринѳянамъ, тонкою, нѣжною ласковістю (Höflichkeit), которая даже въ самомъ порочномъ человѣкѣ находила способность оскорбляться, даже напередъ сочувствовала той скорби, какую могли причинить его слова. Соединялъ ли когда-либо въ себѣ человѣкъ болѣе отважный страстный нравъ, болѣе мужественную энергию къ дѣятельности и болѣе тонкое, почти женское чувство нѣжности? Только благодать Божія можетъ создавать такіа личности.

И какъ удивительно и замѣчательно! христіанство проявляетъ свою спасительную силу на природѣ каждаго человѣка, во всякомъ возрастѣ, во всякомъ состояніи: дитя, воинъ, ученый, король, молодая дѣвушка, душа невинная, душа полная пороковъ—все подъ его воздѣйствіемъ становится способнымъ къ святости. Христіанство восторжествовало надъ извращенною цивилизаціею язычества, какъ и надъ варварствомъ. Оно еще понынѣ освобождаетъ цивилизованныхъ людей отъ ихъ предрасудковъ и совершенствуетъ, воспитываетъ и просвѣщаетъ грубые народы языческіе—все тѣми же средствами. Оно располагаетъ отдѣльнаго человѣка къ самоуглубленію и посредствомъ спасительныхъ потрясеній заставляетъ судить самого себя и съ корня обновляться; но оно также обнаруживаетъ глубоко захватывающія вліянія на общественную совѣсть человѣческаго рода.

Подъ вліяніемъ евангелія законы стали справедливѣе, нравы человѣческаго общества мягче. Общественная совѣсть является болѣе чуткою, и, съ одной стороны, не позволяетъ пороку проявляться со всѣмъ его безстыдствомъ, а съ другой—насилъничаніе отдѣльныхъ лицъ дѣлаетъ болѣе рѣдкимъ явленіемъ. Существуетъ непреодолимое, хотя иногда и ложно направляемое, но всегда живое стремленіе улучшать состояніе приниженныхъ классовъ; существуетъ изъ глубины духа идущее стремленіе защищать слабыхъ и помогать несчастнымъ; существуетъ духъ сближенія, братства и всеобщей человѣческой любви. Такимъ образомъ христіанство обнимаетъ все, отдѣль-

наго человѣка и цѣлое человѣчество. Никого оно не отталкиваетъ отъ себя. Никогда оно не занимается устраненіемъ внѣшней нужды, безъ того, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ не помочь также въ духовной и нравственной нуждѣ.

Возвышенныя добродѣтели пускаютъ ростки въ той душѣ, которая предается Христу. Подъ лучами любви сверху сердце воспаляется къ любви въ отношеніи къ ближнимъ ¹⁾. Человѣкъ выступаетъ изъ своей себялюбивой замкнутости и познаетъ себя, какъ члена всеобъемлющаго братства. Онъ сознаетъ свои обязанности въ отношеніи къ обществу. Бѣдный болѣе не является покинутымъ, скорбящій болѣе не избѣгается, голодный болѣе не кричитъ о хлѣбѣ. Христіанское попеченіе о бѣдныхъ процвѣтаетъ, какъ въ первенствующей церкви. Благотворительныя учрежденія повсемѣстно усиливаются. Словомъ, „въ своей могучей благодѣтельной дѣятельности христіанская нравственность носить божественный характеръ совершенства“.

4. *Свидѣтельство мыслителей-моралистовъ и героев.* Величайшіе и благороднѣйшіе умы нѣмецкаго народа признавали это ясно и выражали открыто. Шиллеръ находилъ, что „христіанская религія предрасполагаетъ къ возвышеннѣйшему и благороднѣйшему“. Старѣйшина между поэтами—Гёте провозглашаетъ: „пусть духовная культура только постоянно прогрессируетъ, естественныя науки пусть возрастаютъ со стороны своего объема и глубины и духъ человѣческой пусть всесторонне развивается, какъ онъ хочетъ, онъ никогда не превзойдетъ высоты и нравственной культуры христіанства, какъ оно сіяетъ въ евангеліяхъ“. Подобно поэтамъ судятъ и философы. Якоби въ концѣ своей жизни былъ вынужденъ засвидѣтельствовать: „я былъ молодъ и состарѣлся: свидѣтельствую, что я никогда ни въ комъ не находилъ глубокой, сильной и устойчивой нравственности, кромѣ людей богобоязненныхъ, не по теперешнему, а по старинному, по-дѣтски. Только у нихъ я находилъ радость въ жизни, сердечную по-

¹⁾ Въ этомъ заключается различіе, напр. дѣлъ любви внутренней миссіи отъ гуманитарныхъ благотворительныхъ учрежденій.

бѣждающую веселость особеннаго рода, такъ что ее нельзя сравнивать ни съ какою другою“. Заявленія великихъ изслѣдователей, философовъ, государственныхъ мужей неопровержимо доказываютъ, что въ своихъ высокихъ и благородныхъ стремленіяхъ они черпали силу и идеалы изъ христіанства. Я назову здѣсь только три блестящихъ звѣзды: Бисмаркъ, Мольтке, Роона. *Роонъ*, этотъ чистый, твердый характеръ, велъ глубоко-искреннюю религіозную жизнь. *Мольтке* призывался, что для него Библия была самою цѣнною книгою, а восьмидесятилѣтнимъ старцемъ онъ пишетъ еще: „я стою близко къ концу моего жизненнаго пути. Какой иной масштабъ сравнительно съ здѣшнимъ будетъ примѣненъ къ нашимъ земнымъ дѣламъ! Не блескъ успѣха, но чистота стремленія и непоступная твердость долгу, даже тамъ, гдѣ событіе едва достигло вѣшняго проявленія, будутъ опредѣлять достоинство человѣческой жизни. При такомъ великомъ мѣрилѣ какое перемѣщеніе произойдетъ сверху и снизу?“ *Бисмаркъ*, наконецъ, часто заявлялъ въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ о связи своей нравственности съ вѣрою, когда, напримѣръ, онъ говорилъ: „я служу Богу, а не людямъ“. „Откуда во мнѣ чувство долга, какъ не отъ Бога?“ „Отнимите у меня отношеніе къ Богу, и я останусь человѣкомъ, который на утро же укладывается, уѣзжаетъ въ Варцинь и находитъ здѣсь свою пристань“. Такія свидѣтельства испытанныхъ бурями жизни героев опровергнуть труднѣе, чѣмъ мифіа теоретиковъ и моралистовъ. Но также и знаменитый моралистъ нашего времени Вундтъ живетъ „увѣренностію, что тѣ гуманныя нравственныя цѣли, во имя которыхъ рѣшительно прекращается все особенное, никогда не исчезнутъ“. Безъ такой вѣры нравственность не можетъ существовать и развиваться. (См. выше часть II).

5. *И такъ?* Ну! такъ что же слѣдуетъ изъ всего этого? не отдѣленіе нравственности отъ религіи, но взаимное проникновеніе другъ друга должно быть разрѣшеніемъ вопроса: нравственность должна быть одушевлена религіею, а благочестіе—нравственно живымъ, какъ это ради образца вопло-

щено во Христѣ 19 вѣковъ тому назадъ. Простое произношеніе: „Господи! Господи!“ не имѣетъ никакой цѣны, никакой цѣны не имѣетъ и внѣшнее исполненіе церковныхъ обрядностей. Всякій порывъ души къ Богу, если онъ по истинѣ есть, необходимо долженъ вызывать любовь къ ближнему, укрѣплять расположеніе и стремленіе—исполнять волю Отца! Если нынѣ нѣкоторые люди воображаютъ себѣ, что на мѣсто христіанской нравственности они могутъ поставить нѣчто лучшее, то вина въ этомъ отчасти лежитъ на „христіанскомъ“ обществѣ, которое довольствуется однимъ именемъ христіанскаго, вмѣсто того, чтобы достигать живой, сердечной вѣры. Но главная вина лежитъ на нихъ самихъ.

Кто думаетъ, что въ нравственной жизни онъ можетъ обойтись безъ христіанской вѣры, тому недостаетъ еще глубокаго самопознавія. „Исполняющая долгъ“ и чувство вины,—„это величайшее зло“,—необходимо побуждаютъ падать на руки къ Спасителю, который хочетъ насыщать всѣхъ „жаждущихъ правды“. Во вторыхъ, эти искатели новыхъ путей въ морали большею частію отличаются удивительнымъ незнаціемъ проявленій любви, особенно христіанской, въ древнее время. Если бы только они что-нибудь знали о героическихъ жертвахъ, какія приносила христіанская любовь со дней апостоловъ до настоящаго времени, то у нихъ пропала бы достойная сожалѣнія настойчивость поставить на ея мѣсто нѣчто лучшее. „Столь безпристрастный ученый, какъ Ientsch, въ своихъ мысляхъ по философіи исторіи пишетъ (стр. 398) по поводу движенія, возбужденнаго М. Von Egidy: „Безконечно мучительно видѣть, что спустя 150 лѣтъ послѣ того времени, когда такое юношеское увлеченіе находило извиненіе въ обстоятельствахъ времени, и послѣ всѣхъ опытовъ, которые начались съ 1789 г., еще понинѣ находятся зрѣлаго возраста люди высокаго положенія и образованія, кои превращаются въ неопытныхъ юнцовъ и дерзаютъ открыто выступать предъ публикою съ подогрѣтыми идеями давно превзожденнаго прошедшаго. Должно было бы считать невозможнымъ, чтобы положеніе: „любовь есть сила“, могло

торжественно выставляться въ качествѣ новаго откровенія въ христіанской странѣ, въ которой о немъ знаетъ каждый школьникъ, въ которой ходящіе въ церковь люди ежегодно съ глубоко взволнованнымъ сердцемъ выслушиваютъ 13-ю главу перваго посланія къ Коринѳянамъ и въ которой никому не возбраняется,—хочетъ-ли онъ ходить въ церковь, или нѣтъ, ежедневно читать этотъ гимнъ любви. Ужели эти господа ничего не знаютъ о чудесахъ любви, какія совершались въ христіанствѣ отъ древнихъ временъ до настоящаго времени, до Миссъ Октавіи Гилль, генерала Бога и П. Даміана, ангела—хранителя прокаженныхъ Гонолулу. Послѣ всѣхъ доказательствъ силы, какія доставляетъ любовь изъ года въ годъ безъ шума молвы, какъ смѣшно хотѣтъ дать новое направленіе міровой исторіи положеніемъ: „любовь есть сила“! И если такіе герои любви, которые жертвуютъ своею личностью, большею частію положительно вѣрующіе опредѣленнаго исповѣданія, между тѣмъ какъ такъ называемые филантропы большею частію только жертвуютъ изъ излишковъ своего достоянія, то тѣмъ хуже это для новыхъ проповѣдниковъ совершенно не новой бездогматной религіи.

Въ третьихъ, вышеупомянутые умные люди большею частію не принимаютъ въ соображеніе того, что своимъ нравственнымъ образованіемъ они обязаны преимущественно христіанству. Ибо имъ проникнуты наши общественныя учрежденія, наши законы, нравы, науки, искусства и все вообще созданія человеческого духа въ теченіе девятнадцати вѣковъ; его вліяніе даже отражается въ поношеніяхъ безбожника и въ бичеваніяхъ совѣсти у преступника. Самые жестокіе противники христіанства довольно подчинялись этому вліянію. Они могутъ бороться съ нимъ лишь при помощи тѣхъ идей и благодѣній, кои она получали отъ него. И только потому, что нравственная сила евангелія такъ непоколебима, міръ въ состояніи выносить столь многочисленныя безправственныя мифы, какъ о сверхчеловѣкѣ и др., безъ вреда для нравственной жизни вообще. Но если бы вліяніе христіанства прекратилось совершенно, то воочію убѣдились бы все, что все эти прекрасныя нрав-

ственные ученія столь же мало могутъ защитить нашъ народъ отъ нравственнаго огрубѣнія, какъ стойки своего времени могли предохранить греческій народъ отъ нравственнаго закоснѣнія и разслабленія.

Какъ множество людей, ежедневно видя надъ собою восходъ и заходъ солнца, ни разу не задумывалось надъ чуднымъ зрѣлищемъ свѣта, совершенно такъ же многіе относятся къ свѣту евангелія и его безчисленнымъ красотамъ, коими десница Христова украсила нравственный міръ. Евангеліе потому оставляетъ ихъ столь холодными, что они совершенно привыкли къ его свѣту. Бываютъ и въ духовномъ мірѣ блюдолизы, которые только потому не беспокоятся относительно своего нравственнаго питанія, что оно имъ доставляется живымъ общественнымъ организмомъ, въ которомъ они имѣютъ свой корень. Но это именно такіе блюдолизы, которые питаются на счетъ нравственнаго капитала цѣлаго, не стараясь по-сильно какъ-нибудь увеличить его. Поистинѣ нужно великое искусство—питаться лучшими нравственно-христіанскими воззрѣніями и пользоваться охраною находящагося подъ христіанскимъ вліаніемъ общества и, однакоже, проповѣдывать безрелигіозную мораль. Куда повело бы фактическое отдѣленіе нравственности отъ вѣры, это можетъ наглядно показать слѣдующая картинка изъ американской газеты Free Press:

„Въ существующемъ съ 1880 г. въ Новой-Мексикѣ городѣ атеистовъ—имя городу Либераль—не празднуется ни воскресенье, ни какой-либо другой праздникъ. Кто проявилъ бы свою приверженность къ христіанскимъ обычаямъ, тотъ неминуемо подвергся бы оскорбленіямъ. Въ полуразрушившемся помѣщеніи юношество получаетъ обученіе, которое, при полной свободѣ обучающихся, проникнуто духомъ ненависти къ Богу и религіи. Нигдѣ вѣтъ болѣе грубаго и невоспитаннаго юношества обоого пола. Дѣти не оказываютъ никакого уваженія къ своимъ родителямъ, которые, впрочемъ, совмѣстно живутъ только дотолѣ, пока имъ это удобно. Никакой дисциплины и нравственности они не признаютъ. Надъ дверью общественнаго дома красуется надпись: „залъ для свободнаго выраженія

мыслей“. Этотъ залъ представляетъ собою кабакъ низшаго сорта. Со времени основанія Либерала пререканія и ссоры, которыя часто кончаются кровавыми дѣянiями, тамъ не прекращаются. Самыя грубыя нравственныя преступленiя—обычное явленiе. Какъ обстоитъ дѣло съ народнымъ хозяйствомъ? Сначала примкнули къ городу многіе капиталисты, но большая часть потеряла свои деньги, ибо въ управленiи и въ дѣловыхъ отношенiяхъ господствуетъ ложь и обманъ и никакихъ правовыхъ понятiй нельзя привить этимъ людямъ. Это—полное крушенiе начатаго съ такою великою помпою предпріятiя. Объясненiе этого находится вотъ гдѣ: *Ni Dieu, ni maitre!* „Нѣтъ Бога, нѣтъ Наставника“¹⁾.

N. N.

1) Срав. Menzi, а. а. О. S. 192.

Любовь къ Богу и ближнимъ въ жизни первыхъ христіанъ, по свидѣтельству исторіи Церкви.

(Окончаніе *).

IV.

Періодъ гоненій на христіанъ со стороны язычниковъ, повторявшійся послѣдовательно за немногими промежутками со времени Траяна до торжества христіанства надъ язычествомъ при Константинѣ Равноапостольномъ, былъ временемъ особаго испытанія членовъ Церкви Божіей въ ихъ истинной преданности Господу, въ ихъ терпѣніи и великодушій ко врагамъ. Язычество истощалось въ своихъ усиліяхъ къ подавленію христіанства различными насильственными мѣрами. Но христіанство не только не было уничтожено, но одержало полную побѣду надъ язычествомъ. Самыя гоненія по дѣйствию Промысла Божія послужили на пользу христіанамъ въ томъ отношеніи, что долго держали ихъ въ положеніи воиновъ, обязанныхъ бодрствовать надъ собою и всегда готовыхъ къ отраженію ударовъ, вносимыхъ со стороны враговъ вѣры. Въ этомъ случаѣ христіане исполняли завѣтъ Ап. Павла: *они стояли препоясавши чресла свои истинною, облекшись въ броню праведности и обувши ноги въ готовность благовѣствовать миру; при содѣйствіи цита вѣры старались отражать стрѣлы лукаваго.* (Ефес. 6, 13 - 17). Тотъ духъ любви, который проявился съ особою силою въ первомъ вѣкѣ, не оскудѣвалъ и теперь. Онъ поддерживалъ жизнь христіанъ попрежнему на идеальной высотѣ, поскольку это требовалось, сообразно съ новыми обстоятельствами въ должной преданности Богу, посылающему испытанія въ любви

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 10 за 1906 г.

къ своимъ близкимъ членамъ Церкви Божіей и даже любви ко врагамъ. Чистота жизни христіанъ въ это время была такова, что извѣстный учитель Церкви Оригенъ принципиально признавалъ излишнимъ опровергать нелѣпныя обвиненія, возводимыя на христіанъ, со стороны язычниковъ, въ виду того, что жизнь первыхъ христіанъ подобно жизни Христа, сама по себѣ служить краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ ложности обвиненій. „Господь и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ“, говорилъ Оригенъ въ своей апологіи противъ Цельса, „молчалъ, когда на Него лжесвидѣтельствовали и когда Его обвиняли, не отвѣчалъ ничего въ увѣренности, что Его жизнь и дѣла были сильнѣе всякаго словеснаго опроверженія лжесвидѣтельства и дѣйствительнѣй всякой рѣчи, которой онъ могъ бы защищаться отъ обвиненій. Такъ и мы можемъ быть увѣрены, что самымъ лучшимъ опроверженіемъ лжесвидѣтельства противъ насъ служить самая жизнь наша, ибо всякое дѣло говоритъ само за себя лучше всякихъ словесныхъ изъясненій“¹⁾. Язычники возводили на христіанъ такого рода обвиненія, которыя не только въ корнѣ отрицали любовь, какъ ссновное начало жизни, но превращали ихъ въ величайшихъ преступниковъ. Между тѣмъ апологеты, при защитѣ христіанъ, не только доказывали фактическую несостоятельность обвиненій въ преступленіяхъ, но и въ противоположность этому выставляли на видъ безконечное превосходство ихъ жизни предъ жизнью язычниковъ. На обвиненіе христіанъ въ безбожіи апологеты отвѣчали, что они могутъ быть названы безбожниками, но только въ отношеніи къ ложнымъ языческимъ богамъ, а никакъ не въ отношеніи къ истинному Богу, Которому они поклоняются духомъ и истиною²⁾. Они выставляли на видъ, что при готовности во всемъ подчиняться языческимъ властямъ они не могутъ ни въ чемъ измѣнить Богу. И подобно апостоламъ, замѣчали: „слѣдуетъ ли повиноваться людямъ болѣе, чѣмъ Богу, судите сами“. На обвиненіе христіанъ въ политическихъ преступленіяхъ апологеты отвѣчали указаніемъ на то-

1) Origenis ap. Contra Celsum. Praef. n. 2 Alzog. Handbuch de Patrologie Freiburg 1876 С. 139.

2) Іустинъ первая Апологія гл. 6.

что христіане исправнѣе всѣхъ платятъ установленныя подати и налоги, повинуются императору и хотя не называютъ его Богомъ, не воскуряютъ еиміама предъ его статуями, такъ какъ все это противно ихъ религіозному закону, зато *чтутъ въ царь власть, данную отъ Бога*, чтутъ въ немъ слугу Бога и возносятъ о немъ искреннія молитвы. Мы обязаны Его почитать, любить и за Него молиться, чтобы самимъ жить спокойно. Да если бы христіане имѣли какія вибудь враждебныя чувства противъ правительствъ и государей, то могли ли бы они съ такою безмолвною покорностью отдаваться въ руки мучителей? И къ какой войнѣ не были бы способны тѣ, которые съ такимъ безстрастіемъ идутъ на смерть? Причемъ христіане, при своей многочисленности, могли бы потрясти въ основаніи имперію однимъ удаленіемъ въ другія страны, безъ всякаго даже возстанія¹⁾. Удаленіе христіанъ отъ общественныхъ зрѣлищъ апологеты объясняли тѣмъ, что эти зрѣлища соединяются съ грубымъ идолопоклонствомъ и безнравственностью. При этомъ въ доказательство чистоты своей жизни апологеты раскрываютъ свое вѣроученіе, указывая на то, что это ученіе осуждаетъ не только преступное дѣйствіе, но и всякое порочное намѣреніе и помысленіе²⁾. Самымъ сильнымъ доказательствомъ чистоты жизни христіанъ апологеты представляютъ *отру въ Бога*: вездѣсущаго и всевѣдющаго, Который накажетъ ихъ за всякое преступленіе, если не въ этой жизни, то въ будущей. Такого рода свидѣтельства апологетовъ устраняютъ необходимость на основаніи фактовъ оправдывать жизнь христіанъ, насколько она служила выраженіемъ любви къ Богу и ближнимъ. Мы остановимся только на болѣе характерныхъ явленіяхъ этого періода съ указанною цѣлью. Частными явленіями въ жизни вѣрующихъ, отражавшими любовь къ Богу и ближнимъ въ періодъ гоненій, служили мученичество, аскетизмъ или подвижничество и благотворительность въ болѣе широкихъ и разнообразныхъ формахъ, сравнительно съ предшествовавшимъ временемъ.

¹⁾ Тертуліанъ, Апологетикъ гл. 30—33 и 36. Посланіе къ Скавуль гл. 2.

²⁾ Афинагоръ особенно сильно опровергаетъ обвиненія въ безнравственности (подъ видомъ Тіастыихъ пиршествъ и Эдипова преступленія). Прошеніе о христіанахъ (Legatio seu Supplicatio pro christianis) г. 3, 31—35.

1. *Мученичество* было самымъ прямымъ пламеннымъ выраженіемъ любви вѣрующихъ къ Господу, доходящей до пожертвованія ради Него своею жизнью. Мученичество прежде всего поражаетъ насъ съ естественной точки зрѣнія, какъ необыкновенное проявленіе воли въ перенесеніи тяжелыхъ страданій физическихъ, а также въ торжествѣ надъ личными привязанностями, надъ симпатіями къ близкимъ лицамъ (отцу, дѣтямъ и т. д.), при пожертвованіи собою ради Бога. Этотъ героизмъ только и можетъ быть понятенъ при представленіи о томъ, что христіане жертвовали собою для Бога по любви къ Нему. Каждый мученикъ, при совершеніи своего подвига, воодушевлялся примѣромъ Самого Господа, припоминая при этомъ знаменательное Его наставленіе, преподанное по отношенію къ предстоящимъ страданіямъ „*ученикъ не выше учителя и слуга не выше господина своего* (Матѳ. 10, 24. Іоан. 15, 20)^а. Прямое побужденіе къ мученичеству давали вразумительныя слова Господа: *кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдуетъ и гдѣ Я, тамъ слуга мой будетъ. Кто Мнѣ служитъ, того почититъ Отецъ Мой.* (Іоан. 12, 25—26). *Всякаго, кто исповѣдуетъ Меня предъ людьми, и Я исповѣдую предъ Отцемъ Моимъ небеснымъ* (Матѳ. 10, 32)¹). Такими возвышенными мотивами объясняется героизмъ мучениковъ, на который и указываютъ апологеты язычникамъ. „Какое прекрасное зрѣлище, когда христіанинъ борется со скорбью, когда онъ твердо стоитъ противъ угрозъ, пытокъ и казней, когда онъ смѣется надъ страхомъ смерти и не боится палача, когда онъ сохраняетъ свою свободу предъ царями и владыками и преклоняется только предъ Богомъ, которому принадлежитъ, когда онъ, какъ торжествующій побѣдитель, смѣется даже надъ тѣмъ, кто приговорилъ его на казнь! Предъ такими подвигами христіанъ должны меркнуть подвиги языческихъ ге-

1) Потому мученики, исповѣдавшіе свою вѣру и запечатлѣвшіе ее своею кровью, назывались свидѣтелями (мартыры) божественной религіи христіанской. Тѣ же, которые исповѣдывали вѣру съ опасностью для жизни въ темницѣ или съ утратой и средствъ, не подвергаясь смерти, назывались исповѣдниками (confessores), хотя оба выраженія въ самое раннее время употреблялись безразлично, такъ какъ и латинскій терминъ *служить* только буквальный переводомъ греческаго термина.

роевъ, потому что у христіанъ не только мужчины, но даже отроки и женщины, вооружившись терпѣніемъ въ страданіяхъ, презираютъ кресты, пытки звѣрей и всѣ ужасы казней. И вы не понимаете, несчастные, что никто не захотѣлъ бы безъ причины подвергать себя казни, никто не могъ бы безъ божественной помощи вынести такіа мученія ¹⁾. „Необходимая твердость, которую вы, язычники, ставите намъ въ упрекъ, можетъ служить“, говоритъ Тертуліанъ „для каждаго поученіемъ. Кто будучи свидѣтелемъ ея не тронется, не захочетъ вникнуть въ ея причину, а вникнувши не пожелалъ бы къ ней присоединиться“ ²⁾? Все это—громкія свидѣтельства божественнаго характера христіанства. Сонмъ мучениковъ и исповѣдниковъ, пострадавшихъ за вѣру въ періодъ самыхъ тяжелыхъ гоненій на христіанъ, непредѣльно великъ. Извѣстно, что въ катакомбахъ вблизи гробницы папы Сикста III и Цециліи, скончавшихся въ царствованіе Валеріана, покоится одновременно умершихъ до 4000 мучениковъ. По нѣкоторымъ мученическимъ актамъ, по распоряженію Максиміана Геркула истребленъ былъ цѣлый еивандскій легіонъ, отказавшійся истребить христіанъ въ ущельи Агацискомъ около Женевы, потому что и самъ состоялъ изъ христіанъ ³⁾. Лактанцій описываетъ гоненіе при Діоклетіанѣ въ такихъ словахъ: „если бы у меня была сотня устъ и желѣзный языкъ, то и тогда я не могъ бы исчислить всѣ роды золь, не могъ бы хотя поименовать всѣ наказанія ⁴⁾“, т. е. Лактанцію казалось, что цѣлыхъ томовъ книгъ недостаточно для описанія мученій христіанъ. По словамъ Евсевія, мечи притуплялись и ломались, при со-

1) Минуцій Фелпксъ, Октавій гл. 37.

2) Тертуліанъ, Апологетикъ г. 50.

3) Alzog, Handbuch der Allgem. Kirchengeschichte. Mainz 1882—184. *Забыль*, Римскія катакомбы, Слб. 1908, стр. 100.

4) По выводамъ современныхъ ученыхъ число мучениковъ, пострадавшихъ за вѣру, невозможно перечислить. По мученическимъ актамъ это число простиралось до нѣсколькихъ милліоновъ, по строгіе критики, относясь съ недоверіемъ къ этимъ актамъ, не всегда справедливымъ, число ихъ доводятъ до нѣсколькихъ тысячъ. (Dolwell). Англійскій ученый Ньюманъ выразительно указываетъ на то, что въ Римѣ подземныя галереи, въ которыхъ христіане погребали своихъ умершихъ, вѣроятно содержали въ себѣ отъ 7 до 8 милліоновъ гробовъ. (Фарраръ. Жизнь отцовъ Церкви I. 46 с.).

вершеніи казней. Палачи изнемогали отъ чрезмѣрныхъ напряженій при выполненіи своего дѣла, а между тѣмъ христіане единогласно пѣли хвалебную и благодарственную пѣснь Богу ¹⁾. Язычники, особенно въ лицѣ стойковъ и эпикурейцевъ, готовы были обвинять христіанъ въ смѣшномъ фанатизмѣ или въ мечтательствѣ. Но мученичество не имѣло ничего общаго съ фанатизмомъ или безразсуднымъ мечтательствомъ, какъ можно заключить по слѣдующимъ особенностямъ, которыя проявлялись въ отношеніи ихъ къ священному героическому подвигу.

а) Истинные христіане, которые готовы были пострадать за вѣру, по возможности уклонялись отъ преслѣдованій со стороны язычниковъ, насколько это уклоненіе не соединялось съ какими-нибудь недостойными средствами въ родѣ обмана, покупки свидѣтельствъ о мнимомъ отреченіи отъ вѣры и т. д. Такъ поступали св. Поликарпъ Смирнскій, св. Кипріанъ Карфагенскій и др.

б) Когда представлялась необходимость пострадать, мученики находились въ кроткомъ молитвенномъ настроеніи, не проклиная своихъ враговъ, а молясь за нихъ и, подобно первомученнику Стефану, благоговѣнно отдавали себя Богу. Случалось, что предъ казнію мученики дѣлали какія нибудь распоряженія въ пользу своихъ враговъ. Такъ св. Кипріанъ распорядился отдать свои 25 червонцевъ тому палачу, который совершалъ надъ нимъ казнь.

в) Заслуживаетъ вниманія, что и вообще христіане, не смотря на частыя потери своихъ дорогихъ и собратьевъ подвижниковъ по вѣрѣ, въ лицѣ мучениковъ, не считали возможнымъ выражать какихъ нибудь протестовъ противъ тяжелой несправедливости къ нимъ правительства. При самыхъ тяжелыхъ страданіяхъ христіанъ мы никогда не слышимъ выраженія мщенія или гнѣва, не слышимъ никакихъ проклятій, или злословій. Ничего подобнаго не встрѣчалось и въ надписяхъ катакомбъ. Только одинъ вздохъ читаемъ мы въ катакомбахъ Калликста: „о жалкія времена, когда мы даже въ пещерахъ не можемъ избѣгнуть нашихъ враговъ“!

Христіане высоко цѣнили названія мучениковъ, какъ *героевъ вѣры*, проявившихъ самоотверженную любовь къ Гос-

¹⁾ *Lactantius de mortibus persecutorum.* Стр. 16. Русевій, Истор. Церкви. VIII, 9.

поду, почему и рано стали особенно чувствовать ихъ память. Такъ христіане II в., бывшіе непосредственными свидѣтелями страдальческой кончины св. Игнатія Богоносца, по ихъ собственнымъ словамъ, возвратившись со слезами домой, имѣли всеобщее бдѣніе и много просили съ колѣнопреклоненіемъ и моленіемъ Господа тѣмъ, что произошло, укрѣпить ихъ. Воспѣвая Бога, подателя благъ, они ублажали святого, и замѣчали день и часъ, чтобы, собираясь во время его мученичества, имѣть общеніе съ подвижникомъ и доблестнымъ мученикомъ Христовымъ. Извѣстно также, что церковь Смирнская извѣщала о кончинѣ св. Поликарпа въ своемъ окружномъ посланіи другихъ христіанъ такъ: „Мы собрали его кости—сокровище, драгоценнѣе дорогихъ камней и чище золота и положили ихъ, гдѣ слѣдовало. Туда, какъ только можно будетъ, мы будемъ собираться съ веселіемъ и радостью и Господь соизволитъ намъ праздновать день его мученическаго рожденія какъ въ память уже совершившихъ свой подвигъ, такъ въ поученіе и утвержденіе будущихъ подвижниковъ ¹⁾. Необыкновенно важное историческое значеніе мученичества выразилось въ томъ, что оно, какъ поразительное героическое проявленіе самоотверженной преданности Господу, *служило самую краснорѣчивую апологію христіанства*, убѣждая фактически въ истинности и божественности его. А потому оно тѣмъ болѣе располагало язычниковъ и іудеевъ къ принятію новой вѣры. Припомнимъ, какъ одинъ изъ языческихъ воиновъ Василидъ, присутствовавшій при мучительной казни Потаміены, подъ вліяніемъ ея подвига, самъ объявилъ себя за христіанина и пострадалъ по ея примѣру. Случалось иногда, даже и цѣлые отряды такихъ воиновъ, присутствовавшихъ при казни мучениковъ склонялись къ христіанству. Поэтому глубоко справедливы слова Тертуліана: „кровь мучениковъ—сѣмя христіанства“ ²⁾. Неудивительно, если этотъ героическій духъ мучениковъ, составлявшихъ одну изъ самыхъ свѣтлыхъ особенностей періода гоненій, вдохновлялъ нѣкоторыхъ гені-

¹⁾ *Евссойі*, Церковная Исторія, кн. IV, гл. 15.

²⁾ *Sanguis martyrum semen Christianorum, plures efficimur, quoties metimur a vobis. (Apologeticum c 50).*

альныхъ поэтовъ и художниковъ къ воспроизведенію идеальныхъ подвиговъ въ поэтическихъ и художественныхъ произведеніяхъ. Möller, съ особенною ревностію занимавшійся изученіемъ исторіи христіанскаго мученичества, говоритъ о значеніи этого подвига такъ. „Если бы мы оказались настолько неблагодарными, что забыли о тѣхъ, которые мужественно ратоборствовали за Христа, то мы и сами заслужили бы того, чтобы насъ забылъ Христосъ Искупитель. При изученіи исторіи мучениковъ, я, по крайней мѣрѣ, научился понимать ихъ. Часто со слезами читая о подвигахъ мучениковъ, я цѣпенѣлъ отъ ужаса, переживая ихъ страданія, удивлялся ихъ подвигамъ и поражался ихъ священнымъ величіемъ“ ¹⁾.

2. Другимъ важнымъ явленіемъ въ религіозно-нравственной жизни христіанъ этого періода служилъ *аскетизмъ*, или подвижничество. Нѣкоторые христіане не ограничивались выполненіемъ общеобязательныхъ подвиговъ, въ силу стремленія къ высшему идеальному совершенству, подъ вліяніемъ той же любви къ Богу не по внѣшнимъ побужденіямъ, а вполне добровольно, посвящали себя выполненію особыхъ обѣтовъ—нищеты, цѣломудрія и воздержанія. Христіанскіе аскеты этого времени не выходили изъ среды общества мірянъ, но одинакого, живя въ мірѣ, они проявляли величайшее самообладаніе въ подавленіи въ себѣ плотскихъ чувственныхъ склонностей, а вмѣстѣ доходили до особаго самоотреченія, отказываясь даже отъ пользованія такого рода земными благами, которыя сами по себѣ не были предосудительными и законными (какъ пользованіе личною собственностью, вступленіе въ бракъ, употребленіе разнообразной пищи). Въ этомъ отношеніи въ смыслѣ добровольнаго выполненія особыхъ высокихъ подвиговъ для возвышенія человѣческой природы аскетизмъ до полной противоположности отличалъ христіанъ отъ язычниковъ, насколько послѣдніе отдавались грубой чувственности. Поэтому христіанскіе апологеты, выставя язычникамъ извѣстныя стороны христіанства, съ особымъ удовольствіемъ, наравнѣ съ мучениками и исповѣдниками, указываютъ на подвижниковъ, про-

¹⁾ Alzog, Handbuch der Allgemeinen Kirchengeschichte III Aufl, I. Band Mainz 1882—198.

являвшихъ въ своей жизни особую чистоту. Такъ св. Іустинъ въ первой апологіи съ особымъ удовольствіемъ выставляетъ предъ язычниками то, что онъ можетъ указать многихъ между христіанами старцевъ и старицъ, которые всю жизнь прожили, пребывая въ дѣвственности; онъ желаетъ какъ можно большаго распространенія дѣломудрія между христіанами, указывая на примѣръ Христа ¹⁾... Другой апологетъ Аѳинагоръ свидѣтельствуеть, что въ средѣ христіанъ можно найти многихъ, которые состарились, оставаясь безбрачными, въ надеждѣ, что они тѣснѣе соединятся съ Богомъ ²⁾. По словамъ Тертуліана, нѣкоторые сохраняютъ дѣвство до могилы и умираютъ старцами по возрасту, дѣтми по чистотѣ ³⁾. Но этотъ христіанскій аскетизмъ не имѣлъ ничего общаго съ обязательнымъ аскетизмомъ еретическимъ, основаннымъ на дуалистическомъ взглядѣ на тѣло, какъ на темницу духа, или съ буддѣйскимъ, исходящимъ изъ отрицанія самого личнаго существованія въ мірѣ, какъ зла. Церковь осуждала тѣхъ, которые отрицали собственность, не допускали законности брака, какъ таинства и настаивали на обязательности безбрачія. Противъ такого суроваго обязательнаго аскетизма высказывались правила и постановленія апостольскія. Такое еретическое ученіе было осуждено на Гангрскомъ соборѣ въ 340—376 г. Заслуживаетъ вниманія, что когда одинъ изъ мучениковъ, заключенныхъ въ тюрьму, нѣкто Алкивіадъ, сталъ вести такую строгую жизнь, что своимъ чрезмѣрнымъ постомъ до крайности истощилъ себя, то другой исповѣдникъ Апиналь, находящійся также въ темницѣ, объявилъ, въ силу полученнаго откровенія, что Алкивіадъ поступаетъ нехорошо, не употребляя въ пищу тварей Божіихъ. Алкивіадъ повиновался, сталъ употреблять необходимую пищу и благодарилъ Бога ⁴⁾.

Древніе христіане и въ этотъ періодъ, какъ раньше, при всемъ своемъ стремленіи къ совершенству, *не уклонялись отъ разнообразной общественной дѣятельности*, насколько она была согласна съ основными религіозно-нравственными началами.

¹⁾ Св. Іустинъ, Аполог. I гл. 15 и 29.

²⁾ Аѳинагоръ. Проповіе за христіанъ, гл. 33—34.

³⁾ Тертуліанъ, Апологетикъ гл. 9. ⁴⁾ Церковная исторія Евсевія V, 8.

Тертуліанъ, при всемъ своемъ сочувствіи христіанскому аскетизму, указываетъ язычникамъ на то, что христіане принимаютъ участіе въ обществѣ, а также пользуются и наслаждаются благами земными. „Вѣдь мы не брамнины и не индійскіе гимнософисты, не лѣсные люди, не отрeksiеся отъ жизни. Мы вполнѣ памятуемъ о благодарности, которою мы обязаны нашему Господу Богу и не пренебрегаемъ пользоваться Его дѣлами. Наслажденія ими мы умѣряемъ лишь настолько, что избѣгаемъ чрезмѣрности и злоупотребленія. Поэтому мы живемъ вмѣстѣ съ вами въ этомъ мірѣ не безъ рынка, бань, гостинницы, мастерскихъ, базаровъ и всякихъ видовъ сщещитія. Вмѣстѣ съ вами мы занимаемся также мореплаваніемъ, земледѣліемъ, торговлей, мы принимаемъ участіе въ вашихъ ремеслахъ, своимъ трудомъ мы служимъ на пользу общественнаго блага“¹⁾. Насколько древніе христіане, даже при строгомъ аскетизмѣ, могли успѣшно и, притомъ въ высокомъ идеальномъ направленіи, выполнять общественную дѣятельность, объ этомъ мы можемъ заключить по подвигамъ Оригена († 254), одного изъ гениальныхъ представителей своего времени. Было время, когда онъ испытывалъ такую нищету, что принужденъ былъ продать свою небольшую бібліотеку, состоящую изъ классическихъ книгъ и получая отъ вырученной суммы ежедневный доходъ въ 4 обола или около 15 коп., на этотъ небольшой капиталъ жилъ въ теченіе многихъ лѣтъ. При выполненіи своихъ сложныхъ обязанностей учительскихъ по должности катехета въ александрійской школѣ, при своихъ необыкновенно усидчивыхъ научно-богословскихъ занятіяхъ, Оригенъ велъ жизнь строгаго аскета: не отвѣдывалъ никакого вина, спалъ на голомъ полу, постоянно постился, долго не носилъ никакой обуви и не имѣлъ даже двухъ плащей. Оригенъ принималъ необыкновенно широкое участіе въ разныхъ общецерковныхъ дѣлахъ, путешествуя, подобно Ап. Павлу по различнымъ отдаленнымъ страпамъ Палестины, Сиріи, Малой Азіи, Греціи, Италиіи и Аравіи для рѣшенія различныхъ церковно-богословскихъ вопросовъ, волновавшихъ его время²⁾. Оригенъ при этомъ на-

1) Тертуліанъ, Апологетикъ гл. 42.

2) *Евсевій*, Исторія Церкви VI, 21.

ходилъ возможность часто являться на площади Александріи для ободренія мучениковъ, осуждаемыхъ на казнь съ врученіемъ имъ пальмовыхъ вѣгвей. Въ силу этого, онъ и самъ временно посаженъ былъ въ темницу и даже подвергся мучительнымъ пыткамъ за вѣру, такъ что получилъ право называться исповѣдникомъ ¹⁾. Главныя же его заслуги состояли въ необыкновенно содержательныхъ научно-богословскихъ трудахъ, которымъ часто посвящалъ время по ночамъ. Этими трудами Оригенъ создалъ себѣ справедливую славу. Особенно важна идеальная педагогическая дѣятельность Оригена, о которой восторженно отозвался одинъ изъ его учениковъ св. Григорій Чудотворецъ. Подъ руководствомъ Оригена, Григорій Чудотворецъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ получилъ широкое научно-богословское образованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ его вліяніемъ, былъ въ такой степени воспитанъ въ религіозно-нравственномъ направленіи, что, по собственнымъ словамъ, „въ немъ, подобно молніевосной искрѣ, воспламенилась любовь къ святѣйшему изъ всѣхъ предметовъ Логосу, который всѣхъ привлекаетъ своею безпредѣльной красотой“. Когда пришлось Григорію Чудотворцу разставаться съ любимымъ учителемъ, то ему казалось, что онъ находится въ положеніи Адама, изгнаннаго изъ рая. Свои чувства признательности къ идеальному учителю и воспитателю Григорій Чудотворецъ высказалъ съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ въ извѣстной прощальной рѣчи, произнесенной при разставаніи съ нимъ ²⁾. Независимо отъ указанныхъ идеальныхъ подвиговъ мученичества и аскетизма, которыми заявили себя выдающіеся христіане въ это время,

¹⁾ *Евсепій*, VII, 1.

²⁾ *Фарраръ*, Жизнь и труды святыхъ отцевъ и учителей церкви. 1, 588. Изд. Лопухина. Петербургъ 1902. Прекрасную картину широкой и разнообразной пастырской мисіонерской дѣятельности св. Григорія Чудотворца представляетъ его панегирикъ.—Григорій проповѣдывалъ, спрашивалъ, утѣщалъ, наставлялъ и исцѣлялъ. Такимъ путемъ и знаками божественной силы, проявлявшейся въ немъ, онъ привлекалъ толпы къ проповѣди Евангелія. Печальный былъ утѣшаемъ, юноша былъ научаемъ трезвости, старцу преподавался надлежащій соупѣтъ. Рабы были утѣщаемы къ должному исполненію обязанностей по отношенію къ своимъ господамъ, люди властные—быть добрыми къ своимъ подчиненнымъ. Бѣдные были научаемы, что добродѣтель есть единственное богатство и богатые—что они только управители богатства, а не его собственники. Тамъ же стр. 598.

продолжала широко развиваться христіанская *благотворительность*.

3. Духъ братской любви, проявившейся въ Церкви уже въ апостольскомъ вѣкѣ, поддерживался и развивался въ ней въ послѣдующее время. Такое развитіе братской взаимной любви въ христіанскомъ обществѣ особенно рельефно проявилось въ періодъ гоненій со стороны язычниковъ, въ силу которыхъ христіане были побуждаемы обнаружить какъ твердость вѣры во Христа, такъ и преданность другъ къ другу, когда извѣстные члены Церкви подвергались различнымъ преслѣдованіямъ, страданіямъ и мученической смерти. Эта братская любовь выражалась въ единствѣ интересовъ между христіанами, какъ членами одной семьи, во взаимной помощи, оказываемой другъ другу въ различныхъ случаяхъ и даже въ готовности пострадать другъ за друга. По всѣмъ этимъ особенностямъ христіане составляли полную противоположность язычникамъ, эгоистическіе интересы которыхъ обнаруживались сильнѣе съ упадкомъ имперіи и возбуждали къ себѣ потому непритворное удивленіе. „Смотрите, говорили язычники о христіанахъ, какъ они любятъ другъ друга, какъ они считаются между собою братьями и сестрами и готовы умереть другъ за друга“. „Дѣйствительно“, отвѣчали имъ, „вамъ есть чему удивляться въ этой братской любви, вамъ, которые умѣютъ только другъ друга ненавидѣть и покушаться на жизнь другъ друга. Наше братство васъ изумляетъ потому, что у насъ нѣтъ мѣста никакой кровавой трагедіи и потому, что мы смотримъ другъ на друга, какъ на братьевъ, по общности у насъ тѣхъ самыхъ интересовъ, изъ-за которыхъ у васъ такъ часто разрываются связи братской любви“ ¹⁾.

Особыя обстоятельства, при которыхъ христіанская Церковь находилась во II в., давали самое широкое поприще для практическаго осуществленія любви къ ближнимъ и особенно для попечительности о бѣдныхъ и больныхъ людяхъ. Христіанство распространилось такъ быстро, что къ концу II в. охватывало уже всю Римскую имперію (Тертул.). Вмѣстѣ съ этимъ естественно увеличивалось въ Церкви число бѣдныхъ людей,

¹⁾ Тертуліанъ. Аполог. 37—39.

нуждавшихся въ помощи, особенно, если принять во вниманіе, что евангельскія истины были необыкновенно отрадны для низшаго класса, отрадны для рабовъ, женщинъ и дѣтей, угнетенныхъ въ языческомъ мірѣ. Гоненія, начавшіяся въ концѣ I в. и имѣвшія болѣе или менѣе частный характеръ, со второго вѣка необыкновенно стали усиливаться и сдѣлались въ царствованіе Марка Аврелія (161—180) вполне систематичными и кровавыми. Число мучениковъ христіанскихъ, безстрашно претерпѣвшихъ страданія и смерть, возрастало, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастало и число осиротѣлыхъ семействъ, лишившихся нерѣдко въ лицѣ мучениковъ своихъ отцовъ; увеличивалось число исповѣдниковъ, лишившихся за вѣру, послѣ истязаній, глазъ, рукъ, ногъ и дѣлавшихся потому часто совершенно неспособными къ поддержанію своего существованія собственными трудами. Сколько, значитъ, должно было представляться для Церкви заботъ, чтобы облегчить и поддержать своею помощію то необыкновенно большое число бѣдныхъ людей, которые, въ силу особыхъ обстоятельствъ, появились въ ней? Но матеріальные интересы сами по себѣ никогда не были дороги для Церкви въ виду иныхъ интересовъ болѣе важныхъ. Чѣмъ большія возрастали въ Церкви бѣдствія и нужды, тѣмъ большіе проявлялись въ ней и соотвѣтствующіе этимъ бѣдствіямъ героическіе, высоко-правственные подвиги. „Между нами“, говоритъ Тертуліанъ, „одно сокровище: оно слагается изъ добровольныхъ взносовъ на дѣла благочестія; ибо ничего мы не расходуемъ ни для пиршествъ, ни для напитковъ, ни для отвратительнаго разгула; но пользуемся тѣмъ, что имѣемъ только для того, чтобы помогать бѣднымъ, хоронить умершихъ; для осиротѣлыхъ дѣтей, лишенныхъ своихъ родителей и всякихъ средствъ, для престарѣлыхъ слугъ, для потерпѣвшихъ крушеніе моряковъ, для сосланныхъ въ рудники, заключенныхъ въ темницы, только не за преступленія, а за вѣру, которой они питомцы“¹⁾. Вотъ какіе разнообразныя и благотворныя подвиги совершались въ Церкви въ періодъ гоненій, воздвигнутыхъ на нее со стороны язычниковъ! Представленное свидѣтельство Тертуліана не можетъ возбуждать недовѣрія,

¹⁾ Тертуліанъ, Апологетикъ гл. 39.

потому что ово подтверждается не только современными ему апологетами (Минуциемъ-Феликсомъ, Іустиномъ и др.), но даже и языческими писателями, къ числу которыхъ принадлежалъ эпикуреецъ Лукіанъ, давшій, противъ воли, самую лучшую похвалу широкой благотворительности „простаковъ“ христіанъ въ своемъ сатирическомъ романѣ „о смерти Перегринна“. Свидѣтельства эти даютъ намъ полную возможность познакомиться съ тѣми разнообразными формами благотворительности, которыя практиковались Церковью въ періодъ гоненій по отношенію ко всѣмъ людямъ, нуждающимся въ матеріальной и нравственной помощи.

Естественно, что къ числу лицъ, вызывавшихъ поборительственное отношеніе къ себѣ Церкви со II в. прежде всего принадлежали *исповѣдники вѣры*, которые за свою твердость въ вѣрѣ лишались имущества, подвергались изгнанію или заточенію. Особенно настойчиво внушается христіанамъ эта обязанность въ Апостольскихъ Постановленіяхъ. „Если кто-либо изъ христіанъ ради имени Христова, ради вѣры и любви къ Богу будетъ осужденъ на зрѣлищную борьбу, или брошенъ звѣрямъ, или сосланъ въ рудники, то вы не должны забывать о немъ, но отъ вашего труда и отъ вашего пота посылайте ему, чтобы онъ могъ жить и платить воннамъ и тѣмъ облегчить его участь и заботиться о немъ. Ибо кто осуждается ради имени Божія, тотъ есть братъ Господа, сынъ Всевышняго, сосудъ Св. Духа. Посему всѣ вы, вѣрующіе, помогайте святымъ чрезъ вашего епископа отъ вашихъ имѣній. Если кто ничего не имѣетъ, тотъ пусть постится и отдаетъ свое дневное содержаніе въ пользу святыхъ. А если кто имѣетъ избытокъ, тотъ давай больше, по мѣрѣ своей возможности. Даже, если кто чрезъ отдачу всего своего имущества можетъ освободить такихъ изъ темницы, тотъ будетъ блаженъ и сдѣлается другомъ Христа. Ибо если уже совершенъ тотъ, кто отдаетъ свои имѣнія бѣднымъ, то насколько болѣе совершеннымъ будетъ тотъ, кто все отдаетъ ради мучениковъ“¹⁾. Затѣмъ христіанамъ дѣлается наставленіе посѣщать узниковъ и не уклоняться отъ этого вслѣдствіе стыда или опасенія самимъ под-

¹⁾ Постановленія Апост. IV, 9. V, 1.

вергнуться мученію. Историческая дѣйствительность свидѣтельствуешь, что ревность христіанъ въ посѣщеніи исповѣдниковъ была необыкновенна. Лишь только распространялся слухъ о томъ, что кто-нибудь изъ среды вѣрующихъ былъ подвергнутъ темничному заключенію, тотчасъ спѣшили къ страдальцу въ темницу лица разныхъ половъ и возрастовъ. Не вдругъ и не всегда, конечно, получался доступъ въ темницу, но тѣмъ не менѣе онъ былъ возможенъ: часто за деньги, давая стражѣ, христіане навѣщали узника; утѣшали и поддерживали его въ трудныя минуты предъ страданіями; лобызали и обливали слезами цѣпи, которыми онъ былъ окованъ, и „цѣпи эти служили украшеніемъ, какъ алмазъ для супруга, запахъ отъ нихъ былъ пріятный“ (актъ о Ліонскихъ мученикахъ въ исторіи Евсевія); прислуживали и доставляли ему все необходимое. Сколько такихъ услугъ было оказано христіанскимъ исповѣдникамъ и мученикамъ Оригеномъ, пользовавшимся уваженіемъ со стороны язычниковъ! Высокіе и благородныя примѣры такого попеченія о страдальцахъ за вѣру сообщаются также въ посланіи ліонскихъ и віенскихъ христіанъ ¹⁾. Когда Перегринъ, по словамъ Лукіана, былъ заключенъ въ темницу, то депутаты церквей азійскихъ были посланы къ нему для утѣшенія и съ денежною помощью (сочиненіе о „смерти Перегринѣ“). Св. Кипріанъ, находясь самъ въ изгнаніи за исповѣданіе вѣры, убѣждалъ свой клиръ не щадить ничего для исповѣдниковъ, заключенныхъ въ темницу, и вспомошествовать бѣднымъ, которые, пребывая твердыми въ вѣрѣ, были гонимы за имя Христова ²⁾. Въ письмѣ св. Діонисія Коринесскаго высочайшая похвала привосится жителямъ Рима за то, что они заботились о христіанахъ, сосланныхъ въ рудники ³⁾. Въ другихъ церквахъ также не оставались безучастными къ этому дѣлу. Лучшіи примѣры въ этомъ отношеніи представляли жители Африки, которые, по словамъ Тертулліана, не только утѣшали осужденныхъ въ ссылку, на работу въ рудникахъ, но еще облегчали ихъ значительными

¹⁾ Евсевій, Ист. ц. V, 2.

²⁾ Кипр. Письма 37, 76—79.

³⁾ Евсевій, Церк. Исторія IV, 23.

суммами денегъ. Сохранилось трогательное письмо ссыльныхъ въ рудники христіанъ на имя св. Кипріяна, въ которомъ они выражали глубочайшую признательность за оказанную имъ денежную помощь и это попеченіе объ исповѣдникахъ вѣры непрерывно продолжается до конца гоненій.

Но заботы объ исповѣдникахъ вѣры и мученикахъ были бы далеко не полны, если бы христіане не старались обезпечить *сиротъ* и *вдовъ*, лишившихся во время гоненій отцовъ и мужей, которые могли ихъ содержать, воспитывать и защищать. „Нужно было, чтобы христіане, остааясь совершенно спокойными на счетъ оставленнаго ими семейства, могли мужественно принять смерть за истину и справедливость“¹⁾. Лучшее доказательство такихъ заботъ о семействахъ христіанскихъ мучениковъ мы имѣемъ въ актахъ св. Перепетуи и Фелицитаты, пострадавшихъ въ царствованіе Септимія Севера въ III в.. Знаменитый учитель церкви, Оригенъ, по смерти своего отца и конфискаціи имущества, жилъ въ домѣ одной жепщины христіанки, заботившейся о его воспитаніи. И есть основаніе заключать о томъ, что Оригенъ пользовался уже сочувствіемъ и уваженіемъ со стороны жителей Александріи, какъ сынъ мученика, прежде чѣмъ пріобрѣлъ общую извѣстность своею необыкновенною ученостью. Аскетъ Селевкъ, прежде чѣмъ запечатлѣлъ собственную вѣру мученичествомъ, всецѣло посвятилъ себя заботамъ о вдовахъ и сиротахъ исповѣдниковъ и служилъ имъ покровителемъ и отцомъ. Изъ Апостольскихъ Постановленій можно заключить, что уже во второмъ вѣкѣ были вдови дома, въ которыхъ вдовы жили вмѣстѣ и какъ бы составляли свою корпорацію, отличную отъ остальныхъ членовъ церкви. Въ эти дома принимались только 60-лѣтнія женщины, бывшія только однажды замужемъ и притомъ имѣвшія даже о себѣ свидѣтельство. Вдовамъ было запрещено праздно бродить по общинѣ и это запрещеніе обосновывалось на томъ, что онѣ составляли *жертвенникъ Божій*, онѣ не должны быть болтливы, не должны выпрашивать подаванія, но ожидать пока имъ подадутъ и затѣмъ молиться за подателя и за всю церковь. Такого рода молитва считалась глав-

1) Lactantius, Divinarum institutionum ibid. VI, 20.

ной ихъ задачей ¹⁾. По отношенію къ сиротамъ въ Апостольскихъ Постановленіяхъ дѣлаются побужденія состоятельнымъ брать ихъ на воспитаніе. „Если какой-нибудь христіанинъ, мальчикъ ли, или дѣвочка останется сиротою, то хорошо, если кто нибудь изъ братьевъ, не имѣющихъ дѣтей, приметъ ихъ и будетъ содержать, вмѣсто своего ребенка. Поступающіе такъ совершаютъ великое дѣло, когда они становятся отцами для сиротъ и отъ Бога получаютъ свою награду за доброе дѣло“ ²⁾.

Наконѣцъ, всѣ лица, находившіяся въ безпомощномъ состояніи по различнымъ случайнымъ обстоятельствамъ, пользовались благотворительностью церкви, старавшейся по чувству христіанскаго милосердія облегчить ихъ положеніе: сюда принадлежали *престарѣлые люди, больные и вообще бѣдныя*. Церковь въ періодъ гоневій еще не имѣла возможности предпринять болѣе или менѣе радикальныхъ мѣръ къ тому, чтобы облегчать положеніе стариковъ и больныхъ посредствомъ устройства госпиталей, больницъ и другихъ подобныхъ учрежденій, на что нужны были не только большія средства, но и дозволеніе правительства. Но она и въ этотъ бѣдственный періодъ времени могла на свои средства содержать большое число безпомощныхъ людей. Когда Римскій префектъ потребовалъ отъ св. діакона Лаврентія выдать ему сокровища церкви (въ III в.), то послѣдній собралъ толпу старцевъ, слѣпыхъ, сиротъ и вдовъ, взятыхъ со всѣхъ частей города и, представляя ихъ языческому начальнику, замѣтилъ: „вотъ наши сокровища“! И такихъ сокровищъ въ Римской церкви насчитывалось до 1500 ч. ³⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ церковь, въ лицѣ своихъ представителей, пользовалась различными обстоятельствами, чтобы оказывать неспособнымъ къ труду, старымъ и больнымъ людямъ частную, болѣе или менѣе, значительную помощь. Известно, какъ поступилъ св. Кипріанъ Карфагенскій съ однимъ старикомъ, который по необходимости для поддержанія своего существованія взялся даже за ремесло фигляра (совершенно недозволительное въ тогдашнее время): св. Кипріанъ предложилъ содержать его на свои средства въ томъ случаѣ,

¹⁾ Постановленія Ап. III, 5. Ульгорнъ. 174 с.

²⁾ Постан. Апост. IV, I.

³⁾ Евс. Цер. II, VI, 43.

если не окажется достаточныхъ для того средствъ въ Церкви¹⁾. „Для больного“, говорится въ правилахъ Ипполита, весьма важно, если онъ посѣщается важнѣйшими изъ пресвитеровъ церкви. Нерѣдко онъ оправяется отъ болѣзни, если приходитъ къ нему епископъ и особенно когда помолится о немъ²⁾. Много есть данныхъ въ церковной письменности (преимущественно апологетической), относящейся къ рассматриваемому періоду, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ внимательно, терпѣливо и самоотверженно заботились христіане о больныхъ людяхъ, которымъ они оказывали матеріальную и нравственную помощь, ободряя и подкрѣпляя ихъ своими совѣтами, увѣщаніями, наставленіями. Но какіе другіе героическіе самоотверженные поступки могутъ сравниться съ подвигами александрійскихъ христіанъ, которые во время моровой язвы подвергали жизнь свою опасностямъ, ухаживали за людьми, зараженными эпидемическою болѣзнію? „Они, по словамъ св. Діонисія Александрійскаго³⁾, движимые пламенною любовью и забывая всякую заботу о самихъ себѣ, день и ночь посѣщали больныхъ и ходили за ними по любви ко Христу. Держа въ своихъ рукахъ святыхъ, только что испустившихъ послѣднее дыханіе, закрывали имъ глаза, поднимали ихъ на своихъ плечахъ, омывали ихъ, одѣвали въ савапъ, пока наконецъ, пораженные болѣзнію, въ свою очередь, сами получали отъ переживавшихъ ихъ ту же услугу“. Такая самоотверженная дѣятельность христіанъ тѣмъ удивительнѣе, что она представляла полный контрастъ съ поведеніемъ язычниковъ, которые тогда же съ крайнимъ безчеловѣчіемъ покидали своихъ самыхъ близкихъ друзей, бросали на площади несчастныхъ, испускавшихъ послѣднее дыханіе, отдавали ихъ трупы на съѣденіе собакамъ и тѣмъ естественно усиливали заразу. Что можетъ быть возвышеннѣе, самоотверженнѣе дѣятельности кареагенскихъ христіанъ, которые во время эпидеміи ухаживали не только за своими единовѣрцами, но и за язычниками, чѣмъ дѣйствительно способствовали уничтоженію заразы?

¹⁾ Евсевій Церковная Исторія VII, 22.

²⁾ Кирианъ, пис. 2.

³⁾ Сав. 24. Ульгоризъ, 176.

Благотворительность христіанъ въ періодъ гоненій такъ же, какъ и въ первомъ вѣкѣ, не ограничивалась мѣстными пространственными предѣлами, сословными или племенными особенностями, но простиралась на всѣхъ членовъ Церкви и даже на язычниковъ. Въ этомъ отношеніи на широтѣ объема христіанской благотворительности продолжало сказываться то всемірное, универсальное значеніе христіанства, которое составляло его существенное отличіе отъ другихъ религій. Не смотря на то, что единая Церковь раздѣлялась въ пространственномъ отношеніи на округа или помѣстные церкви, жившія отдѣльною самостоятельною жизнью, между ними поддерживалось постоянное единеніе различными средствами и въ числѣ этихъ средствъ занимало значительное мѣсто вспомоствованіе *странникамъ* христіанъ, которые по различнымъ причинамъ переходили изъ одной мѣстности въ другую. Христіане помнили и свято соблюдали наставленіе Апостольское о принятіи *странныхъ* (I Тим. 5, 9). Слѣдуя примѣру самого Іисуса Христа, умывшаго ноги своимъ ученикамъ (Іоан. 5), христіане первыхъ вѣковъ буквально исполняли такой обычай съ благородствомъ, соответствующимъ христіанской скромности. И мы видимъ изъ сочиненій апологетовъ, что отношеніе христіанъ къ *странникамъ* было вполне согласно съ началами евангельскими. Значительная часть милостыни, жертвуемой на Церковь, употреблялась, по словамъ св. Іустина, въ пользу *странниковъ* ¹⁾. И Тертуліанъ въ книгѣ, написанной къ своей женѣ, стараясь дать ей понятъ, насколько бракъ христіанскій несовмѣстимъ съ обязанностями христіанскими, пишетъ: „какой язычникъ позволить своей женѣ ходить по неизвѣстнымъ дорогамъ, входить въ бѣднѣйшія хижины подниматься ночью, чтобы носить воду для омовенія ногъ святыхъ и позволить ей дать гостепріимство христіанскому путешественнику въ своемъ домѣ“ ²⁾. Діонисій Коринтскій вмѣнялъ въ особенную заслугу римскимъ христіанамъ то что они привыкли осыпать всѣхъ братьевъ своими благодѣяніями и оказывать помощь въ нуждахъ всѣмъ церквамъ, гдѣ бы онѣ ни находились ³⁾.

¹⁾ Апол. I, 67.

²⁾ Тертуліанъ къ женѣ 11, 4.

³⁾ Ис. Церк. Ист. IV, 23. Издревле водятся у насъ обычай оказывать всѣмъ

Лучшимъ свидѣтельствомъ того, что въ дѣлахъ благотворительности совершенно забывалось христіанами первыхъ вѣковъ сословное различіе, служатъ мѣры, предпринимаемыя для улучшенія положенія *рабовъ*. Хотя Церковь не уничтожала, да и не могла уничтожить рабства юридически на практикѣ, но она уничтожала рабство нравственно, уравнивая въ религіозномъ отношеніи рабовъ съ господами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣйствуя послѣдовательно, Церковь, слѣдуя гуманнымъ христіанскимъ началамъ религіи, не щадила своихъ матеріальныхъ средствъ, чтобы законнымъ путемъ предоставлять рабамъ свободу и устраивать ихъ дальнѣйшее благосостояніе, приискивая чистый благородный трудъ для поддержанія существованія осуждаемыхъ. Апостольскими постановленіями вмѣняется въ нравственную обязанность законнымъ путемъ освобождать святыхъ, выкупать плѣнныхъ, невольниковъ. Св. Игнатій упоминаетъ о рабахъ, выкупаемыхъ на свободу общими средствами ¹⁾. Св. Климентъ Римскій говоритъ о христіанахъ, которые простирали свою свободу до того, что продавали себя, чтобы выкупать другихъ изъ рабства. Климентъ Александрійскій убѣждаетъ господъ относиться къ рабамъ человеколюбиво. Пользоваться ими должно не какъ скотами, а христіанскій господинъ долженъ обращаться со своимъ рабомъ, какъ съ сыномъ, или какъ съ братомъ, ради общности вѣры ²⁾. Оригенъ говоритъ: „Мы не отвергаемъ никого, ни даже грубаго раба. Мы обращаемся къ нему, чтобы сдѣлать его лучшимъ. Мы поучаемъ рабовъ, дабы они достигали настроенія свободнаго человѣка и чрезъ вѣру пришли къ истинному освобожденію“ ³⁾. По Апостольскимъ постановленіямъ, епископъ не долженъ былъ принимать приношенія отъ тѣхъ, которые худо обращаются съ своими рабами ⁴⁾ и соборъ Эльвирскій въ 305 г. постановилъ,

братьямъ различныя благодѣянія и посылать вспоможеніе многимъ церквямъ, въ какихъ бы городахъ онѣ ни находились... И блаженный епископъ нашъ Сотиръ не только удержалъ этотъ обычай, но и усилилъ его частью тѣмъ, что посылаетъ дары святымъ въ большемъ обиліи, а частью тѣмъ, что входящихъ къ нему братій, какъ ибнънй отецъ дѣтей, угѣшаетъ добрымъ словомъ.

1) Посл. Игнатія къ Поликарпу гл. 4.

2) Климентъ Ал. Педагогъ III, II.

3) Contra Celsum 14, 49.

4) Пост. Апост. IV, 6.

что женщина, которая въ гнѣвѣ такъ бьетъ свою рабыню, что та умираетъ чрезъ три дня, если это совершалось намѣренно, должна быть лишена причастія въ теченіе 7 лѣтъ, а если это было случайно—въ теченіе 5 лѣтъ¹⁾.

Во всякомъ случаѣ христіанство открывало новый путь рабамъ къ улучшенію своего положенія. Заслуживаетъ вниманія, что римскій папа Пій, братъ Ерма, былъ рабомъ, папа Калликстъ также вышелъ изъ числа рабовъ. Св. Кипріанъ Картагенскій сообщаетъ намъ важный фактъ благотворительности по отношенію къ плѣннымъ христіанамъ, обращеннымъ въ рабство, въ которомъ онъ лично принималъ участіе. Когда въ III в. многіе христіане нумидійскіе были захвачены въ плѣнъ варварами (251 г.), то по предложенію епископовъ нумидійскихъ и по увѣщанію св. Кипріана была собрана для выкупа плѣнныхъ сумма въ 100000 сестерцій (около 4 тысячъ рублей). Важно, что эта жертва была принесена съ необыкновенною охотой, причемъ св. Кипріанъ призывалъ Божіе благословеніе на епископовъ, указавшихъ „плодоносное поле, гдѣ можно посѣять сѣмя, которое должно дать обильную жатву“²⁾.

Забывая различіе по вѣрѣ, христіане помогали не только своимъ единовѣрцамъ, но и язычникамъ, о чемъ выразительнѣйшимъ образомъ свидѣтельствуетъ уже извѣстный случай самоотверженной помощи, оказанной язычникамъ во время моровой язвы, появившейся въ Картагенѣ³⁾. Вѣроятно, такіе случаи повторялись необыкновенно часто, потому что Тертуліанъ въ своемъ апологетическомъ произведеніи, выставляя ту существенную особенность христіанъ, что они могутъ любить не только друзей, но даже враговъ, напоминаетъ о тѣхъ подвигахъ любви, которыми они постоянно отвѣчали язычникамъ на ихъ кровавыя преслѣдованія. „Вы забываете, говоритъ онъ, что, несмотря на ваши преслѣдованія, мы вмѣсто того, чтобы злоумышлять противъ васъ, чему наша многочисленность давала бы намъ достаточныя средства, молимся за васъ, дѣлаемъ

1) Соп. Епін. соп. 5 Ульгорнъ, стр. 184.

2) Св. Кипріанъ, письмо 60.

3) Церковная Исторія Евсевія VI, 48. Св. Кипріанъ, къ Деметріану гл. 13.

добро вамъ,—что если мы ничего не даемъ вашимъ богамъ, то даемъ вашимъ бѣднымъ, что наша благотворительность раздаетъ болѣе милостыни на вашихъ нищихъ, чѣмъ сколько ваша религія представляетъ приношеній въ вашихъ храмахъ”¹⁾.

Если христіанская благотворительность была такъ широка по объему и необыкновенно разнообразна—если она соединялась не съ одними только матеріальными пожертвованіями, но съ личнымъ самопожертвованіемъ: то можно ли допустить, чтобы она была основана на началахъ своекорыстья? Не служатъ ли представленныя факты вполне убѣдительнымъ доказательствомъ того, что высокія начала, положенныя въ основаніе благотворительности въ апостольскомъ вѣкѣ,—любовь къ Богу и ближнему были руководительными началами христіанской благотворительности и въ періодъ гоненій, почему она и сопровождалась благопріятнѣйшими результатами?

Такое сомнѣніе не можетъ имѣть никакого основанія, если мы обратимъ вниманіе на тѣ мотивы, которыми считали необходимымъ руководствоваться христіанскіе писатели въ дѣлѣ благотворительности. Такъ, св. Іустинъ называетъ дары, приносимые въ пользу бѣдныхъ „жертвою Богу“ и, сопоставляя ихъ съ евхаристіею, настаиваетъ, чтобы эти дары „приносились отъ чистаго сердца, а иначе они терзаютъ характеръ милостыни“²⁾. Вотъ почему такіе дары, которые приносятся не съ добрымъ расположеніемъ или отъ людей порочныхъ, по Постановленіямъ апостольскимъ должны отвергаться, потому что лучше по недостатку средствъ умереть, чѣмъ принять отъ лукавыхъ жертвенные дары“³⁾. Когда Маркіонъ отпалъ отъ Церкви, то ему были возвращены тѣ 200 сестерцій, которыя онъ пожертвовалъ⁴⁾. Оригенъ замѣчаетъ, что „жертвующіе излишекъ отъ своихъ трудовъ жертвуютъ не свое, но Богу посвященное“⁵⁾. Съ болѣею опредѣленностью выясняетъ значеніе христіанской благотворительности св. Кирианъ Кареа-

1) Тертул. II. Аполог. II.

2) Св. Іустинъ, Аполог 1, 67.

3) Постан. Апост. IV, 8, 10.

4) Тертул. О давности противъ ерет. гл. 30.

5) Оригенъ, Бесѣда на кн. Левитъ. II, 4.

генскій, находя, что „кто умилосердился надъ ближнимъ, тотъ одождаетъ Бога, и кто даетъ малѣйшему изъ братьевъ, тотъ жертвуетъ Богу духовный пріятный даръ“ ¹⁾. Припомнимъ, что благотворительность язычникамъ, во время моровой язвы, онъ считалъ естественнымъ выраженіемъ любви къ ближнимъ, заповѣданной Спасителемъ. „Если мы, говорилъ св. Кипріанъ, будемъ дѣлать добро только тѣмъ, которые дѣлаютъ его намъ, то чѣмъ тогда наша дѣятельность будетъ выше дѣятельности язычниковъ? Но если мы считаемъ себя дѣтьми Бога, который посылаетъ свой дождь для злыхъ, какъ и для добрыхъ, то докажемъ это нашими дѣлами, благословляя проклинающихъ насъ и дѣлая добро преслѣдующимъ насъ“ ²⁾. Этимъ объясняется, что Церковь, придавая важное нравственное значеніе милостынѣ, предоставляла въ этомъ дѣлѣ каждому полную свободу, не узаконяя для бѣдныхъ права на обязательное пользованіе имуществами богатыхъ. „Богатые, по словамъ св. Іустина, даютъ свободно то, что угодно имъ давать“ ³⁾. Каждый изъ насъ, говоритъ Тертуліанъ, представляетъ свое скромное приношеніе разъ въ мѣсяцъ и когда хочетъ, если только хочетъ и можетъ, ибо у насъ никого не принуждаютъ. Каждый дѣлаетъ это по доброй волѣ“ ⁴⁾. Св. Иринея изображаетъ съ особенною силою эту черту добровольности, которая отличаетъ милостыню христіанскую отъ іудейской и въ которой онъ указываетъ ея превосходство. „Были, говоритъ онъ, жертвы и приношенія у народа іудейскаго, есть они также и въ Церкви, но съ тою разницею, что тамъ приносившіе были рабы, а здѣсь свободные. Іудеи были обязаны неизмѣнно платить десятину, христіане, освобожденные Іисусомъ, посвящаютъ все свое имущество Господу, давая свободно и отъ добраго сердца еще болѣе, чѣмъ іудеи, потому что они имѣютъ высшія обѣтованія“ ⁵⁾. Оказывая помощь бѣднымъ, Церковь однако не покровительствовала лѣности и тунеядству, при чемъ имѣлись

1) Св. Кипріанъ о милостынѣ гл. 1—5.

2) Жизнь св. Кипріана гл. 10.

3) Аполг. I, 67.

4) Тертул. О постахъ гл. 13.

5) Иринея, Противъ ересей IV, 18, 2.

въ виду слова Апостола Павла: „не трудивыйся, да не ясть“. Тѣ, которые впадали въ нищету вслѣдствіе невоздержанной жизни, или вслѣдствіе распущенности, не заслуживали не только вспомоствованія, но даже недостойны быть членами Церкви. „Горе, говоритъ Климентъ Александрійскій, тѣмъ, которые, притворствуя и обманывая, соглашаются принимать приношеніе отъ своихъ братій“ ¹⁾. И Апостольскія постановленія, въ параллель съ этимъ, приводятъ изреченіе Господа: „блаженнѣе давать нежели принимать. Тотъ же Господь, который сказалъ это, говоритъ также: горе тѣмъ, которые имѣютъ и лицемѣрно принимаютъ, или которые сами будутъ помогать принимать отъ другихъ милостыню; тѣ и другіе должны будутъ дать отчетъ Господу въ день судный. Кто самъ можетъ работать и однако принимаетъ милостыню, тотъ крадетъ хлѣбъ у дѣйствительно бѣднаго и Господь накажетъ его за это“ ²⁾.

Такъ какъ дѣло благотворительности всегда исходило отъ Церкви и велось на общія средства, добровольно взносимыя въ пользу бѣдныхъ со стороны всѣхъ вѣрующихъ, то естественно, что активное участіе въ этомъ дѣлѣ должно было перейти со II в. къ епископамъ, которые послѣ апостоловъ стали хранителями и распорядителями церковныхъ имуществъ. Епископамъ стало принадлежать обязательное попеченіе о сиротахъ, такъ что они, согласно съ Постановленіями Апостольскими, должны были наблюдать, чтобы ни въ чемъ не было недостатка сиротамъ. „Люди достаточные и желающіе“, говорится въ первой апологіи св. Іустина, даютъ милостыню въ Церковь по личному желанію; все вмѣстѣ ввѣряется предстоятелю и онъ подкрѣпляетъ сиротъ, вдовъ и тѣхъ, которые или по болѣзни, или по другимъ причинамъ нужду испытываютъ, а также иноземцевъ, странниковъ и всѣхъ нуждающихся“ ³⁾. Но ближайшими помощниками епископовъ въ дѣлѣ попеченія о бѣдныхъ оставались діаконы, которые были орудіями епископа, при раздачѣ милостыни, и потому назывались „руками, устами и душою епископа“. Собирая свѣдѣнія о нуждающихся лицахъ,

1) *Com. in Math.* 5, 42.

2) *Пост. Апост.* IV, 3.

3) *Іустинъ Аполос.* 1, 67.

діаконы обыкновенно вписывали имена ихъ въ особый списокъ, съ обозначеніемъ самыхъ обстоятельныхъ данныхъ о положеніи, возрастѣ, полѣ и занятіи нуждающихся—и раздавали милостыню ежедневно. Къ діаконамъ рано присоединились діакониссы, завѣдывавшія тѣми же дѣлами въ кругу женщинъ, которыя вполнѣ соответствовали ихъ полу¹⁾. Но съ образованіемъ и увеличеніемъ въ Церкви самостоятельныхъ приходо-довъ, забота о благотворительности стала возлагаться также (формально) на пресвитеровъ, хотя, впрочемъ, уже мужи Апостольскіе (какъ св. Поликарпъ) внушали пресвитерамъ, что они должны быть „чужды гордости и честолюбія, заботиться о вдовахъ и сиротахъ“. (Филип. 6, 19). Участіе пресвитеровъ въ этомъ дѣлѣ было контролируемо и провѣряемо епископами. Св. Кипріанъ предоставилъ право пресвитеру Рогоціону заботиться о бѣдныхъ и странникахъ. Во время удаленія св. Кипріана изъ паствы, вслѣдствіе гоненія Декія, съ его вѣдома, пресвитеры завѣдывали раздачею милостыни, но по возвращеніи изъ изгнанія, онъ потребовалъ отъ пресвитеровъ отчета въ дѣятельности. Какъ и прежде, въ оказаніи помощи женщинамъ принимали участіе діакониссы²⁾. Само собою разумѣется, что такое обязательное участіе церковной іерархіи въ дѣлѣ благотворительности должно было еще болѣе возвышать религіозно-нравственное значеніе этой высокой обязанности³⁾.

А. Вертеловскій.

1) Пост. Апост. II, 44. III, 7.

2) Однимъ изъ убѣдительныхъ доказательствъ участія діакониссъ въ подвигахъ благотворительности нѣкоторые ученые признаютъ фресковыя изображенія женщинъ съ корзинами въ рукахъ, находимыя въ Римскихъ катакомбахъ (Magnigny, Dictionnaire des Antiquites chretiennes).

3) Св. Кипріанъ, Письмо 36.

„ОСНОВЫ ПСИХОЛОГИИ РЕЛИГИИ“.

(Взглядъ проф. Th. Flournoy).

(Окопчаніе *).

III.

Можно заранѣе быть увѣреннымъ, что понятая такъ, какъ она только что представлена, психологія религіи не будетъ пользоваться симпатіями людей двухъ различныхъ лагерей: съ одной стороны тѣхъ, которые, признавая религію за нѣчто сверхъестественное и священное по существу, никакъ не могутъ понять отношенія къ такому предмету съ той безпристрастной свободой изслѣдованія, которая вообще свойственна наукѣ, какъ таковой; съ другой стороны психологія религіи останется непонятной и для тѣхъ, кто, обольстившись ложной вульгаризаціей науки,—въ простотѣ своего сердца, добродушно предполагаютъ, что „современными научными открытіями“ вопросъ о религіи совершенно исчерпанъ.

Люди, послѣдняго лагеря, конечно, не могутъ постигнуть,—почему это психологи вмѣсто того, чтобы стараться вести борьбу и по возможности уничтожить этотъ позоръ человѣчества, (т. е. религію),—считаютъ себя почему то обязанными дѣлать честь (проявленіямъ этого безумія) изслѣдованіями строго научнаго характера и этимъ самымъ увеличивать шансы на признаніе за такими явленіями значенія и биологической законности.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 11 за 1906 годъ.

Можно было бы и не останавливаться на разборѣ мнѣнія этихъ метафизиковъ по невѣдѣнію, которые тѣмъ настойчивѣе ратуютъ за верховныя права науки, чѣмъ менѣе знакомы съ самой наукой; но дѣло въ томъ, что ихъ мнѣніе принимаетъ иногда болѣе серьезную форму въ утвержденіи, по которому религія представляется или простымъ пережиткомъ, атавистическимъ возрожденіемъ уже пройденной (или еще имѣющей возникнуть) степени культурнаго развитія, или—болѣзненнымъ явленіемъ, признакомъ вырожденія (впрочемъ возможно и соединеніе этихъ взглядовъ).

Этотъ взглядъ на религію имѣетъ многочисленныхъ сторонниковъ въ медицинской сферѣ и опирается на ту массу грубыхъ первобытныхъ суевѣрій и варварскихъ церемоній, которыя являются необходимыми спутниками почти всѣхъ религіозныхъ культовъ; на многочисленные случаи мистическаго безумства, наблюдаемаго въ домахъ умалишенныхъ; на болѣзненные уклоненія и преступныя извращенія религіознаго чувства, встрѣчающіяся въ массѣ существующихъ сектъ; вообще въ подтвержденіе своего взгляда на религію указываютъ на довольно обычное соединеніе религіозной экзальтаціи съ очевидными признаками духовныхъ аномалій или психопатологическихъ измѣненій.

Это частое соединеніе проявленія религіознаго чувства съ извѣстной степенью умственнаго расстройства даетъ, конечно, намъ право заключать о связи религіи съ болѣзненностью въ указанныхъ случаяхъ. Но пока еще нѣтъ достаточныхъ основаній, чтобы, опираясь на эти данныя, видѣть въ такомъ соединеніи явленій двойкаго порядка значеніе общаго правила, а не просто случайное совпаденіе. И потомъ, если допустить даже, что фактъ постояннаго соединенія былъ бы установленъ,—оставалось бы еще объяснить его. Конечно, можно говорить, что религіозныя проявленія есть причина или дѣйствіе и въ обоихъ случаяхъ простая форма умственнаго расстройства. Но можно дѣлать и другія соображенія одинаково правдоподобныя. Почему, напр., не предположить, что болѣзненные потрясенія представляютъ собою случайное, хотя почти неизбежное, послѣдствіе обычныхъ условій борьбы за существованіе,

или результатъ частныхъ наклонностей, такихъ, напр., какъ необычайная чувствительность, пріобрѣтенная въ духовномъ опытѣ высшаго порядка, недоступнаго для болѣе грубыхъ натуръ;—или въ лучшемъ случаѣ понять эти болѣзненные потрясенія какъ послѣдствія сопротивленія вліянію окружающей среды. При такомъ пониманіи дѣла отношеніе личной религіозной жизни къ состоянію ненормальности было бы такое же, какъ во всѣхъ проявленіяхъ генія, близкое родство котораго съ безуміемъ—такъ часто указываемое—объясняется не тождественностью природы (генія и безумства, религін и помѣшательства), а ихъ зависимостью отъ одного общаго условія—особой тонкости органической структуры, которая даетъ своему обладателю возможность стать геніемъ, но съ другой стороны подвергаетъ и большому риску сдѣлаться душевно больнымъ человѣкомъ. И потому, если даже предположить, что религіозныя явленія стоятъ въ необходимомъ соотношеніи съ патологіей и навсегда останутся чуждыми личностямъ нормальнымъ, то будетъ ли еще это достаточнымъ основаніемъ, чтобы и самыя то религіозныя явленія признавать патологическими? Можно ли, напр., процессъ зарубцеванія раны, представляющій собой конечное излѣченіе, назвать болѣзненнымъ въ силу того, что онъ не имѣетъ мѣста въ нормальномъ неповрежденномъ тѣлѣ? И какъ знать, бытъ можетъ и проявленіе религіознаго чувства въ своемъ существѣ,—какъ уже сказалъ Спаситель (Мѡ. IX, 12),—точно также есть возрождающій и цѣлительный процессъ, который—слѣдовательно—и можетъ развиваться только на болѣзненной почвѣ.

Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ доводовъ видно, что нѣтъ ничего легче противопоставить патологической теоріи, при помощи которой хотятъ уничтожить значеніе религін,—другія теоріи, вполнѣ оправдывающія религію даже съ точки зрѣнія чисто біологической. А если такъ, то какимъ инымъ путемъ можно лучше понять и объяснить столь сложные вопросы религіозной области, гдѣ одни на другіе громоздятся факты по видимости самыя противорѣчивыя,—какъ не методическимъ путемъ безпристрастнаго и точнаго изслѣдованія религіозныхъ проявленій въ индивидуумѣ,—ихъ эмпирическихъ условій,

функцій и послѣдствій, — короче говоря — путемъ изслѣдованія, который и предлагаетъ психологія религіи.

Отсюда — знакомство съ психологіей религіи необходимо даже для противниковъ религіи и они первые должны способствовать изысканіямъ этого рода въ надеждѣ, что эти изысканія приведутъ когда нибудь къ истинно научному оправданію ихъ излюбленнаго тезиса, который до тѣхъ поръ останется хотя и антирелигіознымъ, но все же догматизмомъ ¹⁾.

Теперь обратимся къ разбору мнѣнія тѣхъ, которые опасаются, какъ бы психологія религіи, вмѣсто постановки вопроса о религіи въ лучшія условія не нанесла ей рокового удара — своимъ пристрастіемъ изслѣдовать религіозныя явленія только съ біологической точки зрѣнія, закрывая глаза на теологическую, трансцендентную сторону религіи.

Эти крайніе приверженцы религіи боятся, какъ бы научное изслѣдованіе религіи не разсѣяло ореола святости религіозной жизни и не уничтожило его подъ скальпелемъ анализа, доведеннаго до крайности. Опасенія, конечно, лишены всякаго основанія. Прежде всего, религіозныя явленія суть явленія біологическаго порядка, имѣющія основанія въ самой человеческой природѣ, и потому подавленіе и игнорированіе ихъ викакъ не можетъ быть названо ихъ изученіемъ ²⁾.

Далѣе, психологія религіи при всей своей научной работѣ нисколько не думаетъ замѣнить собою религіи; и этого она такъ же не въ состояніи сдѣлать, какъ, наприм., званіе фізіологомъ законовъ пищеваренія не можетъ замѣнить для фізіолога или уничтожить у него самого процесса пищеваренія.

Во вторыхъ — быть можетъ и правда, что у нѣкоторыхъ людей психологическое изслѣдованіе религіи, производимое слишкомъ исключительнымъ образомъ, безъ благотворнаго вліянія философской точки зрѣнія, дѣйствуетъ разрушающе на личную

¹⁾ См. обстоятельную критику „медицинскаго матеріализма“ у James, *Varieties of religious experience* ch. 1.

²⁾ Ср. Colvin, *The psychological necessity of Religion* (*Amer. Journ. of Psych.* vol. XIII. janv. 1902) p. 80. По его мнѣнію религія, будучи чувствомъ абсолютной зависимости, можетъ быть уничтожена при наличности двухъ условій: 1) замѣны всякой тайны полнымъ свѣтомъ абсолютнаго знанія, 2) уничтоженія въ мірѣ страданія, смерти и грѣха.

религіозную жизнь (точно такъ же, какъ, напр., и слишкомъ усердное экспериментированіе надъ функціями собственнаго желудка мсжетъ привести къ разстройству пищеваренія или излишне усердный анализъ явленія сна—къ бессонницѣ. Но эта опасность весьма возможная и часто весьма ощутительная началась не съ сегодняшняго дня, такъ что было бы смѣшно выставять ее въ качествѣ спеціальнаго довода противъ, только что народившейся, психологіи религіи. И во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ бросать въ нее камень осужденія,—надо подумать, причинить ли она столько же зла и возбудить ли среди вѣрующихъ такіе раздоры, какіе до сихъ поръ причиняли и возбуждали сами теологи своими догматическими спорами. И если ужъ такова судьба человѣчества, имѣющаго у себя религію, что оно всегда тратитъ часть своихъ силъ на чисто интеллектуальныя изслѣдованія въ ущербъ своей эмоциональной и волевой энергіи, то, думается, гораздо лучше и производительнѣе этотъ расходъ интеллектуальной энергіи потратить на научное изслѣдованіе религіозныхъ явленій и ихъ эмпирическихъ условій, чѣмъ, какъ это было до сихъ поръ, на безплодные теолого-метафизическіе споры прошлаго. Наконецъ, между религіей и психологіей религіи, безспорно, былъ бы безысходный конфликтъ, если бы послѣдняя уничтожала или отрицала объекты, которые чтутся религіей, и сводила бы ихъ на простыя иллюзіи субъективнаго сознанія. Но мы видѣли, что психологія религіи нисколько не дѣлаетъ этого; не задаваясь вопросомъ о трансцендентномъ въ религіи,—психологія религіи оставляетъ этотъ вопросъ совершенно открытымъ, предоставляя его философіи религіи или личной оцѣнкѣ cadaquo.

Безъ сомнѣнія, конечно, если бы фізіологической психологіи удалось вполне выяснитъ логически содержаніе сознанія съ его качествами *sui generis*, математически показать,—въ силу какой необходимости протекають эти характерныя черты сознанія изъ слѣпонаго столкновенія атомовъ или безсознательныхъ преобразованій міровой энергіи, другими словами—если бы психологіи удалось показать, что въ этой вселенной, понятой по типу фізическихъ наукъ, всякое религіозное явленіе

такъ же неизбежно, какъ и иллюзорно,—то положеніе вѣрующихъ, дѣйствительно было бы отчаянное и беззащитное. Но дѣло находится вѣдь не въ такомъ положеніи и можно надѣяться, что и не будетъ въ немъ. По единодушному признанію всѣхъ современныхъ мыслителей, изслѣдовавшихъ проблему природы научнаго сознанія,—каковы Кантъ, Спенсеръ, Контъ et tutti quanti,—наука, вращаясь въ доступныхъ для наблюденія предѣлахъ относительнаго и конечнаго,—не достигаетъ послѣднихъ основаній вещей и что даже, если расширить границы науки, какъ только это доступно воображенію, то и тогда ей не удастся вырвать у мірового Сфинкса отгадки бытія. И, конечно, что вѣрно по отношенію къ наукѣ вообще, то приложимо въ частности и къ наукѣ психологіи религіи. Она не дастъ намъ,—говоритъ Старбукъ,—всеисчерпывающаго объясненія и мы не добиваемся рѣшить тайну религіи, но только стремимся насколько возможно внести въ ея явленія порядокъ, который бы могъ удовлетворять наше пониманіе (Starbuck, loc. cit. p. 10—11). Поэтому,—надо признать безспорнымъ, что до какой бы степени совершенства ни развилась въ будущемъ психологія религіи,—она всегда будетъ нѣмой въ отношеніи къ рѣшенію этихъ мучительныхъ загадокъ, которыя ставятъ намъ жизнь и вселенная, и никогда не посягаетъ на неотъемлемое право религіознаго сознанія,—сколь долго оно будетъ существовать,—образовывать соответственно потребностямъ, а главное подъ своей собственной отвѣтственностью вѣрованія о послѣднихъ основахъ бытія и судьбы человѣка.

Считаю нужнымъ оговориться—*„сколь долго оно (т. е. религіозное сознаніе) будетъ существовать“*; такая оговорка необходима потому, что относительно будущаго религіи въ этомъ мірѣ мы ничего опредѣленнаго сказать не можемъ.

И пожалуй допустимо, что вѣрующихъ въ настоящее время становится все меньше и меньше и въ концѣ концовъ они, быть можетъ, совсѣмъ исчезнутъ съ лица земли, послѣ того, какъ все человѣчество обобщится въ одномъ безрелигіозномъ, (но нравственно развитомъ) типѣ; за вѣроятность такого пред-

положенія недавнія изслѣдованія ¹⁾ и масса примѣровъ, которые каждый можетъ видѣть въ окружающей его средѣ. Тогда человѣчество пришло бы къ такому состоянію, въ которомъ находятся теперь (или мы думаемъ, что находятся) высшіе классы животныхъ, каковы пчелы, муравьи, живущіе вполне развитой соціальной жизнью; каждый членъ ихъ общины, выполняя въ совершенствѣ свою собственную роль, которую онъ несетъ въ общинѣ, нисколько не интересуется какими бы то ни было вопросами о конечной причинѣ и цѣли вещей, какъ не задаются этими вопросами и отдѣльныя части чуднаго устройства часового механизма.

Но пока человѣчество не достигло этой стадіи всеобщей механизациі,—безъ сомнѣнія будутъ существовать религіозныя натуры, которыя будутъ испытывать муки моральной жизни и которымъ подъ впечатлѣніемъ внѣшнихъ превратностей и перемѣнъ въ собственной духовной жизни придется иногда подобно Іакову воскликнуть: „...есть Господь на мѣстѣ семъ, азъ же не вѣдѣхъ“ (Быт. XXVIII, 16). И совершенно напрасно представители такъ наз. здраваго разума старались бы доказывать религіознымъ людямъ невозможность философскихъ попытокъ рѣшить вопросъ о существованіи невидимаго міра и о личномъ общеніи съ нимъ. Всѣмъ эгимъ выраженіемъ религіозный человекъ, сильный своей внутренней увѣренностью, равно какъ и всеобщимъ нашимъ конечнымъ невѣдѣніемъ, можетъ отвѣтить словами Лафатера: „Я такъ же мало знаю природу своей души, какъ и тотъ способъ, которымъ Богъ дѣйствуетъ на души. Если Богу угодно, чтобы я смотрѣлъ на религіозное чувство, какъ на Его непосредственное дѣло, то тогда достаточно только отличать религіозное чувство отъ всѣхъ другихъ, возникающихъ естественнымъ образомъ. Несомнѣнно, что чувство, истинно и живо выражающее мое отношеніе къ Богу чрезъ Іисуса Христа, *какимъ бы то ни было образомъ* должно имѣть своимъ возбудителемъ Бога. И я нисколько не сомнѣваюсь, что сознаніе своей немощи и ничтожества, ощущеніе невидимаго

¹⁾ См. у Leuba, The contents of Religions Consioussness случай № 14 и интересная замѣтка, которую авторъ дѣлаетъ къ приведенному случаю. Monist, vol. XI, juillet 1901 г. p. 567—569.

присутствія Бога, повиманіе безграничнаго милосердія Христа—такъ сообразныя правдѣ—представляютъ собою *тѣмъ или другимъ образомъ* дѣло рукъ Божіихъ“¹⁾).

Что можно возразить на это? Что всѣ эти чувства, какъ бы сверхъестественными они ни казались Лафатеру,—имѣютъ органическое происхожденіе, имѣютъ фізіологическіе коррелятивы, требуютъ біологическаго объясненія и находятъ всѣ эмпирическія условія своего возникновенія въ наслѣдственности, темпераментѣ, воспитаніи, состояніи организма, окружающей среды и т. д. Все это такъ, но это научное объясненіе касается ли самыхъ основъ вопроса? Лафатеръ, конечно, не отрицалъ этихъ вторичныхъ причинъ, которыя мы открываемъ или думаемъ открыть въ будущемъ и которыя составляютъ предметъ изслѣдованій психологіи религіи: но онъ просто отмѣчаетъ фактъ, что естественно-научное объясненіе религіознаго явленія никогда логически достаточно не объяснитъ намъ ни причины его существованія, ни его качества, такъ что нѣтъ никакихъ препятствій къ допущенію мысли, что религіозное явленіе представляетъ собою „тѣмъ или другимъ образомъ“ дѣло рукъ Божіихъ. Конечно, какъ Іаковъ, такъ и Лафатеръ, и всякій другой вѣрующій, видя въ томъ или другомъ чувствѣ, фактѣ своей религіозной жизни, вмѣпательство Божіе,—могутъ ошибаться. Но это ихъ дѣло, не наше. Разумѣется, также, что признавая реальное существованіе трансцендентнаго міра въ цѣляхъ объясненія для самихъ себя внутреннихъ религіозныхъ переживаній, вмѣсто того, чтобы довольствоваться эмпирическими условіями, которыя экспериментальный методъ не замедлил бы имъ представить, люди религіознаго паправленія этимъ самымъ ставятъ себя совершенно внѣ научной области и научныхъ законовъ. Но выходитъ изъ предѣловъ науки никому не воспрещается, ибо нѣтъ такой полицейской должности, на обязанности которой лежало бы силой удерживать въ законныхъ предѣлахъ науки людей, которые предпочитаютъ перелетать научныя границы на крыльяхъ своей фантазіи или вѣры.

¹⁾ Lavater, Journal d'un observateur de soi-même (26 janv. 1769 г.) trad. franc. Neuchâtel 1843, p. 92—93.

Да если взглянуть и въ противоположный лагерь, то со-всѣмъ нельзя сказать, чтобы тамъ была строгая научная по-слѣдовательность. Всѣ эти шумливые корифеи такъ наз. на-учной философіи безъ всякаго зазрѣнія совѣсти ставятъ пер-вымъ и основнымъ принципомъ то матерію, то силу, субстан-цію, энергію, вѣчную самоистину, законъ явленій и т. д. и такими широкими размахами конечно сильно грѣшатъ противъ строгихъ научныхъ требованій экспериментальнаго метода.

И потомъ, всѣ эти современные божества, хотя они и без-сознательны, слѣпы, глухи, неумолимы, безличны и тщатель-нымъ образомъ очищены отъ всего, что хотя сколько нибудь могло въ нихъ сказать человѣческому сердцу,—представляютъ собою такое же произведеніе нашихъ церебральныхъ нейро-новъ, такой же субъективный продуктъ нашей мысли, какъ и идея Браны, Вѣчнаго Бога или Небеснаго Отца. Поэтому при-знаемся открыто, что человѣкъ не можетъ обойтись безъ мета-физики, не можетъ отказаться отъ стремленія понять—необ-ходимо, конечно, при посредствѣ своей природы и категорій собственной мысли,—окружающую его дѣйствительность и превышающее его реальное. Различія же мнѣній или индиви-дуальныхъ вѣрованій въ этомъ отношеніи подлежатъ выбору, который каждый охотнѣе дѣлаетъ изъ данныхъ своего собствен-наго опыта, чѣмъ откуда бы то ни было изъ другихъ источ-никовъ, считая свои внутреннія переживанія отзвукомъ, сим-воломъ, представленіемъ или откровеніемъ въ немъ „реальнаго по преимуществу“. Одни имѣютъ болѣе довѣрія къ абстрактной мысли и думаютъ, что они вполне избѣгли антропоморфизма, стараясь,—(подобно ребенку, хотящему прыгнуть выше своей тѣни),—укрыться за попятіями, изъ которыхъ вынуто почти все жизненное содержаніе, вся цѣнность. Другіе, къ которымъ причисляю себя и я,—питаютъ неодолимое отвращеніе къ та-кому роду умственныхъ упражненій и наоборотъ самымъ пол-нымъ и болѣе исчерпывающимъ изъ всѣхъ понятій считаютъ конкретное представленіе живой личности, сознательнаго я, которое и признаютъ самой лучшей, *меньше неадекватной* фор-мулой для понятія о бытіи въ себѣ и конечномъ основаніи всѣхъ вещей.

Истинная реальность вселенной для первыхъ разрѣшается въ безличныя и бессознательныя элементы, атомы, силы или модусы энергій; для вторыхъ—въ сознательныя индивидуальности, въ личности, души или духовныя монады. И всѣ метафизическія гипотезы представляютъ собою только бесконечно-разнообразныя варіаціи на двѣ эти основныя темы, и думается, что человѣкъ, обладая той натурой, которая ему свойственна, не могъ и додуматься до другихъ. И не дѣло религіозной психологіи измѣнять что либо въ этой области. Какъ до, такъ и послѣ ея появленія, эти же самыя альтернативы по отношенію къ конечной тайнѣ бытія, всегда стояли и будутъ стоять предъ умственнымъ взоромъ человѣка и въ конечномъ результатѣ всегда будетъ зависѣть отъ свободы индивидуума принять то или другое рѣшеніе, болѣе отвѣчающее его личному религіозному опыту.

Здѣсь уместно привести мнѣніе ученаго, посвятившаго разработкѣ вопросовъ исторіи и психологіи религіи всю свою жизнь. Этотъ компетентный ученый—Марилье. Далекій отъ мнѣнія, что господство науки и даже независимой морали можетъ принести какой либо ущербъ личной религіозной жизни, онъ наоборотъ видѣлъ въ такомъ отдѣленіи самое лучшее условіе для полнаго развитія этой самой религіозной жизни. Ибо, отдѣляясь отъ религіи, наука и мораль этимъ самымъ даютъ болѣе полную свободу дѣйствія и религіи, и только тогда „религіозные люди получаютъ въ первый разъ возможность испытать во всей чистотѣ религіозное волненіе и чувство тѣснаго общенія съ Божествомъ“.

Надо оговориться, что Марилье понимаетъ религіозное сознаніе въ его характерной сущности, очищеннымъ отъ всего, что обыденное мышленіе примѣшиваетъ къ нему по своей неточности. „Религія, говоритъ онъ, есть не совокупность догматическихъ положеній или моральныхъ заповѣдей; она есть совокупность эмоціальныхъ состояній, чувствъ, желаній, по своей характерности отличныхъ отъ всѣхъ другихъ. Одна только вѣра въ единеніе съ Божественнымъ, которое окружаетъ и превышаетъ человѣка, даетъ душѣ то чувство мира, внутренней радости, ту силу и ясность, которыми проникнуто-

сознаніе истинно благочестиваго человѣка. Богъ существуетъ только для тѣхъ, кто вѣритъ въ него. тогда какъ алгебра или химія—истины для всѣхъ. Но для человѣка вѣрующаго нѣтъ ничего болѣе реальнаго въ сравненіи съ Богомъ, въ слѣдованіи велѣніямъ Котораго онъ полагаетъ смыслъ своей жизни, того Бога, въ которомъ мы живемъ, движемся и есмь ¹⁾).

Приведенныя выдержки съ достаточной ясностью показываютъ, что въ глазахъ этого мыслителя истинная вѣра нисколько не страдаетъ отъ научнаго изслѣдованія религіозныхъ явленій. Отсюда сторонники религіи опытной, пережитой не имѣютъ никакаго повода къ недовольству психологіей религіи. Послѣдняя, напротивъ, даже можетъ оказать неоцѣненныя услуги, какъ въ отношеніи теоретической точки зрѣнія, всегда болѣе широкаго и болѣе полнаго знанія религіозныхъ процессовъ человѣческаго сознанія, такъ и проистекающихъ отсюда многочисленныхъ практическихъ приложеній въ области индивидуальнаго и коллективнаго воспитанія.

Подведемъ итоги сказанному.

Психологія религіи, разсматриваемая съ точки зрѣнія трудовъ, которыми мы руководствовались, можетъ быть выражена въ двухъ основныхъ положеніяхъ:

а) *Исключеніе трансцендентнаго*,—принципъ отрицательный и, такъ сказать, оборонительный. Въ силу этого принципа психологія религіи, хотя и вноситъ въ свои изслѣдованія, какъ внутреннія данныя, оцѣнку значевія и чувство реальности трансцендентнаго, чѣмъ сопровождаются религіозныя явленія въ субъективномъ сознаніи, однако совершенно воздерживается произносить свой приговоръ объ объективной значимости этихъ внутреннихъ данныхъ и устраняетъ изъ своей области всякое разсужденіе относительно возможности существованія и природы невидимаго міра.

б) *Біологическое объясненіе* религіозныхъ явленій,—принципъ положительный, эвристическій. Въ силу этого принципа психологія религіи разсматриваетъ религіозныя явленія, какъ обнаруженія жизненнаго процесса, причемъ ставитъ своей за-

¹⁾ Marillier—въ введеніи къ французскому переводу труда Lang,—*Mythes, Cultes et Religions*, Paris 1896, стр. XXVII и слѣд.

дачей опредѣлить психо-физиологическую природу этого обнаруженія, законы его развитія и роста, его нормальныя и патологическія измѣненія, его сознательный и подсознательный динамизмъ, вообще опредѣлить отношеніе религіознаго явленія къ другимъ функціямъ и его роль и мѣсто въ совокупности всей жизни индивидуума или рода.

Понятая такимъ образомъ психологія религіи, если и не рѣшаетъ всегда интересовавшихъ человѣчество конечныхъ вопросовъ о своей судьбѣ и послѣднемъ основаніи всѣхъ вещей, то все же старается насколько возможно прояснить философскую теорію, доставляя ей всѣ доступныя для научнаго изслѣдованія свѣдѣнія о явленіяхъ индивидуальнаго религіознаго сознанія.

В. Д—овъ.

Ученіе Гартмана о трехъ стадіяхъ иллюзіи.

(Окончаніе *).

ВТОРАЯ СТАДІЯ ИЛЛЮЗИИ.

„Среди крайняго опошленія жизни древняго міра пробился блестящій свѣтъ христіанской идеи. Основатель христіанства совершенно усвоилъ презрѣніе и равнодушное отношеніе къ земной жизни и провелъ ихъ до ихъ послѣднихъ и крайнихъ выводовъ“¹⁾).

Такъ приступаетъ Гартманъ къ изложенію своего ученія о второй стадіи иллюзіи и слѣдомъ приводитъ множество изрѣченій Самого Основателя христіанства въ доказательство того, что Онъ всегда и вездѣ указывалъ на зло пастоящей жизни, училъ добровольному удаленію отъ мнимыхъ ея радостей, указывая на иныя высшія блага *въ инобытіи, въ жизни загробной*. Въ этомъ—отличіе христіанства отъ іудейства, полагавшаго награду за соблюденіе напр., V-й заповѣди въ этой *земной* жизни. Къ перенесенію скорбей настоящей жизни христіанство лучшее средство указываетъ въ любви и такимъ обр. отрицательную сторону ученія христіанскаго составляетъ отреченіе отъ міра, а положительную—любовь. Вѣра въ загробную жизнь была невѣдома древнему міру, и только буддизмъ имѣлъ эту вѣру, но тамъ она помимо своего крайне ограниченнаго распространенія и другихъ частныхъ отличій, ничега сверхъ того всего не знала о *личномъ, индивидуальномъ* безсмертіи, о каковомъ учитъ христіанство.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 11 за 1906 г.

1) Philosoph. d. Unbewust. S. 600, 601.

Но, говорить Гартманъ, и само по себѣ религиозное чувство доставляетъ человѣку свои скорби, напр., борьбу съ плотью, *сомнѣнія* въ своемъ достоинствѣ для вѣчной жизни, въ *Божественной Благодати* и страхъ послѣдняго суда. А главное—та надежда, какую питается религиозное чувство христіанина и во имя которой онъ переноситъ всѣ указан-ныя скорби, не болѣе—какъ иллюзія, потому что всякая индивидуальность является лишь случайнымъ бытіемъ (Schein), которое исчезаетъ вмѣстѣ со смертью организма. По мнѣнію Гартмана сами Апостолы въ своемъ ученіи уже противорѣчали своему учителю, когда относительно безсмертія высказывали философскія мысли, въ основаніи которыхъ лежало отрицаніе личнаго безсмертія. Такъ Ап. Іоаннъ Богословъ пишетъ: Ангель... клялся Живущимъ во вѣки вѣковъ... что времени уже не будетъ. Апокал. X, 5—6. И Ап. Павелъ: любовь никогда не перестаетъ, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнутъ и *знаніе упразднится*. 1 Кор. XIII; 8. Первое мѣсто ведетъ къ отрицанію всякаго измѣненія, а второе—сознанія, а такое отрицаніе несовмѣстимо съ ученіемъ о личномъ безсмертіи. Сверхъ того такое безсмертіе отрицали всѣ великіе философы: Платонъ, Аристотель, Лейбницъ, Спиноза, Кантъ, Шеллингъ. И так. обр. „главный нервъ христіанства—разрывается“. Доколѣ не было міра, не было ни реальной воли, ни реального представленія; доколѣ продолжается міровой процессъ, дотолѣ имѣетъ мѣсто и дѣйствуетъ воля; когда этотъ процессъ окончится, ни блаженства, ни мученія не будетъ уже по той одной причинѣ, что не будетъ тогда воли (кромѣ потенціальной),—этой первой причины и горя и радости.

Христіанство быстро распространилось среди народовъ, хотя уже греческая философія далеко ушла впередъ отъ его дѣтскихъ (?) вѣрованій. Это, думаетъ Гартманъ,—произошло отъ того, что человѣчество не могло сразу отрѣшиться отъ эгоистическихъ стремленій и неудовлетворенное въ исканіи личнаго счастья на землѣ, оно и начало искать его въ иной жизни. И уже въ этомъ замѣчается сильное движеніе впередъ, но все же „чаянія христіанства опираются на иллюзію, которая необходимо исчезнетъ при дальнѣйшемъ ходѣ въ раз-

вита сознанія“¹⁾. Только „медленно, однако, и мало по малу можетъ сокрушиться сила такой идеи, какъ христіанская... Но скоро... христіанство будетъ только тѣнью своего средневѣковаго величія, будетъ вновь тѣмъ, чѣмъ оно исключительно было при своемъ возникновеніи,—послѣднимъ утѣшеніемъ для бѣдняковъ и страдальцевъ“²⁾.

Итакъ, вотъ основныя мысли Гартмана относительно христіанства: 1) оно учитъ полному пренебреженію земной жизнью и 2) оно поселяетъ въ человѣкѣ надежду иной, лучшей жизни каковая надежда является, однако, не болѣе какъ иллюзіей. Разберемъ каждое изъ этихъ двухъ положеній.

Прежде всего никогда и никому Божественный Основатель христіанства не внушалъ презрѣнія къ земной жизни, такого рода ученіе навязано Ему самимъ Гартманомъ. Какъ уже сказано, теорія его о трехъ стадіяхъ иллюзіи можетъ имѣть приложеніе только къ крайностямъ и односторонностямъ въ человѣческой жизни, и потому-то для оправданія своего ученія онъ между прочимъ и въ ученіи христіанства ищетъ такой крайности. Не желая, однако, остаться безъ основаній въ своихъ воззрѣніяхъ на христіанство, Гартманъ и приводитъ изреченія Самого Спасителя, изъ которыхъ яко-бы слѣдуетъ Его презрительное отношеніе къ настоящей жизни. Такъ онъ приводитъ слова Спасителя, изъ которыхъ видно, что Свое Евангеліе Онъ принесъ „только тѣмъ, кто чувствовалъ скорбь бытія,—грѣшникамъ (точно всякій грѣшникъ необходимо долженъ чувствовать скорбь бытія“!), отверженнымъ (самарянамъ и мытарямъ), угнетеннымъ (рабамъ и женщинамъ), бѣднымъ, больнымъ и страждущимъ, а не тѣмъ, которые хорошо и привольно чувствовали себя въ земной жизни. Мѡ. XI, 5; Лук. VI, 20—23 etc.³⁾. Но не бесѣдовалъ-ли Господь и не поучалъ ли Онъ Никодима, князя Жидовскаго (Іон. III, 2), юношу, иже бѣ имѣя стяжанія многа (Мр. X, 22), не благодѣтельствовалъ ли Онъ также, какъ и прочимъ, Іосифу, иже князь

1) Ibidem. S. 607.

2) Ibidem. S. 609 610.

3) Ibidem. S. 601.

сонмищу бѣ (Лук. VIII, 41), сотвику Капернаумскому (Лук. VII, 2) и многимъ другимъ? Если же дѣйствительно, большинство послѣдователей Господа было изъ бѣдняковъ и страдальцевъ, и большинство Его благодѣяній падало на нихъ же,—то виною этому были сами же великіе міра сего, не обращающіе вниманія на ту проповѣдь, которая равно предназначалась для всѣхъ. Спаситель, такъ обр., въ своихъ изреченіяхъ указалъ лишь на *фактъ* принятія Своего Евангелія бѣдняками, а не на желаніе и намѣреніе свое, какъ то думаетъ Гартманъ.

Но входя затѣмъ въ подробное разсмотрѣніе приводимыхъ Гартманомъ текстовъ, замѣтимъ кратко, что всѣ они неправильно имъ понимаются, будучи взяты внѣ связи со всѣмъ ученіемъ Иисуса Христа и будучи понимаемы въ смыслѣ буквального. На самомъ дѣлѣ Господь всегда осуждалъ лишь пристрастіе къ земнымъ благамъ и усиленную заботу о нихъ; но правильное пользованіе ими—никогда. Возьмемъ для доказательства два Его изрѣченія: возвратите на птицы небесныя, яко не сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ,—не вы ли паче лучше ихъ есте. Мѡ. VI, 26. и—„воздадите убо яже Кесарева Кесареви и яже Божія—Богови. Лук. XX, 25. Въ первомъ изъ приведенныхъ мѣстъ, Господь предостерегая человѣка отъ излишней заботы о земн. благахъ, вовсе не впускаетъ ему мрачнаго отношенія къ жизни, ибо птицы вовсе не проводятъ жизнь въ той мрачной меланхоліи, какую думаетъ найти Гартманъ въ ученіи христіанскомъ, а напротивъ служатъ отличнымъ примѣромъ беззаботнаго наслажденія бытіемъ. И, слѣд., въ давныхъ словахъ человѣку дается прекрасный совѣтъ къ такому пользованію земными благами, которое въ наименьшей степени соединено со скорбями и огорченіями. А во второмъ изреченіи со всею ясностью уже выражается та мысль, что при стремленіи къ богоугожденію человѣкъ положительно не долженъ пренебрегать земною жизнью съ ея многоразличными отношеніями.

И Самъ Господь въ Своей земной жизни велъ Себя не такъ, какъ бы подобало суровому проповѣднику презрѣнія къ земной

жизни. Достаточно вспомнить здѣсь только отзывъ о Немъ Его современниковъ: се человекъ ядца и винопійца Мѡ. XI, 19; Лук. XV, 3; Его участіе на вирахъ, напр. у Маттея, Закхея, въ Канѣ Галилейской и т. д.

Наконецъ, замѣчательно изрѣченіе Спасителя, которое пропустилъ Гартманъ и которое однако, положительно опровергаетъ его мнѣніе, что все счастье христіанство полагаетъ лишь въ жизни загробной. Говоримъ о Лук. XVII, 21: не прійдетъ царствіе Божіе съ соблюденіемъ... се-бо царствіе Божіе внутрь васъ есть". Ясно, что христіанство не только не считаетъ настоящей жизни человека зломъ, но и напротивъ въ этой самой жизни оно признаетъ возможнымъ для человека положительное счастье ¹⁾.

Но пойдѣмъ далѣе. Изъ религіозной надежды и благоговѣнія возникающая радость, говоритъ Гартманъ: не безъ горя... Но главное—самая надежда, какъ и всѣ другія, основана на иллюзіи... ²⁾.

Несправедливо здѣсь во-первыхъ утвержденіе, что религіозное чувство также причастно горю, какъ и всѣ другія. По крайней мѣрѣ то чувство, котораго требуетъ отъ человека христіанство, должно быть совершенно чуждо горя и всѣхъ скорбныхъ ощущеній. Такъ, указываемое Гартманомъ „возстаніе инстинктивныхъ потребностей человека противъ неестественнаго угнетенія ихъ“ не должно имѣть мѣста уже по тому одному, что ничего неестественнаго отъ человека христіанство и не требуетъ. Если-же оно и предписываетъ самоограниченіе и воздержаніе, то во-первыхъ это писколько не идетъ противъ природы и даже необходимо для нея, а во-вторыхъ—истинно-религіозный человекъ радъ всякой жертвѣ во имя своихъ вѣрованій и разсуждать здѣсь о какой то скорби значитъ не понимать истинно-религіознаго настроенія. Что же касается

¹⁾ Непопытно, говорить одинъ изъ критиковъ Гартмана, какъ доходитъ онъ (Г.) до того, чтобы порицать христіанство за его отреченіе отъ міра, послѣ того какъ онъ самъ это отреченіе отъ міра призналъ правильнымъ религіознымъ требованіемъ, и своимъ ученіемъ о взаимномъ отношеніи между міромъ и Безсознательнымъ (какъ это мы уже видѣли). Die religioſe Frage. Von Joh. Huber. S 36—37

²⁾ Philosoph. d. Unbewust. 11 S. 603.

религіозныхъ сомнѣній, то они къ существу религіознаго чувства отнюдь не относятся и являются дѣломъ не твердой вѣры, служатъ признакомъ скорѣе отсутствія, чѣмъ присутствія религіознаго настроенія. Страхъ-же послѣдняго суда не долженъ, собственно, имѣть мѣста у христіанина, ибо *совершенно любви воиъ изгоняетъ страхъ.*

Но не тщетна-ли въ самомъ дѣлѣ надежда христіанина на загробную жизнь ¹⁾?

Въ своей системѣ Гартманъ стремится дать „истинное примиреніе монизма и плюралистическаго индивидуализма“. При такой своей задачѣ онъ допускаетъ, какъ неподлежащій сомнѣнію фактъ индивидуальнаго бытія въ настоящей жизни и тѣмъ удовлетворяетъ плюрализму, но за предѣлами этой жизни онъ представляетъ бытіе лишь все-единого Безсознательнаго и тѣмъ удерживаетъ за своею системою характеръ монизма. Личное бытіе, душа, какъ „сумма дѣятельностей единого Безсознательнаго, направленныхъ на извѣстный организмъ ²⁾“, исчезаетъ по разрушеніи этого организма, и поэтому-то надежду на продолженіе по смерти личнаго бытія Гартманъ и называетъ иллюзорною.

Итакъ, двѣ причины у Гартмана не признавать безсмертія души: стремленіе удержать за системою характеръ строгаго монизма и предположеніе, что съ разрушеніемъ организма прекращается на него воздѣйствіе Безсознательнаго, какъ условія его бытія.

Но противъ первой изъ указанныхъ причинъ должно сказать, что монизмъ и плюрализмъ имѣютъ одинаковыя права на существованіе, потому что оба одинаково возникаютъ изъ стремленія человѣческой мысли:—первый—къ единству, а второй—къ объясненію множественности. Въ силу этого и въ приложеніи къ загробной жизни нельзя отдавать преимущества лишь монизму, но должно признать права и плюрализма, т. е.,

¹⁾ Мы не будемъ здѣсь входить въ опроверженіе тѣхъ философій, отрывки изъ которыхъ приводитъ Гартманъ, ибо одни изъ нихъ объ уничтоженіи души и не учили (Платонъ, Аристотель, Кантъ и Лейбницъ), а такого рода мысль вывелъ изъ ихъ ученія самъ Гартм., а Спиноза былъ напротивомъ и ео ipso личнаго безсмертія признавать не могъ.

²⁾ Козловъ: излож. Фих. Безс., стр. 162.

иначе говоря, индивидуальное безсмертіе въ крайнемъ случаѣ должно признать съ этой точки зрѣнія дѣломъ, противъ и въ пользу котораго на основаніи разбираемыхъ стремленій разума можно говорить съ одинакимъ правомъ, но которое отрицать рѣшительно, какъ то дѣлаетъ Гартманъ, — нельзя. Слѣдовательно путь для вѣры здѣсь *открытъ*.

Что касается второй изъ рассматриваемыхъ причинъ къ отрицанію безсмертія, то Гартманъ самъ противорѣчитъ здѣсь себѣ, когда утверждаетъ, что человѣческій организмъ важенъ только, какъ орудіе духовной жизни человѣка, и совокупность дѣятельностей Безсознательнаго направляется преимущественно на духовную жизнь индивидуума (сознаніе). Почему-же и по разрушеніи организма не направляться ей по прежнему на духовную жизнь человѣка и тѣмъ не сохранять индивидуальнаго бытія? Здѣсь мы уже видимъ путь для вѣры христіанина въ безсмертіе души не только открытымъ, но и настойчиво, можно сказать, указываемымъ ученіемъ самого Гартмана ¹⁾.

1) Къ своимъ личнымъ убѣжденіямъ въ невозможности продолженія бытія души по разрушеніи тѣла Гартманъ старается еще присоединить свидѣтельства Апостоловъ, яко-бы высказывавшихъ также мысли, несогласныя съ ученіемъ ихъ Учителя о безсмертіи души. Мы привели уже эти Апостольскія слова и тотъ выводъ, который дѣлаетъ изъ нихъ Гартманъ. Остается сказать только, насколько правъ онъ въ этомъ случаѣ. Что Ап. Іоаннъ не отрицалъ безсмертія души — это достаточно видно изъ 1 Ю. III, 2. Поэтому, когда онъ говорилъ, что „никакого времени не будетъ“, то „время“ (какъ существуетъ толкованіе) онъ разумѣлъ въ смыслѣ извѣстной эпохи, создающейся и ознаменовывающейся владычествомъ извѣстнаго народа, — время (или періодъ) Персидское, Македонское, Римское.. Вотъ объ уничтоженіи этихъ то «временъ» и говорилъ Пророкъ, узрѣвшій „время“ при царствіи Вожіе, послѣ паденія „времени“ Римскаго. Равнымъ образомъ и Ап. Павелъ о безсмертіи ясно училъ, напр., въ 1 Кор. XV, 51. А подъ *знаміемъ* въ приводимыхъ Гартманомъ словахъ онъ разумѣлъ то знаніе, какое достигалось въ первенствующей церкви откровеніями и зитѣмъ дѣлалось достояніемъ всего общества вѣрующихъ чрезъ *даръ языковъ* (такое толкованіе ясно подтверждаетъ весь ходъ рѣчи Апостола въ данномъ случаѣ). Когда, дѣйствительно, наступитъ зрѣніе „лицемъ къ лицу“, тогда въ указанномъ несовершенномъ знаніи, знаніи урывками нужды уже болѣе не будетъ, и оно прекратится, какъ и даръ языковъ: останется одна любовь. Встрѣчаются у Гартмана въ разборѣ христіанства и прямо странныя утвержденія. Такъ, Христосъ, по его мнѣнію, не зналъ законовъ природы, потому что говорилъ: еще ямае вѣру, яко зерно горущио, речете горѣ сей: преиди отсюду тамо и преидеть Мо. XVII, 20... Или въ другой разъ

И поспѣшно, слѣд., Гартманъ дѣлаетъ заключеніе, что христіанство „опирается на иллюзію“.

Но любопытнѣе всего то печальное предсказаніе, какое дѣлаетъ христіанству Гартманъ: „скоро христіанство будетъ только тѣнью своего средневѣковаго величія, будетъ вновь тѣмъ, чѣмъ было оно исключительно при своемъ возникновеніи,—послѣднимъ утѣшеніемъ для бѣдняковъ“.

Но что такое всѣ люди и все человѣчество съ точки зрѣнія самого-же Гартмана, какъ не тѣ же величайшіе бѣдняки и страдальцы, осужденные на безотрадную скорбь бытія?

И потому предыдущее изрѣченіе Гартмана со всѣмъ удобствомъ можно измѣнить въ томъ смыслѣ, что христіанство (всегда) будетъ послѣднимъ утѣшеніемъ для всего человѣчества...

Это Гартманъ называетъ „тѣнью средневѣковаго величія его“!...

Великую истину ничѣмъ не замѣнимаго и вѣчнаго значенія христіанства для всего рода человѣческаго хотя и неожиданно для самого себя и невольно, но призналъ и самъ Гартманъ. Онъ обмолвился, чтобы сказать правду...

ТРЕТЬЯ СТАДІЯ ИЛЛЮЗИИ.

„Только когда полное сомнѣніе достигнуть счастья со своимъ любезнымъ я овладѣетъ человѣкомъ, только тогда будетъ доступенъ онъ для самоотверженныхъ помышленій—работать только для блага будущихъ поколѣній и только въ процессѣ цѣлаго желать возвыситься до будущаго счастья этого цѣлаго“¹⁾.

Вотъ, по Гартману, естественный переходъ отъ первой и второй стадіи иллюзіи къ третьей. Человѣчество искало уже счастья въ земной жизни и—не нашло его, вѣрило въ его возможность для себя за гробомъ и—убѣдилось въ невозможности этого своего вѣрованія. Ему остается одно: отказаться

онъ утверждаетъ, что Христосъ никогда не говорилъ о Своей смерти, какъ жертвѣ,—и такое мнѣніе онъ не считаетъ нужнымъ подтвердить ни однимъ доказательствомъ... Вступать въ опроверженіе такихъ бездоказательныхъ утвержденій, конечно, излишне.

¹⁾ Philosoph. d. Unbewust. S. 608.

отъ мечтавій счастья *для себя* и жить надеждою счастья для будущихъ поколѣній, какъ живутъ старики надеждою на будущее своихъ внуковъ. Но и эта надежда на счастье будущихъ поколѣній, какъ спѣшить разоблачить Гартманъ,—суетна и обозначается имъ лишь какъ *третья стадія иллюзіи*.

Иллюзорность надежды на счастье, которое принесетъ съ собою прогрессъ, ясно у Гартмана слѣдуетъ уже изъ его критики первой стадіи иллюзіи. Если, какъ онъ доказываетъ,—въ большинствѣ случаевъ невозможность счастья для человѣка на землѣ лежатъ не въ случайныхъ какихъ-либо обстоятельствахъ его жизни, могущихъ быть устраненными съ теченіемъ времени, но прежде всего въ самомъ человѣкѣ,—въ строеніи его нервной системы, въ различномъ отношеніи его сознанія къ горю и радости и т. д., то отсюда со всею очевидностью слѣдуетъ, что доколѣ человѣкъ будетъ человѣкомъ,—прогрессъ не въ силахъ сдѣлать чего либо для его счастья. И наоборотъ даже,—такъ какъ неразвитые люди тупѣе къ воспріятіямъ всѣхъ горестей бытія и потому счастливѣе людей развитыхъ, съ болѣе тонкими нервами и чувствами, то отсюда слѣдуетъ, что прогрессъ или болѣе широкое развитіе въ человѣчествѣ повлечетъ за собою только умноженіе бѣдствій его...

Самые-же источники бѣдствій въ будущемъ, думаетъ Гартманъ,—нисколько не уменьшатся. *Болезни* ничуть не исчезаютъ съ развитіемъ медицины, но и напротивъ—въ своемъ развитіи упреждаютъ ее самое и растутъ въ скорѣйшей прогрессіи. Тоже медицина не въ состояніи будетъ сдѣлать *молодость* достояніемъ всей человѣческой жизни. *Голодъ* всегда будетъ ставить границу умноженію народонаселенія на землѣ. Въ области *нравственной дѣятельности* прогрессъ выражается не уменьшеніемъ зла, а лишь измѣненіемъ его формъ, и преступники нашего времени научаются совершать свои злодѣянія такъ, что они не кажутся грубымъ нарушеніемъ закона и даже вполне повидимому согласны съ нимъ.

Въ области *науки и искусства* замѣчается все болѣе и болѣе рѣдкое появленіе гениевъ по мѣрѣ умственного развитія массы народной: также, какъ пивелировано общество черною

одеждою горожанъ, такъ и въ умственномъ отношеніи мы приближаемся все болѣе и болѣе къ процвѣтанію посредственности, благодаря чему, наслажденіе научнымъ творчествомъ становится все рѣже и рѣже.

Что касается *практическаго приложенія* науки къ жизни въ видѣ заводовъ, желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ etc., то все это, уменьшая, правда, отчасти неудобства человѣческой жизни, ничего не даетъ *положительнаго* для счастья ея.

Политическіе и соціальные успѣхи въ жизни также улучшили условія ея, но чего-либо положительнаго для счастья дать не могли и—не могутъ. Различныя условія жизни это—только форма, въ которую вливается содержаніе—жизнь. Конечно, форма для содержанія существеннаго значенія не имѣетъ, и какъ бы ни была она хороша, содержаніе отъ этого лучше не станетъ. Кромѣ того, къ различнымъ улучшеніямъ въ своей жизни человѣчество скоро привыкаетъ и смотритъ уже на нихъ, какъ на нѣчто обычное, ничего въ ихъ жизни не прибавляющее. А между тѣмъ, по мѣрѣ развитія, неизбежно наблюдается ростъ потребностей жизни, чувствительность нервной системы увеличивается, возвышаются духовныя способности человѣка, а, слѣд., и сознаніе неудовольствія отъ ощущаемаго перевѣса въ жизни горя надъ радостью. „Какъ бремя для носильщика тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ дольше онъ его несетъ, такъ и страданіе человѣчества и сознаніе своего бѣдствія будутъ все расти и расти, пока не станутъ невыносимыми“.

Вотъ участь грядущихъ поколѣній... Иллюзіи разсѣялись, надежды догорѣли, потому что и надѣяться уже не на что... Смертельно усталому человѣчеству остается изо дня въ день влачить разбитое земное тѣло. Высшее достижимое для него благо есть безболѣзненность, потому что гдѣ-же искать еще положительнаго счастья“ ¹⁾?

Но тѣсной связи между ученіемъ Гартмана о первой и третьей стадіяхъ, послѣдняя изъ нихъ не нуждается уже въ

¹⁾ Козловъ: излож. Философ. Безсозн., т. 2, стр. 361.

подробномъ опроверженіи, потому что сказанное въ опроверженіе ученія о первой стадіи иллюзіи вполне приложимо и къ третьей.

Нельзя, конечно, отрицать того факта, что съ развитіемъ человѣчества растутъ и новыя бѣдствія, но нельзя умалчивать и о томъ, что тоже развитіе приноситъ человѣчеству и новыя радости, и массѣ,—съ другой стороны, становятся доступными тѣ наслажденія, какія прежде доступны были лишь избраннымъ и немногимъ людямъ.

Это упускаетъ изъ виду Гартманъ. Когда, напр., онъ говоритъ объ искусствѣ и наукѣ въ будущемъ, какъ источникахъ наслажденія, то видитъ здѣсь зло въ томъ, что „мы приближаемся къ процвѣтанію посредственности“. Допустимъ, что это справедливо, но неужели отъ этого сумма наслажденій на землѣ должна уменьшиться? Неужели можно предполагать, что наслажденія отдѣльныхъ лицъ, какъ-бы они ни были высоки, перевѣсятъ сумму тѣхъ наслажденій, какія станутъ достояніемъ почти всего общества? Гартманъ можетъ возразить на это, что уменьшится собственно наслажденіе творчества въ области науки и искусства, когда станутъ рѣдки гении, и общество само станетъ на ту точку развитія, на которой стоятъ теперь лишь немногія избранныя натуры. Но на это должно сказать, во-первыхъ, что нельзя устанавливать той связи между развитіемъ общества и рѣдкимъ появленіемъ гениевъ, какую устанавливаетъ Гартманъ. Наше время по распространенности образованія—выше, чѣмъ вѣка предшествовавшіе, но не блещетъ-ли оно тѣмъ не менѣе многими славными именами въ области науки и искусства? Если эти имена и не такъ бросаются въ глаза и не такъ кажутся великими, какъ имена, напр., древняго міра, то здѣсь нужно взять во вниманіе, что теперь они и стоятъ не такъ одиноко и потому не такъ выдѣляются изъ массы другихъ ученыхъ. Но отсюда еще вельзя заключать къ тому, что для нихъ наслажденіе творчества стало менѣе доступнымъ: вѣдь, не они приблизились къ посредственности, а посредственность къ нимъ, и сами по себѣ великіе люди нашего и будущаго времени могутъ быть не ниже великихъ людей вѣковъ минувшихъ.

А, во-вторыхъ, должно замѣтить, что наслажденіе въ области науки и искусства далеко не ограничивается однимъ лишь творчествомъ. Если брать суммарную оцѣнку въ этой области получаемыхъ удовольствій, то нѣтъ сомнѣнія, что удовольствія, испытываемыя обыкновенными смертными при пользованіи твореніями великихъ людей, далеко превышаютъ удовольствіе послѣднихъ въ минуты творчества (не качественно, но количественно). Пушкинъ, напр., былъ одинъ, испытавшій удовольствіе творчества въ своихъ произведеніяхъ, а сколько милліоновъ его читателей испытывали наслажденіе отъ чтенія его твореній! Странно было-бы утверждать, что Пушкинъ въ этомъ случаѣ испытывалъ болѣе удовольствія, чѣмъ всѣ вмѣстѣ—взятыя его читатели. И потому, если и согласиться съ Гартманомъ, что наслажденія творчества въ области науки и искусства въ будущемъ уменьшатся, то за то съ развитіемъ общества умножится, такъ сказать, пассивное наслажденіе великими твореніями человѣческаго духа, и слѣд., радости въ разбираемой области станутъ болѣе, чѣмъ прежде.

Вообще и развитіе нервовъ и развитіе интеллектуальное приносятъ человѣчеству не одни скорби, на которыя исключительно указываетъ Гартманъ, но оно-же служитъ источникомъ и новыхъ радостей и наслажденій.

Крайне бездоказательнымъ является Гартманъ въ своихъ дальнѣйшихъ положеніяхъ при критикѣ третьей стадіи иллюзіи. „Болѣзни упреждаютъ развитіе медицины, голодъ попрежнему будетъ класть границу умноженію народонаселенія“... Но гдѣ-же всему этому доказательства? Не говорятъ-ли наоборотъ статистика о повышеніи средней продолжительности жизни у цивилизованныхъ народовъ; не устраняются-ли теперь ужасы голода болѣе скорымъ и легкимъ подвозомъ хлѣба (жел. дороги); не смягчается ли, наконецъ все болѣе и болѣе общественная нравственность, не облагораживается-ли природа человѣка, какъ это видно уже изъ указываемаго самимъ-же Гартманомъ факта перехода порока все въ болѣе и болѣе тонкія формы ¹⁾)?

¹⁾ Ибо чѣмъ объяснить этотъ переходъ, какъ не давленіемъ общественнаго мнѣнія и презрѣнія человѣка къ очевиднымъ проявленіямъ ласпы и обмана?

Но Гартманъ не считаетъ нужнымъ входить въ какія либо подтвержденія своихъ крайнихъ мнѣній и высказываетъ ихъ какъ истины, не требующія доказательствъ, какъ аксіомы...

И это въ вопросѣ о будущемъ человѣчества!...

Въ заключеніе нашего разбора ученія Гартмана о трехъ стадіяхъ иллюзіи должно сказать, что, при всей его несостоятельности, оно поучительно, какъ историческое явленіе, какъ выразительнѣйшій фактъ духовной жизни общества ближайшаго къ намъ времени.

Такого рода ученіе могло явиться только въ то печальное время, когда, при сильно распространившемся увлеченіи матеріалистическою односторонностью, были забыты всѣ высшія потребности человѣка, самъ человѣкъ былъ низведенъ на степень простого животнаго, и испровергнуты были всѣ тѣ высокіе идеалы, какими живетъ его духъ. Такъ и въ древнемъ мірѣ, наряду съ эпикуреизмомъ, проводившимъ въ жизнь свой девизъ: да ямы и піемъ,—утре-бо умремъ—появился и достигъ крайней степени развитія стоицизмъ съ его суровымъ презрѣніемъ жизни.

И связь древняго эпикуреизма съ стоицизмомъ, и связь современнаго матеріализма съ Гартмановскимъ пессимизмомъ ясна и понятна.

Когда подавленные и поцранныя высшія потребности человѣческаго духа выходятъ изъ своего временнаго забвенія и уничтоженія безъ надлежащаго удовлетворенія имъ, когда человѣкъ, очнувшись отъ своего односторонняго служенія плоти вспомнить, наконецъ, и о духовномъ своемъ мірѣ, но останавливается предъ нимъ съ сомнѣніемъ, колебаніемъ и полуотрицаніемъ, то къ чему другому долженъ придти онъ скорѣе всего, какъ не къ пессимизму?

Вездѣ въ этомъ мірѣ онъ видитъ безотрадную, убійственную пустоту: старые идеалы разбиты имъ и повержены въ прахъ, новыя—не выработаны, опредѣленной цѣли въ жизни

Положимъ въ новомъ видѣ порокъ лучше не становится, но важно то, что онъ не смѣетъ обнаруживаться съ прежнимъ безстыдствомъ и наглостью, а это доказываетъ подъемъ нравственныхъ понятій въ обществѣ.

нѣтъ, тѣхъ надеждъ, той вѣры, какія прежде согрѣвали человечество и такъ красили его жизнь онъ болѣе въ себѣ уже не находитъ, а въ этой пустотѣ теряетъ для себя всякое основаніе всеоживляющая человѣческая любовь.

И вотъ жизнь простирается предъ человѣкомъ, „какъ ровный путь безъ цѣли, какъ пиръ на праздникѣ чужомъ“...

Въ такомъ своемъ значеніи вся философія Гартмана и его ученіе о трехъ стадіяхъ иллюзіи въ частности займетъ видное мѣсто въ исторіи, какъ поучительное знаменіе нашего времени; и грядущіе вѣка, грядущія поколѣнія будутъ съ ужасомъ созерцать то печальное время, предъ которымъ разверзлась такая бездна безотраднaго отчаянія, какая раскрывается въ Гартмановскомъ пессимизмѣ.

Константинъ Сильченковъ.

ИЗВѢСТІЯ

п о

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

30 Іюня № 12 1906 года.

Содержаніе. I. Епархіальныя Извѣщенія.—Разрядный списокъ воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи, составленный по окончаніи 1905—1906 учебнаго года.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища.—Отъ Правленія Эмеритальной вассн.—Отъ Совѣта Братства Озерянской Божіей Матери.

I.

Епархіальныя извѣщенія.

1. Обь опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Діаконъ церкви слоб. Великаго Бобрюка, Сучскаго уѣзда, Левъ *Васильковскій* опредѣленъ 5 іюля н. г. на священническое мѣсто при вновь устроенной Сошествіевской церкви, хутора Пѣвнева, Старобѣльскаго уѣзда.

б) Діаконъ церкви слоб. Шелудковки, Зміевского уѣзда, Антоній *Краснокутскій* опредѣленъ 12 іюня н. г. на 2-е священническое мѣсто при Рождество-Богородичной церкви, слоб. Каплуновки, Богодуховскаго уѣзда.

в) Окончившій курсъ въ Харьковской духовной семинаріи Павелъ *Васютинъ* опредѣленъ 14 іюня н. г. на священнич. мѣсто при церкви села Печинь, Ахтырскаго уѣзда.

г) Діаконъ церкви села Ново-Александровки, Изюмскаго уѣзда, Николай *Мигулинъ* опредѣленъ 22-го іюня н. г. на священническое мѣсто при церкви сл. Черкасской Лозовой, Харьковскаго уѣзда.

д) Заштатный священникъ Стефанъ *Толмачевъ* опредѣленъ 22 іюня на священническое мѣсто при Миропосницкой кладбищенской церкви, города Лебедина.

е) Діаконъ церкви села Лозоваго, Богодуховскаго уѣзда, Дмитрій *Деримарко* опредѣленъ 10 іюня н. г. на діаконское мѣсто при церкви слоб. Вировъ, Сумскаго уѣзда.

ж) Потомственный почетный гражданинъ Леонадъ *Луценко* опредѣленъ 4 іюня н. г. на діаконское мѣсто при церкви села Рай Александровки, Изюмскаго уѣзда.

з) Псаломщикъ Харьковской Петро-Павловской церкви Иванъ *Котельниковъ* опредѣленъ 14 іюня н. г. на діаконское мѣсто при церкви слоб. Великаго Бобрива, Сумскаго уѣзда.

н) Псаломщикъ церкви села Юрченкова, Волчанскаго уѣзда, Авраамъ *Делюкс* опредѣленъ 18 іюня н. г. на діаконское мѣсто при Троицкой церкви, слоб. Сѣнной, Богодуховскаго уѣзда.

і) Псаломщикъ Соборной Повровской церкви, города Ахтырки, Григорій *Петровъ* опредѣленъ 22 іюня н. г. на діаконское мѣсто при Вознесенской церкви, слоб. Стецковки, Сумскаго уѣзда.

к) Діаконъ Троицкой церкви, слоб. Сѣнной, Богодуховскаго уѣзда, Лаврентій *Фетисенко* опредѣленъ 14-го іюня н. г. на 1-е псаломщицкое мѣсто при Харьковской Александро-Невской церкви.

л) Сынъ діакона Иванъ *Оржельскій* опредѣленъ 15 іюня н. г. н. д. псаломщика къ церкви слоб. Александровки, Старобѣльскаго уѣзда.

м) Діаконъ церкви слоб. Степановки, Сумскаго уѣзда, Петръ *Сапухинъ* опредѣленъ 15 іюня на псаломщицкое мѣсто при церкви слоб. Вертѣвки, Харьковскаго уѣзда.

н) Учитель школы грамоты Алексѣй *Бойковъ* опредѣленъ 15-го іюня н. д. псаломщика къ церкви слободы Тянушевки, Старобѣльскаго уѣзда.

о) Крестьянинъ Моисей *Стромиловъ* опредѣленъ 15-го іюня н. д. псаломщика къ церкви хутора Цѣлупкова, Старобѣльскаго уѣзда.

п) Учитель Иванъ *Чернецкій* опредѣленъ 15 іюня н. д. псаломщика къ церкви слоб. Хатнай, Волчанскаго уѣзда.

р) Сынъ священника Захарій *Анисимовъ* опредѣленъ 15 іюня н. д. псаломщика къ церкви слоб. Мѣловатки, Купянскаго уѣзда.

с) Занятный псаломщикъ Александръ *Ивановъ* опредѣленъ 15 іюня н. д. псаломщика къ церкви села Глазуновки, Зміевскаго уѣзда.

т) Бывшій воспитаникъ 1 класса Духовной Семинаріи Іосифъ *Чиркинъ* опредѣленъ 15 іюня н. д. псаломщика къ церкви села Лозоваго, Богодуховскаго уѣзда.

у) Къ Троицкой церкви села Гракова, Зміевскаго уѣзда, опредѣленъ 15 іюня ищравляющимъ должность псаломщика Тимошей *Елизаровъ*.

ф) Крестьянинъ Семень *Заболотный* опредѣленъ 15 іюня н. д. псаломщика къ церкви села Гречишкына, Старобѣльскаго уѣзда.

х) Крестьянинъ Михаилъ *Чернуха* опредѣленъ 15 іюня н. д. псаломщика къ Харьковской Петро-Павловской церкви.

ц) Сынъ псаломщика Иванъ *Виноградскій* опредѣленъ 20-го іюня н. д. псаломщика къ церкви сл. Цавловки, Богодуховскаго уѣзда.

2. О перемѣщеніи священно-церковно-служителей на другія мѣста.

а) Священникъ церкви села Ястребеннаго, Сумскаго уѣзда, *Теодеръ Торанскій* перемѣщенъ 12 іюня на священническое мѣсто при Преображенской церкви, города Бѣлополья, Сумскаго уѣзда.

б) Священникъ церкви сл. Черкасской Лозовой, Харьковскаго уѣзда, *Іоаннъ Петрусенковъ* перемѣщенъ 16 іюня на 2-е священническое мѣсто при Покровской церкви, города Богодухова.

в) Діаконъ церкви слоб. Лашиновки, Старобѣльскаго уѣзда, *Андрей Троицкій* перемѣщенъ 16 іюня на діаконское мѣсто при церкви слоб. Шелудковки, Зміевского уѣзда.

г) Священники церквей: Успенской, слоб. Бѣлокуракиной, Старобѣльскаго уѣзда, *Михаилъ Шишловъ* и Свято-Духовской, слоб. Коноповки, того же уѣзда, *Михаилъ Ветуховъ* перемѣщены 15-го іюня одинъ на мѣсто другого.

д) Псаломщикъ церкви слоб. Ново-Ахтырки, Старобѣльскаго уѣзда, *Петръ Бѣлусовъ* перемѣщенъ 15 іюня на псаломщицкое мѣсто при Николаевской церкви, города Купянска.

е) Псаломщикъ церкви села Гречишкина, Старобѣльскаго уѣзда, *Иванъ Любарскій* перемѣщенъ 15 іюня на псаломщицкое мѣсто при церкви слоб. Ново-Ахтырки, того же уѣзда.

ж) Псаломщикъ церкви слоб. Хатней, Волчанскаго уѣзда, *Лука Шиненко* перемѣщенъ 15 іюня на псаломщицкое мѣсто при церкви слоб. Бѣлаго Колодезя, Волчанскаго уѣзда.

з) Псаломщикъ церкви слоб. Мѣловатки, Купянскаго уѣзда, *Петръ Полницкій* перемѣщенъ 15 іюня на псаломщицкое мѣсто при церкви хутора Пѣвнева, Старобѣльскаго уѣзда.

і) Псаломщики церквей: Іоанно-Предтеченской, села Основы, Харьковскаго уѣзда, *Василій Косовъ* и Вознесенской, слоб. Люботина, Валковскаго уѣзда, *Григорій Торанскій* перемѣщены 16 іюня одинъ на мѣсто другого.

к) Псаломщикъ церкви села Малой-Алексѣвки, Харьковскаго уѣзда, *Николай Пономаревъ* и н. д. псаломщика церкви слоб. Шабельковки, Изюмскаго уѣзда, *Сергій Скляръ* перемѣщены 16 іюня одинъ на мѣсто другого.

л) Псаломщики церквей: села Городнаго, Богодуховскаго уѣзда, *Павелъ Потановъ* и слоб. Козѣвки, Богодуховскаго уѣзда, *Андрей Клементовъ* перемѣщены 16 іюня одинъ на мѣсто другого.

м) Н. д. псаломщиковъ церквей: села Гавриловки, Харьковскаго уѣзда, *Михаилъ Малиженевскій* и села Синолицовки, того же уѣзда *Митрофанъ Пономаревъ* перемѣщены 21 іюня одинъ на мѣсто другого.

н) И. д. псаломщика церкви, слоб. Охочей, Зміевского уѣзда, Александръ *Поддубный* и слоб. Богородичной, Купянского уѣзда, Василій *Мухинъ* перемѣщены 24 іюня одинъ на мѣсто другого.

3. Объ увольненіи за штатъ.

Псаломщикъ церкви села Графскаго, Волчанскаго уѣзда, Георгій *Черкасовъ* уволенъ за штатъ 19 іюня 1906 года.

4. О смерти среди духовенства.

Псаломщикъ Николаевской церкви, слоб. Николаевки, Изюмскаго уѣзда, Стефанъ *Чернявскій* умеръ 15 іюня н. года.

5. Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Къ Рождество-Богородичной церкви, слободы Великой-Камышевахи, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 11-го іюня старостою крестьянинъ Евтихій *Бъланъ*.

б) Къ церкви сл. Смородьковки, Купянскаго уѣзда, утвержденъ 11 іюня старостою крест. Митрофанъ *Григоровъ*.

в) Къ церкви села Гіевки, Харьковскаго уѣзда, утвержденъ 11 іюня н. г. старостою князь Петръ-Димитріевичъ *Святотолкъ-Мирскій*.

г) Къ церкви слоб. Ново-Осиповой, Купянскаго уѣзда, утвержденъ 16 іюня старостою крестьянинъ Яковъ *Шійка*.

д) Къ Рождество-Богородичной церкви гор. Валокъ утвержденъ 15 іюня старостою крестьянинъ Николай *Бреславецъ*.

е) Къ Харьковской Благовѣщенской церкви утвержденъ 18 іюня старостою почет. гражданинъ Иванъ *Игнатищевъ*.

6. Объ утвержденіи въ должности псаломщика.

И. д. псаломщика Вознесенской церкви, слоб. Песокъ, Изюмскаго уѣзда, Андрей *Евфимовъ* утвр. въ должности псаломщика 6 іюня 1906 года.

7. О присоединеніи къ православію.

Причтомъ Николаевской церкви, сл. Ново-Николаевки, Купянскаго уѣзда, 16 апрѣля 1906 года присоединенъ къ православію изъ раскола Австрійскаго толка крестьянинъ Яковъ Димитріевъ *Гавриловъ* 26 лѣтъ.

8. Объ утвержденіи должностныхъ лицъ.

а) Священникъ Рождество-Богородичной церкви, гор. Чугуева, Зміевского уѣзда Алексій *Жадановскій* назначенъ благочиннымъ 1 округа Зміевского уѣзда 13 іюня н. года.

9. В а к а н т н ы я м ѣ с т а.

а) Священническія.

При Сергіевской церкви Харьковской 2-й гимназіи.

- Пророко-Ильинской церкви, хут. Цѣлуйкова, Старобѣльскаго уѣзда.
- Василіевской церкви, села Ястребеннаго, Сумскаго уѣзда.
- Вознесенской церкви, хутора Курячевки 2-й, Старобѣльскаго уѣзда.

б) Діаконскія.

При Преображенской церкви на мѣстѣ чудеснаго событія 17 октября 1888 г

в) Псаломщики:

При Маріе-Магдалинской церкви Харьковскаго Института благор. дѣвицъ.

- Сергіевской церкви, Харьковской 2-й гимназіи.
- Осіо-Андреевской церкви Харьковскаго Реальнаго училища.
- Николаевской церкви, сл. Николаевки, Изюмскаго уѣзда.
- Андреевской церкви, с. Графскаго, Волчанскаго уѣзда.
- Соборной Покровской церкви, города Ахтырки.
- Іоанно-Предтеченской церкви, с. Терешковки, Сумскаго уѣзда.
- Сошествіевской церкви, села Курячевки 2-й, Старобѣльскаго уѣзда.
- Покровской церкви, слоб. Ворожбы, Сумскаго уѣзда.
- Троицкой церкви, села Юрченкова, Волчанскаго уѣзда.

РАЗРЯДНЫЙ СПИСОКЪ

воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи, составленный по окончаніи 1905—1906 учебнаго года.

6 класса. Окончившіе курсъ семинаріи.

1-й разрядъ. 1. Николай Хорошковъ—награжденъ медалью, Михаилъ Черныкинъ—награжденъ книгою, Андрей Добрецкій.

2-й разрядъ. Андрей Николаевскій, 5. Александръ Сапухинъ, Василій Алферовъ, Гавріилъ Добрецкій, Дмитрій Яновскій, Александръ Олейниковъ, 10. Александръ Эллискій, Автономъ Жуковъ, Алексій Вардаевъ, 13. Николай Чарторыжскій.

5 класса. Переведены въ 6 классъ.

1-й разрядъ. 1. Александръ Базилевичъ, Леонидъ Любицкій, Сергій Владыковъ.

2-й разрядъ. Филадельфъ Балазовскій, 5. Николай Инниковъ, Константинъ Лядскій, Константинъ Оглоблинъ, Иванъ Павловскій, Петръ

Суховъ, 10. Андрей Кузнецовъ, Константинъ Архангельскій, Андрей Дзюбановъ, Стефанъ Дзюбановъ, Николай Евтушенко, 15. Стефанъ Левадный, Михаилъ Хижниковъ, Михаилъ Дзюбановъ, Викторъ Сергѣевъ, Василій Федоровъ, 20. Павелъ Краснокутскій, Дмитрій Селезневъ, Иванъ Матвѣевъ, Александръ Артюховскій, Иванъ Поповъ, 25. Григорій Цыбулевскій, Петръ Измайловъ, Григорій Быковцевъ.

Допущены къ экзамену по всемъ предметамъ 5 класса послѣ капикулъ: 28. Иванъ Стахевичъ.

4 класса. Переведены въ 5-й классъ.

1-й Разрядъ. 1. Юсифъ Стефановъ, Алексѣй Лонгиновъ, Иванъ Гавриловъ, Николай Иванущенко, 5. Сергѣй Иванущенко, Александръ Мигулинъ, Иванъ Ладный, Николай Шебатицскій.

2-й разрядъ. Дмитрій Крохатскій, 10. Тимошей Дмитриевъ, Антоній Шебатицскій, Данилъ Пантелеймоновъ, Михаилъ Яповскій, Павелъ Безугловъ, 15. Владиміръ Бѣлогорскій, Евгенийъ Жуковъ, Петръ Рубинскій, Михаилъ Соколовскій, Геннадій Безугловъ, 20. Сергѣй Ильинскій, Михаилъ Чугаевъ, Николай Бородаевскій, Стефанъ Горошко, Яковъ Евтушенко, 25. Николай Матвѣевъ, Гаврилъ Грузовъ, Амвросій Краснопольскій, Александръ Крыжановскій, Григорій Слоневскій, 30. Гаврилъ Федоровскій, Александръ Тимошеевъ, Владиміръ Базилевичъ, Апатолій Сильванскій, Владиміръ Сѣвирскій, 35. Георгій Твердохлѣбовъ, Тимофей Артюховскій, Иванъ Бородаевскій, Григорій Горанъ, Василій Новицкій, 40. Павелъ Новицкій, Андрей Новомірсскій, Владиміръ Андреевъ, Левъ Браиловскій, Николай Вербицкій, 45. Николай Крыжановскій, Федоръ Степурскій, Михаилъ Торанскій, Данилъ Ястремскій.

Допущены къ экзаменамъ послѣ капикулъ:

Иванъ Касьяновъ — по церковному пѣнію, 50. Викторъ Бородаевъ — по всемъ предметамъ 4-го класса.

3 норм. класса. Переведены въ 4 классъ.

1-й разрядъ. 1. Георгій Федоровъ.

2-й разрядъ. Александръ Капустинъ, Валентинъ Подикарповъ, Левъ Пономаревъ, 5. Викторъ Андреевъ, Михаилъ Чернявскій.

Допущены къ экзамену послѣ капикулъ:

Николай Петровичъ — по латинскому языку, сочиненію и церковному пѣнію. Николай Церковицкій, Александръ Жуковскій — по всемъ предметамъ 3-го класса.

Оставлены на повторительный курсъ въ томъ же классѣ по болѣзни:

10. Николай Агнивцевъ, Андрей Власовскій, Иванъ Ивановъ, Александръ Оболенцевъ, 15. Василій Рудницкій, Андрей Ступницкій, 16. Дмитрій Трегубовъ.

3 паралл. класса. Переведены въ 4 классъ.

1-й разрядъ. 1. Георгій Филипповъ, Дмитрій Мухинъ, Тимошей Василенко.

2-й разрядъ. Александръ Еввмовъ, 5. Николай Подлуцкій, Дмитрій Щербина, Иванъ Лукашевъ, Миланъ Ивановичъ, Николай Семейкинъ, 10. Владиміръ Бравловскій, Алексѣй Татарщовъ, Николай Титовъ, Космыя Щелоковскіи, Алексѣй Базилевичъ, 15. Владиміръ Дзюбановъ, Пинолтъ Шашловъ, Григорій Бутковъ, 18. Михаилъ Ястремскій.

2 норм. класса. Переведены въ 3 классъ.

1-й разрядъ. 1. Александръ Рудницкій — награжденъ книгою, Викторъ Павловъ, Александръ Емельяненко, Николай Поиоровскій.

2-й разрядъ. 5. Дмитрій Краснокутскій, Владиміръ Олейниковъ, Владиміръ Рубинскій, Иванъ Рубинскій, Семенъ Павловскій, 10. Андрей Шебатинскій, Алексѣй Федоровъ, Антоній Карповъ, Тимошей Карповъ, Дмитрій Поповъ, 15. Анатолій Краснокутскій, Николай Сергѣевъ, Иванъ Прокоповичъ, Иванъ Черныкинъ.

Допускаются къ экзамену послѣ канікулъ:

Дмитрій Бѣлковъ — по сочиненію, Герасимъ Дзюбановъ, Василій Ковалевскій, Владиміръ Коробчанскій, Михаилъ Макухинъ, Иванъ Спльвацскій, Всеволодъ Опрятскій, 25. Иванъ Элпатскій, Борисъ Яценко — по всѣмъ предметамъ второго класса.

Остается на повторительный курсъ въ томъ же классѣ по болѣзни 28. Григорій Котляревскій.

2 паралл. класса. Переведены въ третій классъ.

1-й разрядъ. 1. Иванъ Подлуцкій, Викторъ Сулима.

2-й разрядъ. Валеріанъ Бравловскій, Николай Самодаевъ, 5. Викторъ Луценко, Михаилъ Лонгиновъ, Леонидъ Полницкій, Леонидъ Луценко, Николай Бѣлковъ, 10. Осефанъ Бѣлоусовъ, Михаилъ Дмитріевъ, Борисъ Овверскій.

Допускаются къ экзамену послѣ канікулъ:

Николай Грузовъ — по сочиненію, Александръ Пономаревъ, 15. Дмитрій Середницъ — по всѣмъ предметамъ второго класса.

Остается на повторительный курсъ въ томъ же классѣ по болѣзни. 16. Владиміръ Агнивцевъ.

1 норм. класса. Переведены во второй классъ.

1-й разрядъ. 1. Борисъ Волобуевъ, Владиміръ Королевъ.

2-й разрядъ. Владиміръ Леницкій, Констангинъ Касьяновъ, 5. Николай Прокоповичъ, Николай Матвѣевъ, Алексѣй Знаменскій, Василій Бутковскій, Михаилъ Гавриловъ, 10. Василій Бородаевъ, Николай Евимовъ, Сергѣй Якубовичъ, Петръ Вертеловскій, Стефанъ Пивоваровъ, 15. Сергѣй Опесивцевъ, Николай Толмачевъ, Николай Архангельскій, Захарій Гончаревскій, Николай Дьяковъ, 20. Петръ Нечаевъ, Андрей Протопоповъ, Николай Согапъ, Борисъ Ѳедоровскій, Николай Москалевъ, 25. Павелъ Муханъ, Дмитрій Хорошковъ.

Допускаются къ экзамену послѣ каникулъ:

Викторъ Новецкій—по сочиненію, Павелъ Торанскій—по греческому языку, Михаилъ Ѳедоровъ—по словесности, 30. Александръ Стаховскій—по латинскому языку, Владиміръ Молчановскій—по гражданской исторіи и латинскому языку, Михаилъ Рубинскій—по математикѣ, греческому языку и сочиненію, Яковъ Родничко, Александръ Строевскій, 35. Ѳедоръ Фіалковскій—по всѣмъ предметамъ перваго класса.

Оставляются на повторительный курсъ въ первомъ классѣ:

Григорій Лядскій—по болѣзнь, 37. Григорій Стаховскій—по малоуспѣшности.

1 паралл. класса. Переведены во второй классъ.

1-й разрядъ. 1. Ивацъ Балужный, Ивацъ Стрѣльцовъ, Петръ Малиженевскій, Николай Касьяновъ.

2-й разрядъ. 5. Порфирій Бервневъ, Алексѣй Власенко, Илья Рубинскій, Павелъ Коваловъ, Николай Лигкевичъ, 10. Викторъ Ильинскій, Александръ Ковалевскій, Михаилъ Николаевскій, Владиміръ Гитовъ, Алексѣй Бондаревъ, 15. Ивацъ Дьяковъ, Петръ Мигулицъ, Дмитрій Мильскій, Николай Базилевичъ, Андрей Гораничъ, 20. Дмитрій Ермоленко, Николай Звѣревъ, Анатолій Жуковъ, Василій Колосовскій, Алексѣй Платоновъ, 25. Николай Самойловъ, Павелъ Торанскій, Алексѣй Папкратьевъ, Яковъ Строевскій.

Допущены къ экзамену послѣ каникулъ:

Александръ Богачевъ, 30. Георгій Иванецкій, Петръ Рубинскій—по сочиненію, Яковъ Лѣпскій, Семенъ Олейниковъ—по математикѣ, Петръ Папкратьевъ—по латинскому языку, 35. Николай Якубовичъ—по священному писанію, Павелъ Кашикъ—по всѣмъ предметамъ 1 класса.

Оставлены на повторительный курсъ въ томъ же классѣ:

Владиміръ Крыжановскій, Яковъ Мартышенко, 39. Петръ Раевскій—по малоуспѣшности.

Нижеслѣдующимъ воспитанникамъ, въ февралѣ 1906 года временно уволеннымъ изъ Семинаріи, предоставляется къ 1-му августа сего года подать прошенія объ обратномъ приѣмѣ въ Семинарію съ указаніемъ, желаютъ ли они остаться на повторительный курсъ или держать экзамены для перевода въ слѣдующіе классы: 6-го класса—Василію Филиппенку, 4-го класса—Ивану Гилунову, Глѣбу Голяко-Захаржевскому, Якову Матвѣеву, Алексѣю Ильинскому, Николаю Тугарянову, Владиміру Мухину, 3-го нормального класса—Василію Индутному, Леониду Коробкину, Борису Кустовскому, Александрѣ Насѣдкину, 3-го параллельнаго класса—Александрѣ Степурекскому, Мпхаилу Ѳедорову, 2-го нормального класса—Антонію Авксентьеву, Лукѣ Минченко, Алексѣю Мухину, 2-го параллельнаго класса—Василію Гилунову, Леонію Жуковскому, Константину Звѣскину, Антонію Кириллову, Іосифу Макухину, 1-го нормального класса—Валеріану Царевскому, 1-го параллельнаго класса—Александрѣ Пономареву и Іосифу Спасскому.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

Правленіе Семинаріи доводитъ до свѣдѣній родителей и опекуновъ воспитанниковъ Семинаріи, а также всѣхъ вновь поступающихъ слѣдующее:

1) Приемные экзамены для поступленія во всѣ классы семинаріи и переводные для воспитанниковъ семинаріи, неудовольственныхъ переводомъ въ слѣдующіе классы, будутъ начаты въ настоящемъ году 21, а классныя занятія 31 августа.

2) Окончившіе въ нынѣшнемъ году курсъ въ духовныхъ училищахъ съ правомъ перевода въ семинарію, желающіе поступить въ первый классъ семинаріи, должны подать о семъ прошенія къ 15 августа на имя о. ректора семинаріи. Но окончившіе курса въ сихъ училищахъ, но желающіе поступить въ семинарію, должны будутъ держать экзамены при семинаріи по всѣмъ предметамъ 4-го класса духовныхъ училищъ. (См. росписаніе).

3) Въ поступающіе въ семинарію лица свѣтскаго званія обязаны внести плату за обученіе впередъ за весь годъ 40 руб. или за полугодіе 20 руб., безъ чего не будутъ приняты въ семинарію.

4) Всѣ воспитанники семинаріи, желающіе быть принятыми на казенное содержаніе, или получить пособіе изъ епархіальныхъ суммъ, кромѣ спротивъ духовнаго званія, уже состоящихъ на казенномъ содержаніи, должны

подать о семъ прошеніе на имя о. ректора семинаріи непремѣнно къ 1-му августа сего года съ приложеніемъ благочиннаго удостовѣренія о бѣдности, въ коемъ должно быть описано имущественное состояніе отца и составъ его семейства, съ указаніемъ сколько дѣтей и на чей счетъ воспитываются въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

5) Воспитанники, не принятые на казенное содержаніе, должны быть помѣщены въ семинарскомъ общежитіи со взносомъ 125 руб., а инословные 185 руб., въ годъ. Эта плата должна быть вносима по третямъ: къ 1 сентября—42 р. 50 к., а инословные 62 р. 50 к., къ 15 ноября—40 руб., а инословные 60 руб. и къ 1 марта—42 р. 50 к., а инословные 62 р. 50 к., каждый. Кроме того всѣ вновь поступающіе своекоштные ученики обязаны внести эконому семинаріи одновременно за все время обученія въ семинаріи 15 руб. на первоначальное обзаведеніе и 5 руб. на приобрѣтеніе учебниковъ. Воспитанники, не уплатившіе взносовъ за прошлый годъ, а также тѣ, которые не внесутъ полностью денегъ за первую треть 1906/7 учебного года, *не будутъ приняты въ общежитіе н ссать какикулъ.*

6) Всѣ воспитанники семинаріи обязаны имѣть форменную одежду установленнаго образца безъ всякихъ отступленій. При заказѣ для казеннокоштныхъ воспитанниковъ сукошная форменная пара обходится 17 руб., будничная въ 6 р. 90 к., теплое пальто въ 17 р. 50 к. и фуражка въ 1 руб., по этой же цѣнѣ можетъ быть заказываема одежда и для желающихъ своекоштныхъ воспитанниковъ.

7) *Дирекція проситъ родителей и опекуновъ воспитанниковъ семинаріи дѣлать взносы за нихъ лично эконому или посылать по почтѣ на имя Дирекціи, а не передавать черезъ самихъ воспитанниковъ.*

Расписаніе пріемныхъ экзаменовъ и переекзаменовъ въ Харьковской Духовной Семинаріи въ августъ 1906 года.

Экзамены для воспитанниковъ семинаріи и пріемные экзамены для поступающихъ въ старшіе классы семинаріи.

Пріемные экзамены для поступающихъ въ первый классъ семинаріи.

21 авг. Русское сочиненіе.

Письменная работа.

22 „ Священное писаніе, церковная исторія, библейская исторія, математика, физика и психалія.

Арифметика.

23	»	Греческій языкъ, философія, психологія, логика и дидактика.	Греческій языкъ.
24	»	Комплетика, литургика, руководство для пастырей и гражданская исторія.	Церковный уставъ и географія.
25	»	Латинскій языкъ, словесность, исторія русской литературы и церковное пѣніе.	Латинскій, русскій и церковно-славянскій языки и церковное пѣніе.
26	»	Богословіе: основное, догматическое и нравственное, исторія и обличеніе раскола и обличительное богословіе.	Катихизисъ.

Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища.

Совѣтъ училища извѣщаетъ духовенство Харьковской епархіи, что передержка экзаменовъ во всѣхъ классахъ училища назначена на 22 и 23 августа н. г., а приемные экзамены для поступленія въ подготовительный классъ назначены на 24 и 25 августа н. г., при чемъ Совѣтъ училища предупреждаетъ, что всѣ дѣвицы, которыя не явятся въ означенные дни къ экзамену или переекзаменовкѣ, не будутъ вносльдствіи допущены къ экзамену вовсе, а къ переекзаменовкѣ безъ представленія достаточно уважительныхъ причинъ неявки своевременно.

Отъ Правленія Эмеритальной кассы.

Въ виду многочисленныхъ запросовъ, получаемыхъ Правленіемъ кассы отъ о.о. благочинныхъ и многихъ частныхъ лицъ, о времени открытіи дѣйствій погребальной кассы, а также о порядкѣ представленія и о размѣрахъ какъ единовременныхъ взносовъ, на составленіе запаснаго капитала, такъ и постоянныхъ—на каждый смертный случай, Правленіе эмеритальной кассы имѣетъ честь сообщить, что вслѣдствіе нѣкоторыхъ существенныхъ упущеній въ уставѣ погребальной кассы, ставящихъ немалыя затрудненія къ ея открытію, какъ на примѣръ, отсутствіе указаній на размѣръ единовременныхъ взносовъ, изъ которыхъ по § 4 устава должны составляться

запасный капиталъ, Правленіе эмеритальной кассы, въ видахъ скорѣйшаго открытія дѣйствій кассы, журналомъ отъ 2-го мая с. г. за № 367 ходатайствовало предъ Его Высокопреосвященствомъ о внесеніи нѣкоторыхъ дополнительныхъ статей въ уставъ погребальной кассы съ тѣмъ, чтобы утвержденіе этихъ дополненій было предметомъ разсмотрѣнія будущаго Епархіальнаго Съѣзда. На означенномъ журналѣ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства отъ 29 мая н. г. за № 978, въ силу которой вышеозначенный журналъ Правленія кассы о желательныхъ дополненіяхъ устава погребальной кассы долженъ быть представленъ на разсмотрѣніе Епархіальнаго Съѣзда духовенства, вмѣющаго быть въ сентябрѣ мѣсяцѣ сего 1906 года.

Такимъ образомъ, открытіе дѣйствій „Кассы взаимопомощи на случай смерти“ временно задержано до будущаго Епархіальнаго Съѣзда и взысканіе и представленіе въ настоящее время всякихъ взносов въ погребальную кассу будетъ преждевременно.

Доводя о всемъ вышензложенномъ до свѣдѣнія духовенства епархіи, Правленіе эмеритальной кассы, въ отвѣтъ на запросы вдовъ и другихъ членовъ семействъ умершихъ въ семь 1906 году священно и церковнослужителей епархіи, выражаетъ увѣренность, что такъ какъ постановленіе Епархіальнаго Съѣзда 1905 года объ открытіи дѣйствій кассы взаимопомощи съ 1 января 1906 года, утвержденное въ свое время резолюціею Его Высокопреосвященства, остается въ силѣ, то и всѣ семейства умершихъ въ семь 1906 году священно-церковно-служителей епархіи, послѣ разсмотрѣнія Съѣздомъ добавленій устава погребальной кассы, могутъ получить установленное пособіе. Во всякомъ случаѣ теперь это будетъ въ зависимости отъ такого, или иного рѣшенія Епархіальнаго Съѣзда.

Отъ Совѣта Братства Озерянской Божіей Матери.

Отъ Совѣта Братства Озерянской Божіей Матери объявляется, что общія собранія всѣхъ членовъ Братства, разрѣшенныя Высокопреосвященнымъ Архіепископомъ Харьковскимъ Арсеніемъ, въ теченіе втораго полугодія текущаго года, назначены на слѣдующіе дни:

Іюль 13-е, четвергъ.

Августъ 17-е, четвергъ.

Сентябрь 12-е, вторникъ.

Октябрь 10-е, вторникъ и 24-е, вторникъ.

Ноябрь 9-е, четвергъ и 23-е, четвергъ и

Декабрь 14-е, четвергъ.

II.

Содержаніе. II Недоразумѣніе. Л.—Изъ залы собраній харьковскаго духовенства. Священника Н. Липскаго.—Къ вопросу о преобразованіи учебныхъ курсовъ въ нашихъ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ. (Окончаніе). Священника Н. Вознесенскаго.—Епархіальная хроника.—Архіерейскія Богослуженія.—Отрадное проявленіе религиозно-патріотическаго чувства крестьянъ и временно-проживающихъ жителей села Щурова, Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи.—Слово, произнесенное 1-го іюня с. г. священникомъ І. Котовымъ въ домовоіи церкви при Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ —Доброе дѣло.—Памяти о. Іоанна Ковалева.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Епископъ и духовенство —Няжегородскій магазинъ церковной утвари. Пастырскія собранія въ Кяшеневской епархіи по вопросу объ устроеніи церковно-приходской жизни.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Графъ Толстой о думѣ.—Комиссія графа Игнатъева по дѣламъ вѣры.—Новый проектъ церковно-учительскихъ школъ.—Объявленія.

Недоразумѣніе.

Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ святѣйшій Синодъ отлучилъ гр. Льва Толстого отъ Церкви, слышались голоса, что онъ не имѣлъ права этого дѣлать, что во имя геніальности великаго писателя слѣдовало бы простить ему его заблужденія, что по высотѣ и чистотѣ своихъ нравственныхъ воззрѣній, а также по своему образу жизни, Толстой болѣе близокъ къ христіанству, чѣмъ многіе изъ тѣхъ, которые считаются истинно православными. Наконецъ, въ послѣднее время, по поводу манифеста 17-го октября, высказывалось даже мнѣніе, что Церковь должна снять отлученіе съ великаго писателя, такъ какъ теперь объявлена свобода совѣсти.

Слыша подобныя разсужденія съ горечью приходится убѣждаться, насколько иногда оказывается неспособнымъ наше общество ориентироваться въ вопросахъ этико-философскаго и религіознаго характера, насколько наивно оно путаетъ совершенно различныя понятія, насколько не умѣетъ устанавливать связь между общими и частными положеніями, дѣлая изъ посылокъ совсѣмъ не тѣ заключенія, которыя изъ нихъ слѣдуютъ.

Вѣдь не надо забывать, что отлученіе кого-либо отъ Церкви не есть наказаніе, тѣмъ болѣе не есть проклятiе въ смыслѣ пожеланія отлученному вѣчной гибели. Апаема въ этомъ смыслѣ была бы совершенно не сообразна съ духомъ христіанства—религіи любви и всепрощенія. Отлученіе отъ Церкви есть простое засвидѣтельствованіе того, что есть простое

не измѣнить своихъ убѣжденій, онъ будетъ пребывать внѣ Церкви, независимо отъ тѣхъ или другихъ государственныхъ законовъ, и св. Синодъ не будетъ имѣть ни малѣйшаго основанія къ измѣненію своего опредѣленія

Л.

ИЗЪ ЗАЛЫ СОБРАНІЙ ХАРЬКОВСКАГО ДУХОВЕНСТВА.

По благословенію Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Арсенія, въ залѣ Д. Консисторіи съ прошлаго мая устраиваются собранія священно-церковнослужителей г. Харькова и случайно въ дни собраній пріѣзжающихъ въ Харьковъ духовныхъ лицъ изъ епархіи. Цѣль собраній—братскій обмѣнъ мнѣній по церковно-практическимъ и другимъ вопросамъ, выдвигаемымъ жизнью и литературой, почему-либо интересующимъ духовенство. Пока собранія происходятъ одинъ разъ въ мѣсяцъ, но съ сентября предположено устраивать такія собранія два раза въ мѣсяцъ.

На одномъ изъ бывшихъ собраній, между прочимъ возбуждался вопросъ о нашемъ духовномъ журналѣ—„Вѣра и Разумъ“, о его будто-бы малопригодности для духовенства епархіи. Изъ происходившаго по этому вопросу обмѣна мнѣній выяснилось, между прочимъ, что журналъ не подходит ко вкусамъ многихъ изъ духовенства. Заявляли, папримѣръ, о такомъ печальномъ фактѣ, будто большинство духовенства совсѣмъ не читаетъ ни церковнаго, ни философскаго отдѣловъ журнала, что книжки журнала, обязательнаго къ выпискѣ для церквей на церковныя средства, не только не переплетаются, но и не сохраняются въ какомъ бы то ни было видѣ, а употребляются ипогда для цѣлей чисто хозяйственныхъ: нѣкоторыя деревенскія матушки покрываютъ ими кувшины съ молокомъ. Объясняли это тѣмъ, что въ журналѣ—въ церковномъ и философскомъ отдѣлахъ—печатаются слишкомъ серьезныя, слишкомъ ученныя статьи, которыя не по силамъ не только сельскому батюшкѣ, но и многимъ изъ городского духовенства. Высказывалось поэтому пожеланіе приблизить журналъ ко вкусамъ и потребностямъ и умственному уровню средняго читателя изъ духовенства, не печатать слишкомъ специальныхъ,

ученыхъ трактатовъ, переводовъ съ иностранныхъ языковъ и т. п. Говорилось, далѣе, что подписная цѣна изданія—10 р. въ годъ слишкомъ высока: въ Харьковѣ можно будто-бы издавать журналъ много дешевле, какъ это показываетъ опытъ о. Филевскаго, который издаетъ „Церковную Газету“ за 4 р. въ годъ.

Наконецъ, кое-кто высказывалъ пожеланіе, чтобы редактированіе журнала и его изданіе, по крайней мѣрѣ, третьяго изъ его отдѣловъ, было передано въ руки епархіальнаго духовенства, тогда какъ до сихъ поръ журналъ издавался при семинаріи.

Рискуя встрѣтить несочувственное отношеніе со стороны, быть можетъ, большинства духовенства, рѣшаюсь тѣмъ не менѣе сдѣлать кое-какія возраженія противъ только-что приведенныхъ мнѣній.

Говорятъ, что журналъ „Вѣра и Разумъ“ по своему содержанию не доступенъ для средняго читателя изъ духовенства, что этотъ средній читатель не доросъ до пониманія слишкомъ серьезнаго матеріала, печатаемаго въ журналѣ, и что поэтому нужно нѣсколько упростить содержаніе книжекъ журнала, отказаться отъ печатанія ученыхъ и философскихъ трактатовъ. Къ сожалѣнію, нужно согласиться съ тѣмъ, что умственный уровень нашего духовенства, въ особенности сельскаго, не особенно высокъ; жизнь въ деревнѣ не только не благоприятствуетъ обновленію и расширенію тѣхъ званій, какія кандидатъ священства выноситъ изъ семинаріи, но часто притупляетъ, заглушаетъ, вытравляетъ тотъ интересъ, ту жажду знанія, какую успѣла возбудить въ немъ духовная школа.

Болѣе десятка лѣтъ послѣ окончанія семинаріи мнѣ пришлось прожить въ деревнѣ и вотъ какія воспоминанія остались у меня отъ этой жизни. Глухой уголокъ на сѣверѣ Черниговской губерніи. Приходъ мой—очень большое село съ населеніемъ, состоящимъ исключительно изъ крестьянъ. Самымъ интеллигентнымъ лицомъ въ приходѣ былъ сельскій писарь, получившій образованіе у мѣстнаго дьячка. Школы въ приходѣ не было, слѣдовательно не было и учителя; не было даже и урядника. Почтовая станція въ 25 верстахъ, ближай-

шій городъ въ 40 верстахъ, о желѣзной дорогѣ въ этой мѣстности слыхомъ не слыхать. Словомъ, медвѣжій уголь въ собственномъ смыслѣ. Вообразите положеніе молодого священника, у котораго не заглохли еще умственные запросы, который не прочь почитать, подѣлиться съ кѣмъ-нибудь впечатлѣніями отъ прочитанаго и т. п. Правда, я выписывалъ журналы и газеты, но я уже сказалъ, что ближайшая почтовая станція въ 25 верстахъ. Можете поэтому судить, какъ исправно получалась корреспонденція... Длинный осенній вечеръ, мелкій дождикъ стучитъ въ окно, вѣтеръ заунывно воетъ въ трубѣ, и вы одинъ бродите изъ угла въ уголь по комнатѣ, не зная, за что взяться, ибо весь печатный матеріалъ, какой вы имѣете въ своемъ распоряженіи, прочитанъ уже три—четыре раза. Дрожь пробираетъ при одномъ воспоминаніи объ этомъ времени вольнаго моего заточенія въ глуши: я именно самъ выбралъ глухой уголокъ, полагая, что здѣсь-то именно болѣе всего нужна работа священника. Правда, впоследствии мнѣ удалось завести въ приходѣ школу, пригласить порядочнаго учителя, псаломщика изъ семинаристовъ и жить стало не такъ одиноко. Но на первыхъ порахъ было очень жутко. Нѣтъ, впрочемъ, худа, безъ добра: въ этомъ медвѣжьемъ уголкѣ я приневолилъ себя заняться нѣмецкимъ языкомъ и достигнуть изрядныхъ успѣховъ: по нѣмецки я сталъ читать свободно. А сосѣди, скажете вы, изъ духовенства? Неужели они-то не могли скрасить деревенскаго одиночества? Ну, вотъ именно о нихъ-то, о сосѣдяхъ я и хочу сказать пару словъ.

Пріѣхалъ я въ свой приходъ поздней осенью и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не могъ выѣхать никуда изъ деревни, ибо дороги стали въ буквальномъ смыслѣ непроѣзжими. Дождались, наконецъ, савной дорожки и вотъ я нанимаю лошаденку и по первопутку ѣду къ ближайшему сосѣду—о. Назарію, нынѣ уже умершему. То-то, думаю дордогой, отведу теперь душу! Пріѣзжаю. Вхожу въ домъ. Въ сѣняхъ, чрезъ которыя пришлось проходить, огромная откармливаемая свинья, воткнувъ рыло въ широкое корыто съ какимъ-то мѣсивомъ, перегораживала дорогу. Пришлось подождать, пока вышедшая на

встрѣчу баба ударомъ лопаты заставила упрямое животное чуточку посторониться. Дальше передняя, наставленная кадучками, сундуками, изломанными табуретами и тому подобной рухлядью. Изъ передней дверь въ чистую комнату, такъ называемую, гостинную, въ которой встрѣтилъ меня хозяинъ, человекъ лѣтъ сорока пяти, маленькаго роста, но довольно плотный мужчина съ неряшливо всклокоченной шевелюрой курчавыхъ волосъ, въ какомъ-то полу-подряскинѣ, полу-сюртукѣ, изъ котораго тамъ и сямъ торчали клочья грязной ваты. Знакомлюсь. Присѣли за столикъ на скрипучемъ деревянномъ диванѣ, сидѣнье котораго покрыто было ветхимъ коврикомъ.

— Ну, что, привыкли уже въ нашихъ краяхъ? спросилъ хозяинъ. Какъ вамъ понравился вашъ приходъ?

— Да какъ вамъ сказать, о. Назарій... Глушь то очень уже изрядная.

— Э, батенька, этимъ-то и драгоцененъ вашъ приходъ: вы тамъ и павъ и князь, вы—всему голова. А вы посмотрѣли бы, что у меня дѣлается! Сколько тутъ начальства всякаго рода,—не приведи Богъ! Тутъ мировой судья, земскій врачъ, старшина, служащіе въ сахарномъ заводѣ: директоръ, механикъ, конторщики разные! Житья отъ нихъ нѣтъ: какъ изъ церкви, такъ къ батюшкѣ чай пить, а тамъ давай имъ закутить. А не угостишь, какъ слѣдуетъ, каверзы начнутъ тебѣ строить.

— Но, быть можетъ, между ними найдутся же и умные люди, съ которыми поговорить хоть можно, которые сколько-нибудь интересуются вопросами, такъ сказать, идейными, читаютъ, освѣдомлены по части современныхъ литературныхъ теченій?...

— Хе—хе! Молодость-то что значитъ! Литературныя теченія, идейные вопросы! Да къ чему все это намъ? Вы вотъ поживите въ нашихъ краяхъ годковъ съ полдесятка, такъ сами увидите, что все это чепуха, что намъ это ни къ чему. Для насъ поважнѣе, чтобы въ закромахъ было полно, чтобы ховайство велось правильно, чтобы присмотръ былъ за всѣмъ надлежащій. А литературныя теченія... Богъ съ ними, не наше это дѣло. У васъ вотъ есть жена, она вамъ поможетъ.

по хозяйству, а я одинокъ, за всѣмъ самому надо присмотрѣть, на чужого человека трудно положиться.

Долго еще о. Назарій посвящалъ меня во всѣ тонкости хозяйничанья. Признаюсь, слушалъ я разсѣянно и изъ всѣхъ его совѣтовъ и указаній запомнилъ лишь одинъ и помню почему-то до сихъ поръ, хотя это было два десятка лѣтъ назадъ. Помню одинъ его рецептъ, который онъ, кажется, самъ лично изобрѣлъ, или по крайней мѣрѣ, самъ провѣрилъ на опытѣ. Вотъ какое открытіе повѣдалъ онъ мнѣ, говоря при этомъ такимъ тономъ и съ такою серьезностію, какъ если бы рѣчь шла объ аграрномъ вопросѣ, о равноправіи евреевъ, или о чемъ-нибудь въ этомъ родѣ. Случается, говорилъ о. Назарій, что курица, начавъ весною нести яйца, увлекается этимъ занятіемъ больше, чѣмъ нужно: ей уже пора приниматься за высиживаніе цыплятъ, а она, знай—себѣ, флиртуетъ съ пѣтухомъ и приниматься за болѣе серьезное и скучное занятіе и не думаетъ вовсе. Вотъ въ такомъ случаѣ вы возьмите и окуните ее въ холодную воду. Неизвѣстно, холодная ли ванна подѣйствуетъ на самоё ее, или же кавалеръ ея охладѣетъ къ „мокрой курицѣ“, но только флиртъ немедленно прекратится и любительница развлеченій превратится въ скромную и трудолюбивую насѣдку.

— Вотъ такъ отвелъ душу! смѣялся я самъ надъ собою, возвращаясь домой отъ о. Назарія. Утѣшилъ—нечего сказать! Но не всѣ же такіе, утѣшалъ я самого себя, навѣрное найдутся люди иныхъ понятій, убѣжденій, съ иными вкусами, потребностями; навѣрное, найдутся по сосѣдству священники, сохранившіе въ себѣ искру Божію, съ болѣе широкимъ кругозоромъ, не столь погрязшіе въ житейскую и хозяйственную сутолоку.

— И что же, спросите вы, нашлись такіе? Да, нашлись, но признаюсь, они составляли исключеніе, а большинство было похожихъ на о. Назарія. Это большинство состояло изъ людей, умственный кругозоръ которыхъ былъ едва-ли выше крестьянскаго: тѣ же понятія, даже суевѣрія, тѣ же вкусы, потребности; они ничего не читали, не интересовались ничѣмъ, что чуть-чуть выходило изъ сферы ихъ мѣстныхъ интересовъ,

интересовъ ихъ села, или деревни, общественныхъ и экономическихъ отношеній людей именно ихъ околотка. Тотъ хотя бы вѣшній только лоскъ, та выправка, какую имъ дала когда-то семинарія, какъ-то это все поиняло, сползло съ нихъ и они обратились, такъ сказать, въ первобытное состояніе. Я не виню ихъ, ибо тутъ много значатъ вѣшнія неблагоприятныя условія, я только жалѣю ихъ...

Я говорю о томъ, что видѣлъ лѣтъ 15—20 назадъ, видѣлъ не здѣсь, не въ Харьковской епархіи, а въ другомъ мѣстѣ. Я не хочу и не въ правѣ обобщать факты; быть можетъ, здѣсь и люди и условія вѣсколько иные. Но, когда въ нашемъ собраніи говорили о деревенскихъ матушкахъ, книжками журнала „В. и Р.“ вакрывающихъ кувшины съ молокомъ, мнѣ невольно пришелъ на память о. Назарій и у меня возникло предположеніе, что о.о. Назаріи, быть можетъ, не составляютъ рѣдкаго явленія и здѣсь, въ Харьковской епархіи, что условія деревенской жизни и здѣсь приводятъ къ тѣмъ же результатамъ, какіе я видѣлъ въ другомъ мѣстѣ. Я буду, впрочемъ, радъ, если мнѣ скажутъ, что мое предположеніе ошибочно.

Но если мое опасеніе хотя сколько-нибудь основательно, если умственный кругозоръ деревенскаго духовенства и здѣсь не достаточно высокъ, если въ ж. „Вѣра и Разумъ“ большинство духовенства не находитъ для себя ничего посильнаго и ничего по своему вкусу, то это дѣлается грустно.

Но что же въ такомъ случаѣ дѣлать? Неужели, поѣтому, журналъ нашъ, одинъ изъ лучшихъ среди духовныхъ журналовъ, по отзывамъ людей авторитѣтныхъ, долженъ, такъ сказать, опроститься, принизиться, приспособиться къ невысокому уровню читателя? Неужели онъ долженъ опустить свое знамя, которое онъ до сихъ поръ держалъ высоко, отказаться отъ своей задачи—способствовать выработкѣ въ читателяхъ строгаго и стройнаго религіозно-философскаго міровоззрѣнія? *Да не будетъ!*... Пусть журналъ не пользуется популярностью въ средѣ духовенства, пусть его читаютъ всего лишь 10% общаго количества подписчиковъ, пусть остальные 90% его вовсе не разрѣзываютъ. И тогда все-таки нужно качество предпочесть количеству, и тогда ради этихъ 10% журналъ

долженъ сохранить тотъ же серьезный богословско-философскій характеръ, какой онъ имѣлъ до сихъ поръ. Миѣ кажется, что даже третья часть нашего журнала—„Извѣстія по Х. епархіи“ не должны слишкомъ заботиться о томъ, чтобы приспособиться ко вкусамъ большинства. Приспособиться ко вкусамъ большинства—дѣло вовсе не хитрое, но едва ли желательное. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, что для этого требуется? По теперешнимъ временамъ можно рассчитывать на самую широкую популярность, если въ журналѣ или газетѣ дать побольше мѣста забористой ругани, „летучимъ“ извѣстіямъ, клеветѣ, инсинуаціямъ, насмѣшкамъ надъ правительствомъ, бюрократіей, старымъ режимомъ... Начните въ вашей газетѣ ругать министровъ, архіереевъ, консисторіи, благоточинныхъ, миссіонеровъ, ректоровъ, наблюдателей церковныхъ школъ; расскажите нѣсколько анекдотовъ про архіерейское самовластіе, про взятки секретарей и столоначальниковъ консисторіи; пролейте слезу по поводу угнетеній, какія чинятъ эти господа надъ низшимъ духовенствомъ;—этого достаточно, чтобы значительно увеличилось количество вашихъ подписчиковъ... Само собою разумѣется, что въ вашей газетѣ или журналѣ не должно быть ничего отвлеченно-философскаго, ничего такого, что требуетъ для уразумѣнія усиленной психической работы, требуетъ того, что называется „шевелить мозгами“... Газета или журналъ должны развлекать читателя, а не принуждать его работать. Вы можете занимать вниманіе духовнаго читателя и вопросами церковно-практическими: о дѣлежѣ братскихъ доходовъ, о церковныхъ домахъ для священно-церковно-служителей, но только отнюдь не вопросами философіи, психологіи, этики и т. п. Предоставьте на выборъ вашихъ читателей два вопроса: вопросъ о дѣлежѣ такъ называемаго проскомидійнаго дохода и вопросъ о свободѣ воли, или безсмертіи души,—и можете быть увѣрены, что первый изъ этихъ вопросовъ привлечетъ полное вниманіе, тогда какъ второй... Такимъ образомъ, если вы вашъ духовный журналъ станете приспособлять ко вкусамъ читателя, то должны будете придать ему характеръ *пономарскій*. Повторяю: я буду радъ, если ошибаюсь въ этомъ случаѣ; буду радъ думать, что средній читатель изъ духовенства не похожъ на моего знакомаго о. Назарія. Но то, что говорилось въ нашемъ собраніи

относительно накрыванія кувшиновъ книжками журнала, зарождаетъ во мнѣ опасенія, которыя я и высказалъ здѣсь...

Говорятъ, затѣмъ, что журналъ нашъ можно было бы удешевить. Указываютъ при этомъ на примѣръ о. Филевскаго, который издаетъ газету при подписной платѣ 4 руб. въ годъ, между тѣмъ какъ В. и Р. стоитъ 10 р. въ годъ. Но дѣйствительно ли „Церковная Газета“ о. Филевскаго дешевле нашего журнала? Номеръ еженедѣльной „Ц. Газеты“, большею частію, состоитъ изъ 1½ печат. листовъ, что составитъ въ мѣсяцъ 6 листовъ. Между тѣмъ двѣ книжки журнала В. и Р. составляютъ не менѣе 18 печатныхъ листовъ матеріала, т. е., въ три раза больше, чѣмъ даетъ о. Филевскій. Сравните теперь, принявъ это во вниманіе, цѣну того и другого изданія и окажется, что нашъ журналъ долженъ бы былъ стоить не 10, а 12 руб. въ годъ. Нужно замѣтить, что издавать журналъ въ провинціи ни въ какомъ случаѣ нельзя при такой подписной платѣ, какою можно было бы ограничиться въ Москвѣ, или Петербургѣ. Книгопродавцы давно уже наблюдаютъ довольно странное явленіе такого рода. Книга, издаваемая въ Петербургѣ или Москвѣ, имѣетъ гораздо болѣе шансовъ на распространеніе, чѣмъ такая же книга, но изданная въ Кіевѣ; Одесса въ этомъ отношеніи стоитъ ниже Кіева, но нѣсколько выше Харькова и Казани; но рассчитывать на распространеніе изданія, вышедшаго въ какомъ-нибудь Старобѣльскѣ, или Купянскѣ,—было бы просто смѣшно. Такимъ образомъ, если нашъ журналъ стоитъ нѣсколько дороже, чѣмъ равныя ему по объему и одинаковыя по характеру столичныя изданія, то объясненіе этому то, которое мною сейчасъ приведено.

Высказываютъ, наконецъ, пожеланіе передать изданіе, по крайней мѣрѣ, третьяго отдѣла журнала, въ руки епархіальнаго духовенства. Что же, въ Харьковѣ можно между духовенствомъ найти и опытнаго редактора и сотрудниковъ. У насъ достаточно между духовенствомъ лицъ съ высшимъ богословскимъ образованіемъ. При одной изъ харьковскихъ церквей состоятъ священниками два бывшихъ ректора семинаріи. Но дѣло въ томъ, что вѣдь это лишь счастливая случайность, которой въ другое время можетъ и не быть: вмѣсто бывшихъ ректоровъ при той же церкви могутъ оказаться священники—семина-

ристы. Между тѣмъ семинарія въ губернскомъ городѣ—это, такъ сказать, центръ умственныхъ силъ, при томъ не случайный, а постоянный и необходимый: ректоромъ семинаріи не можетъ быть семинаристъ, равно какъ—и преподавателемъ. Издаваніе духовнаго журнала при семинаріи—что можетъ быть проще и естественнѣе этого? Вѣдь большинство епархіальнаго духовенства—питомцы мѣстной духовной школы, которая дала имъ образованіе. Не ей ли, этой школѣ, естественнѣе всего поручить, посредствомъ духовнаго органа, руководить своими бывшими питомцами и въ дальнѣйшей ихъ жизни и дѣятельности?

16 іюня 1906 г. Харьковъ, Пушкин., 50. *Священникъ Н. Липскій.*

Къ вопросу о преобразованіи учебныхъ курсовъ въ нашихъ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ.

(Окончаніе *).

VIII.

Такимъ образомъ, весь цѣлостный курсъ будущихъ духовныхъ училищъ и семинарій мы желали бы видѣть въ такомъ составѣ и планѣ, какъ намѣчено нами въ помѣщаемыхъ здѣсь двухъ примѣрныхъ таблицахъ.

Духовныя училища.

Наименованіе предметовъ.	Классы ¹⁾ .				Итого.
	I ²⁾ .	II ³⁾ .	III.	IV ⁴⁾ .	
Священная Исторія Ветхаго Заѣта . . .	3	—	—	—	3
Священная Исторія Новаго Заѣта, съ Общю церковною исторіей	—	5	—	—	5
Катихизисъ	—	—	3	3	6
Церковно-славянскій языкъ съ Церковнымъ Уставомъ ⁵⁾	2	2	2	—	6
Краткая русская церковно-гражданская исторія	—	—	3	3	6
Русскій языкъ ⁶⁾	6	4	3	5	18
Греческій языкъ	—	—	4	3	7
Латинскій языкъ ⁷⁾	5	3	3	3	14
Нѣмецкій языкъ	—	4	3	4	11
Математика	6	3	3	3	15
Географія съ Природовѣдѣніемъ	—	8	3	3	9
Церковное пѣніе	2	2	1	1	6
Чистописаніе	2	1	—	—	3
	26	27	28	28	109

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 11 за 1906 г.

Примѣчанія: 1) Приготовительные классы уничтожаются. Въ 1-й классъ принимаются дѣти въ возрастѣ 11 лѣтъ (не моложе $10\frac{1}{2}$), окончившіе 3-хъ годичную низшую школу, по конкурсу, безъ процентныхъ ограниченій инословныхъ.

2) Въ 1-мъ классѣ, такимъ образомъ, всего 26 уроковъ, но изъ нихъ съ домашнимъ приготовленіемъ 22.

3) Во 2-мъ классѣ 27 уроковъ, изъ нихъ съ приготовленіемъ—24.

4) Въ 3-мъ и 4-мъ классахъ—по 28 уроковъ, изъ нихъ безъ подготовки—1, и съ завѣдомо легкою подготовкою, почти совсѣмъ безъ нея—3 (эпизодическая исторія, непременно безъ требованій заучиванія ея рассказовъ).

5) Церковно-славянскій языкъ, имѣющій цѣлю и воспитаніе въ ученикахъ духа церковности (чѣмъ и опредѣляется матеріаль для чтенія) слѣдовало бы поручить смотрителю (2 ур.) и помощнику смотрителя (4 ур.), или одному послѣднему, параллельно ихъ основнымъ предметамъ—Свящ. Исторіи и Катихизису, однако, непременно съ добавочнымъ вознагражденіемъ, по расчету 60 или по крайней мѣрѣ 50 р. за годовой урокъ. Боятся отвлеченія этихъ лицъ отъ исполненія ихъ внѣшне-инспекторскихъ обязанностей нечего: вѣдь по существу, уроками лишь создается большая связь ихъ съ питомцами, достигается большее знакомство съ способностями и нравомъ послѣднихъ, что безусловно неизмѣримо—болѣе важно для всякаго педагога, а тѣмъ паче—для начальника заведенія...

6) Русскій языкъ во всѣхъ классахъ долженъ представлять одну кафедру, отвѣтственную для преподавателя; за чтеніе письменныхъ работъ безусловно необходимо особое вознагражденіе, не только оплачивающее добавочный трудъ, но и повышающее практическое значеніе кафедры.

7) Греческій и латинскій языки обычно составляютъ одну кафедру.

8) Нѣмецкій языкъ въ училищахъ губернскихъ городовъ, гдѣ въ семинаріи нѣтъ параллельныхъ отдѣленій, долженъ составлять одну кафедру съ семинаріей. Въ другихъ же городахъ и тамъ, гдѣ этотъ преподаватель семинаріи не имѣетъ доста-

точно свободнаго времени, преподаваніе этого предмета должно поручаться желающимъ изъ валичныхъ преподавателей училища по другимъ предметамъ, но съ тѣмъ, чтобы таковой не позднеѣ 3-хъ лѣтъ подвергался особому colloquium'у относительно: а) правильности произношенія, б) достаточнаго для преподаванія владѣвія языкомъ и особенно знакомства съ рекомендованными учебными пособіями и с) знакомства съ методиками предмета. До colloquium'a вознагражденіе—50 р.; послѣ—обычное (теперь—60 р.).

9) Преподаватель математики, при указанныхъ условіяхъ, можетъ быть одинъ и въ училищѣ и въ семинаріи.

10) Географія съ Природовѣдѣніемъ и Исторія въ училищѣ составляютъ одну кафедру.

11) Число уроковъ въ духовномъ училищѣ, равно какъ потомъ въ семинаріи, мы брали, подобно г. Тихомирову, примѣнительно къ нормамъ, намѣченнымъ въ гимназіяхъ (а частію принятымъ въ кадетскихъ корпусахъ), по отношенію къ которымъ наша духовная школа, съ ея здоровымъ, съ прекрасною наслѣдственностію, составомъ учащихся, пикомъ образомъ не должна стоять ниже. Замѣтимъ еще разъ, что для домашней работы учениковъ (вечернихъ занятій) это должно повести не столько къ обремененію ихъ, сколько къ облегченію. *Предметнаго* пополненія того и другого курса введено нами немного; больше же предлагается нами лишь увеличеніе *утреннихъ уроковъ для классной разработки* тѣхъ же самыхъ курсовъ, какіе и раньше были въ обѣихъ школахъ, т. е. другими словами, уроки будутъ даваться у насъ меньшими дозами, да еще въ проработаннѣмъ видѣ.—Осуществленіе этой мѣры вполне возможно, особенно въ томъ случаѣ, если будетъ принята предложенная нами часовая переменна. Тогда вполне умѣстны, даже прямо необходимы, будутъ 5-е уроки, а въ нѣкоторые дни (напримѣръ: вторникъ, среду, пятницу—въ обычное время, вторникъ, четвергъ, субботу—въ Великій постъ) можно ввести и 6-е для необязательныхъ предметовъ, а также для вставки уроковъ, не требующихъ подготовки (напр. речеванія, пѣнія), по крайней мѣрѣ, въ семинаріи.

II.

Духовная Семинарія.

Наименованіе предметовъ.	К л а с с ы.					Итого
	I.	II.	III.	IV.	V.	
Священное Писаніе ¹⁾ Ветхаго Заѣта (съ Библейскою исторіей)	6	3	4	—	—	13
Свящ. Писаніе Новаго Заѣта (съ Обличеніемъ сектантства)	—	3	3	4	4	14
Богословія: Апологетическое, Догматическое и Нравственное (съ Пастырскимъ)	—	—	—	3	8	11
Литургика, Каноника, Практическая Гомилетика	—	—	—	4	7	11
Церковная Исторія Общая	—	—	—	2	4	6
Церковная Исторія Русская ²⁾ , съ Исторіей и обличеніемъ старообрядчества ³⁾	—	—	3	5	—	8
Гражданская исторія—Всеобщая и Русская	3	3	3	—	—	9
Теорія словесности съ Исторіей русской словесности ⁴⁾	5	4	2	—	—	11
Психологія, Логика, Краткая исторія и Начальная основанія философіи	—	—	5	5	—	10
Дидактика	—	—	—	—	3	3
Практическія занятія по дидактикѣ въ Образцовой школѣ	—	—	—	—	2	2
Математика	4	3	—	—	—	7
Физика съ началами Химіи и Космографіей ⁵⁾	—	4	3	—	—	7
Греческій языкъ	4	3	3	2	—	12
Латинскій языкъ ⁶⁾	3	2	—	—	—	5
Нѣмецкій языкъ	3	3	2	3	—	11
	28	28	28	28	28	140

Примѣчанія: 1) Священное Писаніе должно представлять собою двѣ особыя кафедры, совершенно самостоятельныя. Ректоръ и инспекторъ семинаріи занимаютъ кафедры по своему усмотрѣнію, но непременно какой-нибудь обособленный курсъ (предпочтительно — изъ состава кафедры Богословія или литургики съ соединенными съ нею предметами). Могутъ занимать и кафедру изъ цикла наукъ философскихъ или дидактики.

2) При проводимомъ нами сокращеніи семинарскаго курса на 1 годъ, практически-необходимо ввести уже въ 3-й классъ, помимо Свящ. Пис., еще одинъ изъ богословскихъ предметовъ. Мы, какъ уже говорили, намѣтили для этого Русскую церковную исторію. Руководили нами въ этомъ случаѣ такія соображенія.

А. Естественнѣе всего, по нашему мнѣнію, поставить туда предметъ церковно-историческій. Но Общую церковную исторію,

какъ показалъ опытъ, безусловно-невозможно ставить ранѣе изученія курса философіи (т. е. ранѣе 4-го класса). Напротивъ, Исторію Русской Церкви не представляется никакихъ затрудненій изучать и въ 3-мъ классѣ. Даже болѣе: являются и положительныя удобства изучать ее здѣсь—параллельно курсу русской гражданской исторіи, проходимою по проэкту въ томъ же классѣ. Правда, на первый взглядъ можетъ показаться страннымъ—изучать исторію частной, позднѣйшей, церкви до изученія Исторіи Церкви Всеобщей. Но вѣдь несомнѣнно, что ни въ идейномъ, ни во внѣшне-гегетическомъ отношеніи Исторія Церкви Русской, особенно въ ея постановкѣ въ средней школѣ, не связывается замѣтно и многосторонне съ тѣмъ общимъ курсомъ. Все же то, что необходимо изъ состава послѣдняго для изученія курса русской церковной исторіи, дается нашимъ семинаристамъ—частію въ курсѣ общей гражданской исторіи, частію—въ томъ эпизодическомъ курсѣ общей исторіи церковной, въ духовныхъ училищахъ, о которомъ мы вели рѣчь выше.—Впрочемъ, если бы была признана почему-либо неудобной предлагаемая нами перестановка курсовъ Всеобщей и Русской церковной исторіи, то на мѣсто послѣдней въ 3-й классъ легко можно вставить курсъ литургики,—съ соответствующими измѣненіями въ распредѣленіи уроковъ въ дальнѣйшихъ классахъ—какъ по этой кафедрѣ, такъ и по другимъ. Именно, примѣрно бы—въ такомъ видѣ.

	Классы		
	III.	IV.	V.
Богословіе Апологетическое	—	3	—
Догматическое и Нравственное	—	3	5
Литургика и т. д.	3	4	4
Общая церк. исторія	—	3	3
Русская церк. исторія и т. д.	—	2	6

3) Всѣ богословскіе предметы, въ виду ихъ особеннаго значенія въ семинаріи, занимаются лицами священнаго сана ¹⁾ (исключеніе изъ этого правила можетъ быть допущено лишь для церковной исторіи, но и здѣсь желательнѣе священникъ,

¹⁾ Но для наличныхъ преподавателей наукъ богословскихъ требованіе это безусловно должно быть поставлено на ихъ собственное усмотрѣніе, какъ по имъ свободы ихъ личности, такъ и въ интересахъ самаго дѣла.

особенно—имѣя въ виду присоединяемую къ нему кафедру—обличенія раскола). Если священникъ—преподаватель въ этомъ случаѣ будетъ безприходнымъ (что болѣе желательно), онъ получаетъ за свое служеніе добавочное вознагражденіе (р. 300),—совершенно независимо отъ общихъ его правъ на добавочные уроки, которыми онъ пользуется на ряду съ другими преподавателями.

4) Преподаватель словесности является главнымъ и *ответственнымъ* руководителемъ письменныхъ работъ семинаристовъ. Поэтому, въ двухъ младшихъ классахъ, изъ всей массы ихъ (примѣрно—изъ 9) онъ долженъ давать не менѣе 5 (изъ нихъ два хотя бы въ видѣ классныхъ экспромптовъ). За всѣ сочиненія, прочитываемыя имъ сверхъ одной, установленной для всѣхъ, нормы (напримѣръ 4—5 въ годъ, на штатное количество уроковъ), онъ долженъ получать особую поработную плату: 20 р.—за домашнее сочиненіе, 10 р.—за экспромптъ.

5) Кафедра физики соединяется по прежнему съ математикой, но можетъ быть отдана и преподавателю наукъ философскихъ.

6) Изъ древнихъ языковъ самостоятельную кафедру представляетъ греческій. Латинскій же языкъ можетъ соединяться, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, съ разными кафедрами, предпочтительнѣе—съ языкомъ греческимъ, гражданской исторіей и словесностью.

7) Изъ росписаніе семинаріи не введены: иѣніе, еврейскій и французскій языки, рисованіе съ иконописаніемъ, музыка, ручной трудъ, народная медицина и гигиена. Всѣ эти предметы распределяются въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, на счетъ указанныхъ выше добавочныхъ часовъ, иѣніе и ручной трудъ—какъ предметы обязательные, остальные—какъ необязательные. Изъ послѣднихъ французскій языкъ и рисованіе—въ младшихъ классахъ (но допускаются желающіе и изъ старшихъ), еврейскій языкъ, народная медицина съ гигиеною—въ старшихъ; музыка можетъ преподаваться и вечеромъ.

IX.

Такимъ образомъ, и не касаясь воспитательной стороны и постановкѣ нашей духовной школы, мы все же имѣемъ право

сказать, что предлагаемый нами проект ея реформы представляет собою не частичное и основанное на полумѣрахъ, а коренное преобразование ея. Семинаріи и духовныя училища должны выйти по нему въ перестроенномъ, дѣйствительно обновленномъ видѣ. Но думаемъ, что для всякаго очевидно и то, что въ намѣченныхъ нами мѣрахъ преобразования и тѣхъ и другихъ мы вовсе не руководились слѣпымъ и безотчетнымъ стремленіемъ къ ломкѣ, къ новизнѣ ради новизны. Не искали мы и чьего-либо сочувствія, прогрессивной ли то, или консервативной партіи; не ставили себѣ за образецъ ни свѣтскую какую-нибудь, ни клерикальную католическую школу. Нашимъ желаніемъ было: отыскать такой типъ духовно-учебныхъ заведеній, который бы дѣйствительно отвѣчалъ всѣмъ назрѣвшимъ, и принципиально-церковнымъ, и сословно-историческимъ нуждамъ, такой типъ, который бы давалъ учащимся возможно-полное и законченное общее образование, и въ то же время на всѣхъ своихъ ступеняхъ былъ проникнутъ одной христіански-церковной идеей, развивалъ воспитанниковъ въ сферѣ церковныхъ понятій и стремленій. Насколько удалось это намъ, судить, конечно, сами не беремся.

Въ частности мы считаемъ, однако-же, пелишимъ обратить вниманіе на слѣдующія существенныя стороны своихъ преобразованій.

Всѣ *общеобразовательные* предметы взяты нами въ возможно-обстоятельной постановкѣ, съ достаточнымъ количествомъ уроковъ. Въ этомъ случаѣ мы или давали то же количество ихъ, какое принято въ проектахъ учебнаго комитета и г. Тихомирова, держась почти всегда *maximum'a*, или даже ихъ пополнили (какъ особенно русскій и нѣмецкій языки). Математика, исторія, древніе языки взяты нами въ томъ объемѣ, ни больше, ни меньше котораго принять для духовной школы нѣтъ особой надобности или практически невозможно. Философскія науки, словесность взяты въ максимальныхъ размѣрахъ—въ виду бесспорно-развивающаго ихъ значенія. Последняя (словесность), вмѣстѣ съ достаточнымъ количествомъ уроковъ русскаго языка, прилаженныхъ къ данной задачѣ, представить возможность ихъ преподавателямъ—поставить на

должную высоту и былую гордость нашихъ семинарій—ихъ сочиненія. И такъ, первое желаніе нашего духовнаго сословія удовлетворено: семинарія становится у насъ солидной общеобразовательной школой, ничуть не уступающей реальнымъ училищамъ или гимназіямъ.

Однако при нашемъ проэктѣ нечего бояться, что эта, все же второстепенная, „свѣтская“ цѣль въ духовной школѣ возьметъ верхъ надъ церковной, основною, и чрезмѣрно усилитъ печальное „бѣгство“ семинаристовъ. Курсъ и семинарій и училищъ духовныхъ разсчитанъ у насъ на то, чтобы учащимся въ нихъ не представлялось особаго соблазна къ переходу ни въ высшую, ни даже въ среднюю свѣтскую школу, чтобы, т. е., переходъ этотъ не представлялъ въ ихъ глазахъ явныхъ, для всякаго ощутительныхъ, преимуществъ. И во 1-хъ, духовная школа становится у насъ не 10 или 11, но—*девятилѣтнею* дву-составною школой. Это, безусловно, *громадное приобрѣтеніе* для нея—и въ глазахъ учениковъ, и въ глазахъ самихъ родителей ихъ. И такъ, только *одинъ* лишній годъ долженъ проучиться въ своей школѣ воспитанникъ семинаріи по сравненію съ гимназистами. За то онъ и получаетъ здѣсь несравненно болѣе солидное, даже въ общеобразовательномъ смыслѣ, среднее образованіе: чего стоятъ однѣ науки философскія! Вмѣстѣ съ тѣмъ, это его образованіе является, несомнѣнно, и болѣе законченнымъ, и падѣляющимъ большими правами: онъ имѣетъ при окончаніи семинаріи все, что принадлежитъ въ этомъ случаѣ гимназисту, но съ крупнымъ самостоятельнымъ плюсомъ, особенно цѣннымъ для тѣхъ, кто покончитъ одною средней школой.

Но этого мало. При нашей разстановкѣ учебныхъ предметовъ и ихъ указанномъ составѣ, можно и должно будетъ исходатайствовать въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія *свободный переходъ* семинаристамъ изъ своей школы въ гимназію, въ среднихъ классахъ (—съ незначительнымъ добавочнымъ испытаніемъ по французскому языку, а еще лучше—и вовсе безъ испытанія, по семинарскимъ отыѣткамъ). Этимъ будетъ данъ семинаріямъ указанный выше необходимый *отпускъ* изъ нихъ тѣхъ несродныхъ элементовъ, которые лишь портили

основную массу ихъ питомцевъ, вліяя прямо развращающимъ образомъ на ихъ церковную жизнь и интересъ къ богословскому знанію. Повторяемъ, безусловно необходимо всѣми способами *облегчить* имъ этотъ переходъ, ни прямо, ни косвенно не задерживая въ семинаріи всѣхъ, кто тяготится духомъ ея образованія.

Но только отнюдь не слѣдуетъ въ этомъ случаѣ ставить дѣло такъ (что видимъ на примѣръ у г. Тихомирова), какъ будто наша духовная школа, хотя бы въ первой половинѣ своего курса, прямо *приурочена* была къ этой побочной своей задачѣ, въ прямомъ направленіи готовила своихъ питомцевъ *не въ старшіе классы семинаріи, а въ старшіе классы гимназій*.—Нѣтъ, пусть семинаристъ, при добромъ желаніи, свободно переходитъ туда, но пусть не *приобрѣтаетъ* онъ отъ такого перехода никакой особенной, для всѣхъ заманчивой, выгоды. Для этого нужно сдѣлать такимъ свободнымъ, уставами признаннымъ, переходъ семинаристовъ изъ 2-го класса семинаріи (по окончаніи его) въ 6-й классъ гимназій, оставляя для поступленія въ 7-й классъ особый пріемный экзамень. И такъ, уходя изъ семинаріи, такой бѣглець ничего въ сущности, не теряетъ,—но и ничего не выигрываетъ. До окончанія средней школы и тутъ и тамъ—3 года; общія права, даваемые этими заведеніями, опять-таки одинаковы. Ясно, что тогда въ глазахъ каждаго какъ нѣтъ особаго лишенія отъ такого бѣгства отъ сѣни отчей для того, кому не по душѣ ни богословіе, ни пастырство, такъ нѣтъ и особаго *приобрѣтенія*. Ясно и то, что всѣ ювоши съ такою антицерковною настроенностію (а она должна тогда обозначиться достаточно сильно, ибо имъ исполнится лѣтъ 17) оставляютъ семинарію, по крайней мѣрѣ—*посократятся* въ ней, тѣмъ болѣе, что тогда надъ ними будетъ тяготѣть нравственный судъ товарищей, крайне чуткихъ ко всякаго рода сознательной нечестности, добровольной непослѣдовательности, несогласованности поступковъ съ убѣжденіями.—Всѣ же убѣжденные, или какъ и теперь въ массѣ,—съ неясно обозначившимся уклономъ стремленій и перспективъ въ будущемъ, будутъ *твердо держаться родной школы* и составятъ вполне достаточный контингентъ

требуемыхъ жизнию кандидатовъ на пастырство. Въмѣстѣ съ этимъ, и по окончаніи семинаріи для нихъ остается все та же возможность свободнаго выбора и высшей школы, и вообще такого или иного вида будущей дѣятельности, но уже—*выбора: сознательнаго и зрѣлаго.*

Что же касается богословской, или точнѣе—церковно-христіанской части курса училищъ и семинарій, то свое внимательное отношеніе къ ней мы уже достаточно отмѣчали. Смѣло можно сказать, что объ усиленіи этой спеціально пастырской стороны нашего обученія мы заботились еще больше, чѣмъ даже общеобразовательной. Такъ, уже въ духовномъ училищѣ мы отвели на это новыхъ 12 уроковъ, или прямо прибавляемыхъ (какъ уроки по русской и общей церковной исторіи), или по крайней мѣрѣ—прилаживаемыхъ къ этой дѣли (6 уроковъ церковнаго языка, свящ. писанія и книгъ богослужебныхъ съ церковнымъ уставомъ). Въ семинаріи, какъ мы выяснили, съ той же цѣлью сильно увеличено количество уроковъ по Свящ. Писанію, въ его основной—Новозавѣтной части, гдѣ оно болѣе, чѣмъ удвоено (4 года вмѣсто 2, и 14 уроковъ вмѣсто 6): и это—при сокращеніи числа классовъ... Думаемъ, что добавить еще что-нибудь къ намѣчаемому нами едва ли бы кто счелъ нужнымъ.

Далѣе, какъ совсѣмъ детальную, но практически далеко не маловажную, особенность нашего проэкта отмѣтимъ то обстоятельство, что уроки по всѣмъ предметамъ размѣщались нами съ точки зрѣнія наибольшаго удобства ихъ для преподаванія, и ни по одному научному предмету не отведено по 1 уроку въ недѣлю. Кто знаетъ по опыту, на сколько бесплодны такіе черезъ-недѣльные уроки въ средней школѣ, тотъ, навѣрно, одобритъ насъ въ этомъ случаѣ.

Наконецъ, не можемъ мы не указать здѣсь и на матеріальную сторону дѣла.—Въ своемъ распредѣленіи уроковъ и намѣченныхъ нами каедръ мы стремились къ возможному облегченію положенія преподавателей дух. училищъ и семинарій, на сколько послѣднее опредѣляется данною стороною дѣла. Въмѣстѣ съ этимъ, и общее количество платныхъ уроковъ, какъ видно изъ подведенныхъ итоговъ, нами лишь увеличено. И

однакоже, несомнѣнно, что всѣ эти преобразованія не должны у насъ, какъ у другихъ, повлечь за собой новые расходы, положительно непосильные для нашего государства и Церкви въ настоящее скорбное время, отъ котораго, Богъ вѣсть—когда мы оправимся... Напротивъ, у насъ нужно ожидать лишь экономіи, а вмѣстѣ съ этимъ лишь большаго удобства въ размѣщеніи воспитанниковъ семинарій, ибо вѣдь съ сокращеніемъ ихъ состава на одинъ классъ пропорціонально сокращаются и расходы на его содержаніе (на казенно-коштныхъ воспитанниковъ), и для остальныхъ классовъ открываются занимавшіяся прежде этимъ классомъ различныя помѣщенія.—Это, полагаемъ, тоже нельзя не принять извѣстнымъ плюсомъ въ оцѣнкѣ практической стороны нашего проэкта. А задачей нашею въ данномъ случаѣ и было: выработать такой проэктъ, который являлся бы построеннымъ на началахъ—*справедливости, полного вниманія и къ нуждамъ Церкви и къ потребностямъ нашего духовнаго сословія* (въ особенности самого молодого поколѣнія), и вмѣстѣ съ тѣмъ—*практичнымъ и вполне осуществимымъ*—въ силу своей приложенности къ наличнымъ нашимъ средствамъ и даннымъ условіямъ жизни.

Священникъ Н. Вознесенскій

Архіерейскія богослуженія.

Въ воскресенье, 18-го іюня, божественную литургію въ кафедральномъ соборѣ совершалъ Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій.

Въ тотъ же день Преосвященный Евгений, Епископъ Сумскій, Викарій Харьковской епархіи, совершилъ литургію въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря.

— Въ воскресенье, 25-го іюня, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній совершилъ литургію въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря, а Преосвященный Епископъ Евгений—въ Кафедральномъ соборѣ.

Отрадное проявленіе религіозно-патріотическаго чувства крестьянъ и временно-проживающихъ жителей села Щурова, Изюмскаго уѣзда, Харьковск. губерніи.

Въ селѣ Щуровѣ, Изюмскаго уѣзда, день отданія праздника Св. Пасхи 10 мая 1906 года былъ для жителей мѣстныхъ знаменателенъ и достоенъ записи въ лѣтописи.

Мѣстные крестьяне и временно-проживающіе жители болѣли душой и сердцемъ, когда слышали, что въ Россіи и въ частности—вблизи ихъ села происходятъ аграрные беспорядки, забастовки, кровопролитія и т. п.

Прочитавъ дорогія для сердца слова, сказанныя Государемъ Императоромъ 27 апрѣля сего года при открытіи Государственной Думы—членамъ Государственной Думы, Щуряне рѣшили единогласно отслужить около сельскаго своего Правленія молебствіе о здравіи Государя и всего Царствующаго Дома.

Въ часъ пополудни 10 мая церковный колоколь возвѣстилъ всѣмъ Щурянамъ о времени сбора въ приходскій храмъ для взятія св. иконъ, креста и хоругвей.

Съ крестнымъ ходомъ, при колокольномъ звонѣ, съ пѣніемъ тропаря: „Спаси Господи люди твоя“, двинулись Щуряне изъ храма по направленію къ сельскому Правленію. Здѣсь были мужчины и женщины, старые и малые—всѣ съ большою радостію пошли помолиться Богу о здравіи Царя. Въ это время, ради сельскаго духовнаго торжества, были пріостановлены на большой мельницѣ П. П. Гаврилова и въ экономіи владѣлицы Т. М. Рудановской всѣ работы и рабочій народъ явился на молебенъ. Молящіеся всѣ были въ праздничныхъ одеждахъ. На молебнѣ присутствовала также мѣстная владѣлица Т. М. Рудановская, жена надворнаго совѣтника.

Трогательно было шествіе по улицѣ с. Щуровой. Звонъ, пѣніе и молитва—все сливалось и возносилось къ небу, къ Всещедрому Богу, какъ епіамъ кадильный. На мѣстѣ служенія молебна были приготовлены для иконъ столы, которые украшены были зеленью, вѣтками сосны и живыми цвѣтами.

По совершеніи молебствія и провозглашеніи многолѣтій Государю, и всему Царствующему Дому, Св. Синоду, мѣстному Епархіальному Архіепископу, жителямъ села Щурова и всѣмъ православнымъ хрстіанамъ, было произнесено приходскимъ священникомъ—слово на текстъ: „Господи, спаси Царя, и услыши ны, вонъже аще день призовемъ Тя“ (Ис. XIX, 10).

Отслушавъ молебствіе, крестьяне единогласно пожелали послать на Высочайшее Имя слѣдующій адресъ:

„Всемилоствѣйшій Государь!

Мы, крестьяне и жители села Щурова, Николаевской волости, Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи, выслушавъ дорогія намъ слова, сказанныя Тобой, Дорогой Государь, членамъ Государственной Думы позаботиться о нуждахъ дорогахъ сердцу Твоему крестьянъ, осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ и вознесли горячее моленіе Царю Царствующихъ за Тебя, Всемилоствѣйшій Государь, и за всю Твою Царскую семью. Да сохранить Господь Твое драгоцѣнное здравіе, да дастъ Ти Господь—по сердцу Твоему и весь со-вѣтъ Твой исполнить. Великій Государь! пріими наши полныя любви вѣрноподданныческія чувства благодарности. И царствуй на славу намъ, на страхъ врагамъ. Вѣрь и надѣйся на вѣрное Тебѣ крестьянство, готовое положить за Тебя, Самодержавнѣйшій Государь, свою жизнь“.

Адресъ сей былъ прочитанъ и всѣми въ сельскомъ Правленіи подписанъ.

Предъ заранѣе украшеннымъ зеленью и живыми цвѣтами портретомъ Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя и Государыни общими голосами былъ исполненъ народный гимнъ: „Боже Царя храни“, „многая лѣта*!..

При колокольномъ звонѣ съ пѣніемъ псалма *Господи силою твоею возвеселится Царь* (Пс. XX) всѣ молящіеся возвратились въ приходскій храмъ и, приложившись къ Св. Животворящему Кресту, разошлись по домамъ.

Радостно-торжественныя, пережитыя 10 мая сего 1906 г., дорогія минуты надолго останутся въ сердцахъ памяти Щурянскаго народа.

Священникъ Сергій Шипулинъ.

Слово, произнесенное 1-го іюня с. г. священникомъ І. С. Котовымъ въ домово́й церкви при Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ *).

„Съ сегодняшняго дня Вы, дорогія дѣти, вступаете въ новую жизнь. Кончились наши совмѣстные труды по Вашему образова-нію и воспитанію; не всегда уже можно будетъ Вамъ обращаться

*). Въ дополненіе къ сообщенію въ № 11 „Извѣстій по Харьковск. еп.“ описанію торжественнаго акта, 1-го іюня с. г., въ Харьковскомъ епарх. женск. училищѣ, помѣщаемъ настоящее слово законоучителя и инспектора классовъ, свящ. І. С. Котова.

за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній в недоумѣній къ намъ—Вашимъ воспитателямъ и учителямъ, что Вы такъ привыкли дѣлать въ продолженіе 7 лѣтъ, проведенныхъ въ нашемъ заведеніи. Посему для постояннаго руководства въ жизни я приведу Вамъ великія слова: „Возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею. Сія есть первая и бѣльшая заповѣдь. Вторая-же подобна ей: возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе. Въ сію обою заповѣдью весь законъ и пророцы висятъ“ (Мате. 22, 36—40). Да, вменно въ этихъ словахъ выраженъ весь духъ Евангелія. „Богъ любви есть“ (1 Иоанн. 4, 16) и можетъ-ли Онъ заповѣдать своимъ дѣтямъ—людямъ что-нибудь другое, кромѣ любви? Любить Бога побуждаетъ насъ съ одной стороны глубокая благодарность за жизнь и другія дарованныя Имъ намъ блага, съ другой—удивленіе предъ Его благостью и милосердіемъ, отдавшимъ Своего Единороднаго Сына на крестную смерть для искупленія грѣховъ недостойныхъ рабовъ Его. Итакъ, любите Господа Нашего Иисуса Христа и его—Святую Православную Церковь! Только въ нѣдрахъ ея Вы найдете всегда прибѣжище и утѣшеніе въ трудностяхъ и несчастьяхъ жизни. Ея молитвы и обряды встрѣтили ваше рожденіе на свѣтъ, пусть-же они сопровождаютъ Васъ и всю жизнь до тѣхъ поръ, пока Господу угодно будетъ призвать Васъ въ лоно Авраама, Исаака и Иакова. Непрестанно молитесь и не уподобляйтесь неразумнымъ дѣвамъ, но всегда будьте готовы со свѣтильникомъ встрѣтить грозное пришествіе Христово. Но Господь сказалъ: „Не всякъ глаголюй ми: Господи, Господи, увидеть въ Царствіе Небесное, но творай волю Отца Моего“ (Мате. 7, 21). Вотъ эта именно воля Отца Нашего Небеснаго и выражается второю частью заповѣди: „возлюбиши искренняго своего, яко самъ себе“. Эта любовь къ ближнему должна проявляться во всей жизни истиннаго христіанина. О грѣшницѣ, омывшей слезами ноги Иисуса Христа и вытершей ихъ своими волосами на обѣдѣ у Симона—фарисея, Божественный Учитель сказалъ: „отпущаются грѣси ея мнози, яко возлюби многа“ (Лук. гл. 7, ст. 47). Въ чемъ-же у Васъ, въ Вашей будущей жизни, можетъ выражаться эта любовь къ ближнему?

Когда Вы возвратитесь въ родительскій домъ, многимъ изъ Васъ придется ухаживать за престарѣлыми родителями и малыми братьями и сестрами. Съ терпѣніемъ и любовью выполняйте эту нелегкую обязанность,—это пробный камень любви къ человечеству. Другимъ изъ Васъ, быть можетъ, Господь укажетъ вели-

ное служеніе просвѣтительницъ народа. Не зарывайте въ землю, какъ рабъ лѣнивый и лѣзавый въ притчѣ о талантахъ, своихъ, прибрѣтенныхъ у насъ въ училищѣ, знаній въ землю. „Туне пріясте, туне дадите“ (Матѣ. X, 8). Старайтесь просвѣтить грамотой умы темныхъ людей и велика будетъ Ваша заслуга, если, благодаря Вашимъ трудамъ, хоть одинъ человѣкъ будетъ въ состояніи утѣшить себя въ трудную минуту чтеніемъ Слова Божія. Труденъ этотъ путь,—это служеніе народу, но только узкія врата ведутъ въ Царствіе Божіе (Матѣ. гл. 7, ст. 13). Укрѣпляйте свой духъ для этого служенія чтеніемъ Слова Божія, потому что „духъ бодръ, плоть-же немощна“ (Матѣ. 26, 41). Еще больше любовь въ жизни потребуетъ отъ тѣхъ изъ Васъ, кому Богъ судитъ сдѣлаться женою и матерью. Семейное счастье зиждется на взаимной любви и уваженіи членовъ семьи. Въ кругу семьи, окруженный заботами и предупредительностью любящей жены, мужъ очерпаетъ подкрѣпленіе силъ для своихъ трудовъ и борьбы съ невзгодами жизни. Современный строй жизни, заставляющій главу семьи проводить большую часть времени въ заботахъ о насущномъ хлѣбѣ, возлагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ на жену почти всю заботу о воспитаніи дѣтей. Помните, что для чрезвычайно впечатлительной души ребенка примѣръ—все! Внушенія-же, даже самыя краснорѣчивыя для ребенка—ничто, если онъ не видитъ вокругъ себя дѣлъ любви и милосердія. Поэтому, старайтесь сами не дѣлать того, чего не хотите, чтобы дѣлали ваши дѣти: будьте для нихъ примѣромъ благочестія, христіанской любви и милосердія. „Любите враговъ вашихъ и благотворите ненавидящимъ Васъ“—и только тогда ваши дѣти—эти будущіе слуги Церкви, Царя и Отечества—будутъ достойны великаго званія христіанина и человѣка. Многимъ изъ Васъ можетъ быть предстоитъ быть женами священниковъ, и тогда еще новыя обязанности лягутъ на Ваши еще молодыя, неокрѣпшія, плечи.

Но Господь даетъ трудъ, даетъ и силы его нести. Жена священника въ деревнѣ, въ глуши является утѣшительницею и побѣдителемъ для деревенскихъ женщинъ. Любите ихъ, помогайте нести имъ ихъ тяжелую долю. Господь цѣнитъ только безкорыстный, самоотверженный трудъ. И здѣсь, соболевая, сострадая и наставляя этихъ несчастныхъ бѣдныхъ женщинъ, Вы выполните слова Господа Іисуса Христа: „когда дѣлаешь пиръ, зови нищихъ, увѣчныхъ, хромыхъ и слѣпыхъ и блаженъ будешь, что они не могутъ воздать тебѣ“ (Лук. 14, ст. 13—14).

Принимите-же на прощаніе наши пожеланія Вамъ счастья и всякаго успѣха. Больше всего желали-бы мы, чтобы Вы и на жизненномъ пути сохраняли ту душевную чистоту и невинный взглядъ на міръ и людей, который свойственъ Вашему юному возрасту. Іисусъ Христосъ выше всего ставитъ эти свойства дѣтей: „Аще не обратитесь и будете яко дѣти, не ввидите въ Царство Небесное“ (Матѳ. 18, ст. 3). Аминь“.

Доброе дѣло.

Какъ уже извѣстно нашимъ читателямъ, предсѣдателемъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища была произнесена рѣчь во время торжественнаго акта въ этомъ училищѣ 1-го іюня с. г. Позволяемъ себѣ остановить вниманіе читателей на одной изъ сторонъ этой рѣчи.

Достопочтенный о. предсѣдатель указалъ, между прочимъ, что училище снабжаетъ своихъ спроть-питомицъ при окончаніи ими курса самымъ необходимымъ изъ платья и бѣлья. Нельзя этому не порадоваться. Бѣдноты среди оканчивающихъ курсъ достаточно, и великое дѣло для нея—не нуждаться на первыхъ порахъ по выходѣ въ жизнь хоть въ самомъ необходимомъ. Въ послѣдніе годы на помощь училищу въ этомъ добромъ дѣлѣ приходитъ Братство св. Великомученицы Варвары, которое, какъ видно изъ его отчетовъ, съ достаточнымъ успѣхомъ выполняетъ свое назначеніе. Имъ выдано бѣднѣйшимъ изъ окончившихъ въ этомъ году воспитанницамъ на означенный предметъ болѣе 400 р. Сумма значительная для такого скромнаго и недавно начавшаго свою благотворительную дѣятельность общества. Нельзя не посочувствовать этому юному обществу въ его доброй дѣятельности и не пожелать ему полнаго успѣха. Добрые люди согласятся съ нами. Нельзя пройти молчаніемъ въ этомъ случаѣ и сочувственнаго отношенія къ Братству представителей мѣстнаго духовенства, главныхъ жертвователей на его нужды,—они великодушно приходятъ на помощь въ воспитаніи дѣтей бѣднѣйшимъ изъ собратьевъ своихъ. Да будетъ и впредь такъ!

Памяти о. Іоанна Ковалева.

16-го іюня с. г. въ 12 ч. ночи тихо почилъ заштатный священникъ—бывшій настоятель Тихоновской церкви, сл. Борщеваго, и духовникъ 4 благочинническаго округа, Харьковскаго уѣзда, отецъ Іоаннъ Ковалевъ, на 89 г. жизни. О. Іоаннъ Ковалевъ принадле-

жалъ къ тѣмъ добрымъ пастырямъ, которые трудятся на духовной нивѣ не ради своихъ выгодъ, а именно, ради своего пастырскаго долга. Прослуживъ на одномъ мѣстѣ болѣе 50 лѣтъ, о. Іоаннъ сдѣлалъ этому приходу много хорошаго, а его простота, отзывчивость къ бѣднымъ на всѣ ихъ нужды, любовь къ прихожанамъ соединили о. Іоанна съ прихожанами такъ, что ихъ горе, нужды—его горе, ихъ радости—его радости.. Не было случая, чтобы кто отъ прихожанъ вышелъ изъ квартиры о. Іоанна обиженнымъ, или не утѣшеннымъ... Окружное духовенство относилось къ о. Іоанну съ большимъ уваженіемъ. Свою любовь къ о. Іоанну прихожане высказали въ знаменательный день въ жизни его, а именно въ день 50 лѣт. юбилея,—въ числѣ многихъ поздравленій и подарковъ имъ былъ поднесенъ дорогой образъ св. Іоанна Рыльского, имя котораго носятъ о. Іоаннъ.

Свою любовь къ о. Іоанну прихожане распространяли не только къ нему лично, но и къ его близкимъ и пожелали, чтобы всегда священники были у нихъ изъ его родственниковъ. Епархіальное Начальство, видя труды духовнаго дѣятеля, часто награждало его, покойный имѣлъ награды, положенныя духовнымъ, до Владимира 4 ст. включительно.. Въ своей семейной жизни о. Іоаннъ Ковалевъ испыталъ много горя. Въ молодыхъ лѣтахъ, онъ лишился своей помощницы—жены и ему, кромѣ заботъ по приходу, пришлось самому вести домашнее хозяйство и воспитывать 3 дочерей. Воспитавъ дѣтей, ему пришлось не долго утѣшаться ими. „Пути Господни не вѣдими“, послѣ замужества старшихъ 2 дочерей, о. Іоанну пришлось почти въ теченіе года похоронить ихъ съ ихъ мужьями, отъ которыхъ, на его попеченіе, остался двѣ сироты: „Господь далъ, Господь и взял“, этими словами только и утѣшалъ себя о. Іоаннъ. По выходѣ въ заштатъ, о. Іоаннъ проживалъ у своихъ внучекъ, которыхъ онъ воспиталъ на свои средства въ Епархіальномъ училищѣ, а остатокъ дней своихъ онъ провелъ у пріютившей его внучки—жены свящ. сл. Тишковъ, Харьковскаго у. А. Ильпской... Погребеніе о. Іоанна Ковалева заставляетъ сознать, какая глубокая и трогательная связь существуетъ между прихожанами и добрымъ пастыремъ. Для перенесенія тѣла о. Іоанна изъ сл. Тишковъ въ церковную ограду сл. Борщевского собралось много народа и все время, несмотря на дальность пути, гробъ несли на рукахъ. Погребеніе совершалъ благочинный о. прот. Червонецкій съ окружнымъ духовенствомъ. Въ словѣ, произнесенномъ прот. Червонецкимъ, указано было, какъ всегда о.

Іоаннъ безукоризненно выполнялъ свое пастырское служеніе, а священникомъ І. Ильинскимъ (внукъ умершаго) было сказано трогательное прощальное слово. Гробъ до могилы несли всѣ родственники умершаго.

Даѣ Богъ больше такихъ пастырей церкви, какимъ былъ о. Іоаннъ Ковалевъ, въ особенности въ настоящее время—смуть...

Миръ праху Твоему, добрый пастырь, и память о Тебѣ никогда не угаснетъ у знающихъ Тебя!

В. Толмачевъ.

Иноепархіальный отдѣлъ.

Епископъ и духовенство.

Преосвященный Гурій, епископъ Симбирскій, усмотрѣвъ въ журналахъ благочинническихъ собраній демонстративную настроенность духовенства противъ епархіальной власти, къ свѣдѣнію духовенства епархіи, опубликовалъ, по словамъ „Минск. Еп. Вѣд.“, резолюцію, въ которой, между прочимъ, говорится о такихъ не порядкахъ въ собраніяхъ духовенства: „собраніемъ духовенства завладеваютъ двое-трое изъ молодыхъ священниковъ, проникнутыхъ крайнимъ либерализмомъ въ своихъ сужденіяхъ по современнымъ теченіямъ жизни и съ дерзостію настаивающихъ, чтобы всѣ соглашались съ ихъ разсужденіями,—при чемъ никакихъ возраженій они не допускаютъ: прямо забиваютъ словами въ два-три голоса, повышаемаго на нѣсколько тоновъ до крика. При такихъ хаотическихъ разсужденіяхъ на благочинническихъ съѣздахъ духовенства, по сознанию благочестныхъ іереевъ, приходится подписываться къ постановленіямъ собраній противъ совѣсти потому только, что такъ рѣшаетъ большинство присутствующихъ, подъ вліяніемъ верховодовъ собранія. Въ виду этого я полагаю бы тѣ благочинническіе округа, гдѣ имѣются либерально-ярые священники, озлобленные противъ епархіальной власти, совершенно освободить отъ обсуждения вопросовъ изъ современной церковно общественной жизни, по предложеніямъ епархіальнаго начальства. Сами по себѣ пусть они судятъ и рядятъ о нихъ сколько угодно и какъ угодно“.

Нижегородскій магазинъ церковной утвари.

Магазинъ парчи и церковной утвари при Нижегородскомъ епархіальномъ свѣчномъ заводѣ, открытый въ октябрѣ прошлаго года, по апрѣль т. г. получалъ прибыли 2762 руб. 30 к., изъ нихъ чистой прибыли—612 руб. 33 коп. Капиталъ свѣчного завода въ операціяхъ магазина не обращается. (Нвж. ц.-общ. Вѣс. № 17).

Пастырскія собранія въ Кишиневской епархіи по вопросу объ устроении церковно-приходской жизни.

Обружныя пастырскія собранія Кишиневской епархіи, по вопросу объ устроении церковно-приходской жизни, признавая приходскія собранія и церковныя совѣты въ принципѣ полезными и необходимыми, полагаютъ однако, что вводить ихъ слѣдуетъ не спѣшно и крайне осмотрительно, такъ какъ простой народъ настолько еще не развитъ, что положительно невозможно разсчитывать на его силы въ дѣлѣ сотрудничества духовенству на почвѣ просвѣщенія и благотворительности. Кромѣ сего выборные, несомнѣнно, предъявляютъ посязновеніе на распоряженіе церковными суммами, изъ за чего между причтами церквей и членами совѣтовъ могутъ возникнуть пререканія и недоразумѣнія, и тогда вмѣсто полнаго единенія пастыря съ паствою, на самомъ дѣлѣ произойдетъ полный разладъ между тѣми и другими. Во избѣжаніе послѣдняго признано желательнымъ, чтобы для предполагаемыхъ церковныхъ совѣтовъ предварительно былъ бы разработанъ уставъ, строго опредѣляющій границы дѣятельности членовъ (Клш. Еп. Вѣд. № 15).

Разныя извѣстія и замѣтки.

Графъ Толстой о Думѣ.

Корреспондентъ Новаго Времени, г. Юрій Вѣляевъ, посѣтилъ графа Л. П. Толстого и передаетъ свой разговоръ съ нимъ (№ 10867):

— Васъ, конечно, интересуетъ Государственная Дума? спросилъ я.

Толстой поднялъ голову и отвѣтилъ:

— Очень мало.

— Но вы все-таки слѣдите за отчетами думскихъ засѣданій?

— Нѣтъ. Знаю о нихъ больше по рассказамъ домашнихъ. Если же случится заглянуть въ газеты, стараюсь какъ-нибудь обойти это мѣсто...

„У меня отъ Думы три впечатлѣнія: *комичное, возмутительное* и *отрапительное*.

„*Комичное* потому, что мнѣ все кажется, будто это дѣти играютъ „во взрослыхъ“. Ничего новаго, оригинальнаго и интереснаго нѣтъ въ думскихъ преніяхъ. Все это слышано и переслышано. Никто не выдумалъ и не сказалъ ничего своего. У депутатовъ нѣтъ „выдумки“, о которой говорилъ Тургеневъ. Совершенно такъ сказалъ одинъ купецъ, бывший у меня на-дняхъ. На то-же жалуется мнѣ въ письмѣ одинъ умный Англичанинъ: „Мы ждемъ,—пшеть онъ,—указаній отъ вашей Думы новаго пути, а вы рабски подражаете намъ“. Недавно я получилъ очень хорошую книгу одного Нѣмца: его псевдонимъ „Ein Selbstdenker“, то есть „самомыслящій“,—вотъ этого-то нѣтъ и слѣда въ Думѣ. У депутатовъ все перенято съ европейскаго, и говорятъ они по-перенятому, вѣроятно отъ радости, что у нихъ есть „кулуары“, „блоки“ и прочее, и что можно все это выговаривать. Наша Дума напоминаетъ мнѣ провинціальныя моды. Платья и шляпки, которыя перестали носить въ столицѣ, сбываются въ провинцію, и тамъ ихъ носятъ, воображая, что это модно. Наша Дума—провинціальная шляпка.

„*Возмутительнымъ* въ ней мнѣ кажется то, что, по справедливымъ словамъ Спенсера,—особенно справедливымъ для Россіи,— всѣ парламентскіе люди стоятъ *ниже средняго уровня* своего общества и вмѣстѣ съ тѣмъ берутъ на себя самоувѣренную задачу разрѣшить судьбу стюмплюннаго населенія.

„*Наконецъ, отрапительное*—по грубости, несправедливости выставляемыхъ мотивовъ, ужасающей самоувѣренности, а главное—озлобленности“.

Комиссія графа Игнатьева по дѣламъ вѣры.

На засѣданіяхъ комиссіи графа Игнатьева, между прочимъ, по дѣламъ вѣры разсматривался вопросъ объ образованіи старообрядческихъ и сектантскихъ общинъ. Проектъ положенія объ этихъ общинахъ былъ выработанъ особой подкомиссіей, подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта Штурмера.

Совѣщаніе признало, что всякій старообрядческій толкъ или согласіе, прежде чѣмъ образовать общину, долженъ зарегистрироваться въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и только въ томъ случаѣ, если регистрація эта будетъ признана допустимой,—можетъ быть возбужденъ вопросъ о разрѣшеніи толку или сектѣ образовать общину съ своимъ молитвеннымъ домомъ и съ наставникомъ или настоятелемъ. Самое образованіе общины предположено установить явочнымъ порядкомъ, посредствомъ заявленія губернскому правленію.

Остальной части проекта подкомиссін Штюрмера совѣщаніе не касалось, полагая, что разработка ея должна быть предоставлена министерству внутреннихъ дѣлъ;—совѣщаніе же должно ограничиться установленіемъ основныхъ условій предположенной мѣры. Затѣмъ совѣщаніе графа Игнатъева приступило къ послѣдному вопросу, входящему въ его программу,—а именно,—къ разсмотрѣнію положенія о магометанскомъ духовенствѣ.—Матеріаломъ для этого служила записка, составленная членомъ Государственнаго Совѣта Череванскимъ.

Ранѣе совѣщаніе обсуждало вопросъ о раздѣленіи всего магометанскаго управленія на муфтїаты, при чемъ, взамѣнъ существующихъ муфтїатовъ: оренбургскаго, таврическаго и закавказскаго, предположено основать окружныя правленія по дѣламъ магометанской вѣры: петербургское (въ Петербургѣ), крымское (въ Симферополѣ), кавказское (въ Тифлисѣ), сибирское (въ Троицкѣ или Петропавловскѣ), оренбургское (въ Оренбургѣ), степное (въ Акмолинскѣ, Адбасарѣ, Иргизѣ), банкирское (въ Уфѣ). Слѣдующее засѣданіе, состоявшееся 25 апрѣля, было посвящено разсмотрѣнію остальныхъ вопросовъ, касающихся магометанской религіи, и совѣщаніе закончило свои засѣданія.

Новый проектъ церковно-учительскихъ школъ.

Осенью минушаго года Училищнымъ Совѣтомъ при Святѣйшемъ Синодѣ объявленъ проектъ измѣненія штата церковно-учительскихъ школъ. По этому проекту предположено увеличить съ 1 января 1906 года оклады годового содержанія: завѣдующему школою священнику съ 1500 до 2000 р., учителямъ общеобразовательныхъ предметовъ съ 900 до 1200 руб. каждому изъ лицъ съ высшимъ образованіемъ и съ 750 до 900 руб. съ среднимъ образованіемъ, старшей учительницѣ (въ женской школѣ)—съ 600 до 700 руб. и младшимъ учительницамъ—съ 500 руб. до

600 р. каждой, учителю пѣнія и музыки съ 600 до 800 р. Кроме того, увеличиваются еще назначенія на наемъ прислуги, отопленіе, освѣщеніе, ремонтъ, страхованіе и содержаніе зданія церковно-учительской школы съ 1500 до 4000 р. въ годъ, на учрежденіе казенныхъ стипендій—съ 2800 до 3600 р. въ годъ и на обученіе рукодѣлію (въ женской школѣ) съ 400 до 500 р. въ годъ. Наконецъ, предполагено еще ввести въ штатъ церковно-учительской школы новыя назначенія: на содержаніе врача (онъ же и преподаватель гигіены)—300 руб. въ годъ, на учебники и учебныя пособія—200 р. въ годъ, на преподаваніе черченія и рисованія—300 р. въ годъ, на преподаваніе сельскаго хозяйства—500 руб. въ годъ и на ручной трудъ (въ мужской школѣ)—350 р. въ годъ. Изложенный проектъ находится нынѣ на разсмотрѣніи Государственнаго Совѣта. („Колоколъ“).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Учитель пѣнія и регентъ

Кутанскаго духовнаго училища, окончившій регентскіе классы при Петербургской Придворной Пѣвческой Капеллѣ, желаетъ перемѣнить мѣсто на такую-же должность или же только—регента.

Адресъ: слобода Боромля, Харьковской губ., Ахтырскаго уѣзда.
Ө. Н. КУНДА.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА
 АРХИМАНДРИТА МИХАИЛА
 (Вогданова):

„ПРЕОБРАЖЕНІЕ ГОСПОДА ИСУСА ХРИСТА.

Его предсказаніе о Своей смерти и воскресеніи и наставленіи ученикамъ въ Капернаумѣ“.

Опытъ эзегетическаго изслѣдованія XVII и XVIII главъ св. Матѳея.
 Казань, 1906 г. 1+412 стр. Цѣна 2 руб.

РЕГЕНТЪ предлагаетъ свои услуги тѣмъ прихожанамъ церкви,—гдѣ любители строгаго и художественнаго церковнаго пѣнія; имѣетъ солидныя рекомендаціи.

Адресъ: г. Александровскъ-Грушевскій О. В. Д. Сквозной переулочъ,
 Р. П. П. № 3.

Журналь „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года: за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“. „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“: кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. П. Корсунскаго.—„Религіозно-правственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Биографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средне-вѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“? В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Самыя и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихриствѣ. Профес. А. Д. Бѣляева.—„Книга Руоѣ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Тамбовскаго).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія монизма“. Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струво.—„Краткій очеркъ основнхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Ливницкаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи Профес. В. Д. Кудряцева.—„Законъ жизни“. Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ», свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала «Вѣра и Разумъ».

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплатили своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: | Директоръ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй ЮШКОВЪ
| Д. йств. Статск. Совѣтникъ Константинъ ИСТОМИНЪ.